

RUDOLF STEINER

Vom Einheitsstaat zum
dreigliedrigen sozialen
Organismus

Elf öffentliche Vorträge
gehalten in Basel, Zürich und Dornach
zwischen dem 5. Januar und 6. Mai 1920

GA 334

1983
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

От единого государства к трёхчленному
социальному организму

Одиннадцать публичных лекций,
прочитанных в Базеле, Цюрихе и Дорнахе
между 5 января и 6 мая 1920 года,

GA 334

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2023 год

1983
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Пути и цели духовной науки (антропософии)

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Базель, 5 января 1920 года . . . . .

О происхождении современной духовной жизни и пронизанной техникой жизненной практики. Места образования древнего Востока. Развитие духовно-душевного человека на Востоке. Существо современной духовной жизни. Два течения человечества: сверхчеловек — недочеловек. О формировании мышления и антропософском пути обучения. Примеры из современной духовной жизни.

Духовно-научные основания телесного и душевного здоровья

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, Базель, 6 января 1920 года . . . . .

Отношение духовно-душевного человека и телесно-физического. Педагогика и духовная гигиена. Воля и интеллект. О медиумизме. Духовная наука и медицина. Мировоззрение Гёте как отправная точка для более высокого развития познавательных способностей человека. Интуитивное познание человека и интуитивная медицина, основанная на знании трёхчленного существа человека.

Нравственные и религиозные силы в смысле духовной науки

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, Базель, 7 января 1920 года . . . . .

Познание и моральные побуждения. Пути к имагинативному познанию. Упражнения для развития жизни воли. Проникновение имагинаций нравственными инспирациями. Духовно-научные познания как переживание. Природная причинность и свобода в их отношении к нравственности. Любовь как наиболее достойный импульс для нравственного действия. Духовная наука не как проповедник, а как основатель морали. Познание духа и души и его значение для современной науки.

Не-дух и дух в современности и для будущего

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 17 марта 1920 года . . . . .

Оценка мировой ситуации экономистом Дж. М. Кейнсом. Основа мировоззрения современности и его границы. Об отношении человека к языку. Мировое господство фразы в духовной жизни. Мировое господство условности в правовой жизни. Мировое господство рутины в экономической жизни. Преодоление фразы, условностей и рутины посредством несущей мысли речи, посредством наполненной человеческо-социальным чувством правовой жизни, посредством пронизанной духом, ассоциативной экономики. . . . .

Заключительное слово после дискуссии . . . . .

Духовные силы в искусстве воспитания и в народной жизни

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 18 марта 1920 года . . . . .

От естественно-научного, лишённого воли мышления к одушевлённому, живому мышлению. Преодоление лишённой мыслей воли несущей дух волей. Антропософски ориентированная духовная наука как методологическая основа искусства воспитания. Эпохи в развитии

ребенка. Значение художественного для воспитания. Мысли о формировании учебного плана и плана уроков. Дополнение нашего собственного существа через духовную науку для преодоления абстрактного мышления. Необходимость и смысл трёхчленного социального организма.

Заключительное слово после дискуссии . . . . .

Трёхчленность и современное положение в мире

ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 19 марта 1920 года

Перед статистически-народнохозяйственным обществом кантона Цюрих. . . . .

Мысли о взаимодействии людей для решения социальных задач. Духовно-научные методы познания и восприятия фактов жизни народов как основа познания условий развития. О русском народе. Мысли о взаимоотношениях государства и экономики во Франции. О конституции Императорского совета Австрии. О природе социал-демократии. Необходимость тройственности для решения социального вопроса.

Заключительное слово после дискуссии и ответы на вопросы . . . . .

Выступление по случаю визита Ассоциации швейцарских граждан для осмотра здания в Дорнахе

Дорнах, 18 апреля 1920 года . . . . .

Возникновение мыслей о трёхчленности в результате наблюдения за текущими центрально-европейскими условиями. Почему трёхчленность считается некой утопией. О развитии духовных, государственных и хозяйственных условий современности с учётом их развития в последние три-четыре столетия. Земля как единая хозяйственная область. Государство и демократия. Духовная подоплёка ситуации классовой борьбы. Освобождение духовной жизни на примере вальдорфской школы. Требование ассоциативного способа хозяйствования. Основополагающие задачи отдельных членов общественного организма. Значение христианства для настоящего и будущего.

Современный экономический кризис и оздоровление экономической жизни посредством трёхчленности социального организма

ЛЕКЦИЯ, Базель, 26 апреля 1920 года

Для хозяйственников по поводу мессы образцов в Базеле в большом зале для «мятежников»

Духовно-научная деятельность как основа постижения действительности. Понятие кризиса в экономике. Идеологическая надстройка и действительность. Происхождение материализма. К истории развития в России. Отношение денежного хозяйства ко всей хозяйственной жизни. Единое государство как панацея в сознании современности. Значение наследственного права в современной хозяйственной и правовой жизни. Три основных требования импульса трёхчленности: свободная духовная жизнь, демократическая правовая жизнь, ассоциативно сформированная хозяйственная жизнь.

Ответы на вопросы . . . . .

Духовная наука (антропософия) в отношении духа и не-духа в наше время.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Базель, 4 мая 1920 года .....

Примеры современной жизненной практики. Антропософия и практическая жизнь. Познание становящегося человека. Преодоление обычного мышления с помощью медитации. О развитии жизни воли. Развитие мышления и воли и их отношение к жизни до рождения и к жизни после смерти. Духовное обучение и действительность жизни.

Существо души и нравственная ценность человека в свете духовной науки (антропософии)

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ, Базель, 5 мая 1920 года .....

Значение нравственной жизни в современном мировоззрении. К развитию естественно-научного мировоззрения. Развития душевной жизни. О разнице между свободным от тела мышлением и обычным мышлением. Обучение свободному от тела чувствованию и волеию. Внутренние отношения между минеральным, растительным, животным и человеческим мирами. Духовно-научное мировоззрение как спаситель нравственных ценностей человека. Необходимость приближения к тайнам христианства.

Духовные и нравственные силы современных народов в свете духовной науки (антропософии)

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, Базель, 6 мая 1920 года

Взаимоотношения между народами, населяющими Землю сегодня, в плане их духовно-душевного и материального развития. Характеристика трёх типов людей в человеческом развитии в связи с тремя членами человеческого существа. Восточное мировоззрение и его связь с системой обмена веществ. Ритмичный человек как идеал восточного народного типа. Преобладание ритмической системы в греческом человеческом типе. Продолжение гречества в гётеанизме. Нервно-чувственный человек как идеал средиземноморского типа человека. Западный тип человека и его отношение к нервно-чувственной системе. Познание природы и материальное познание как идеал западного типа человека. Абстрагирование нравственной идеи и придание смысла свободе, исходя из натурализма. Необходимость, чтобы люди вырастали из своей национальности. Сущность этического индивидуализма.

Пути и цели духовной науки (антропософии)

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Базель, 5 января 1920 года

Тот, кто взглянет на здание по соседству, посвященное так называемому Гётеануму, свободной высшей школе для духовной науки, которое хочет служить духовным и цивилизационным интересам будущего, тот может быть затронут необычными формами, стилем, которые перед ним выступают. Может возникнуть ряд возражений против того, что он там видит. Те, кто принимал участие в строительстве, если они будут исходить из доброй воли, смогут понять такие возражения, что здесь речь идёт о предварительной попытке. Но в отношении этого здания необходимо поставить один определённый вопрос, который характерен для всего того, чего хочет и к чему стремится то духовное движение, репрезентантом которого должно быть это строение. Если бы была необходимость создать какое-либо самостоятельное строение обычного рода для определённого духовного течения, для определённого рода духовной деятельности, то, вероятно, пригласили бы того или иного архитектора, того или иного художника, и с ними, вероятно, договорились бы о том, что должно будет происходить в таком строении, и тогда в каком-нибудь античном стиле или в стиле ренессанса, или в каком-то другом стиле, воздвигли бы здание, в котором теперь эта духовно-научная деятельность обрела бы своё жилище. И тогда возникла бы только внешняя связь между формами внутри здания и вокруг этого здания, которому посвящена эта духовная деятельность, и ей самой.

Как раз, так с этим духовным движением делать было нельзя. Здесь речь шла о том, чтобы создать для определённого духовного течения внешнюю оболочку, которая в целом и в каждой мельчайшей детали была бы словно рождена из всего мышления, ощущения и воления самого этого духовного движения. Речь шла о том, чтобы во внешней форме, вплоть до мелочей, создать нечто такое, что было бы внешним выражением внутренне желаемого таким же образом, как слово, или что-то другое, которое должно выражать содержание самого этого духовного движения. Тут нельзя было обращаться к какому-нибудь уже существующему стилю, к какому-нибудь языку формы, переданной исторически. Тут из того же духовного основания, из которой черпается содержание мировоззрения, должно было черпаться и то, что предстает перед взором видимым образом в строительных формах. Это заключается не только в сокровенном побуждении духовно-научного движения, называемого также антропософским движением, но и во всем том, как это движение понимает свою задачу, свои пути, свои цели по отношению к великим требованиям современности. цивилизованный мир. Это лежит не только в самом внутреннем побуждении духовно-научного движения, которое называет себя также антропософским движением, но и во всём том, как это движение понимает свои задачи, свои пути, свои цели по отношению к великим требованиям современного цивилизованного мира.

Это духовное течение не хочет быть какой-то заимствованной теорией, какой-то занимающей только интеллект наукой, оно не хочет быть чем-то таким, что может служить лишь одностороннему удовлетворению внутренних душевных интересов, оно хочет быть чем-то таким, что может обеспечивать сокровенное удовлетворение тех желаний человеческой души, которые направлены к мировоззрению. Но это мировоззрение оно хочет так прочно укоренить в действительности, чтобы оно могло воздействовать на всю практическую жизнь. Поэтому то, что мы вначале смогли сделать сами как непосредственное создание строительных и художественных форм для нашего дела, является характерным для всего этого движения. И, как оно, правда, в одной узко ограниченной и кажущейся отдалённой от внешней жизни области, вмешивалось непосредственно в самое практическое, так это духовное движение хочет искать пути и указывать цели, которые вмешиваются во всё социальное, во всё нравственное, во всю совместную жизнь людей, в самом широком смысле этого слова. Не чуждыми миру идеалистами должны быть те идеалисты, которые строят на

основе этой духовной науки, - они должны быть такими идеалистами, которые в состоянии позволить тому, что выйдет из их душ, влиться в практическую жизненную деятельность. И всё то, что часто так чуждо протекает в том, что человек думает, должно соответствовать тому, что является самым внутренним душевным стремлением человека. Внешняя практика жизни должна быть единой с тем, посредством чего человек ищет свои нравственные импульсы, развивает свои социальные побуждения, предаётся своим религиозным чувствам. С таким настроем, с таким воззрением, это духовно-научное течение стоит, правда, сегодня ещё довольно далеко от того, к чему стремятся, что считают правильным широкие круги образованных сегодня людей.

То, что так должно быть, и что это необходимо, что в нашу современную цивилизацию помещается такое духовное движение, становится очевидным, когда обращаешь взор на то, что вся наша жизнь, внутри которой мы сегодня находимся, является, собственно, слиянием самых различных течений. Сегодня я хочу поговорить вначале о двух основных течениях жизни нашей цивилизации. Сегодня мы имеем то, что мы называем нашим духовным образованием, в котором коренятся наши религиозные убеждения, из которого берут начало наши нравственные идеалы, но в котором коренится и вся наша высшая духовная жизнь. У нас есть то, посредством чего человек должен развивать сверх обычного физического труда свои способности и силы для духовного образования. И кроме того, у нас есть практическая жизнедеятельность, которая в последние столетия получила такие интенсивные импульсы. Мы имеем вокруг себя, правда, инициированную нашей наукой, но глубоко проникшую в общественную жизнь технику, которая преобразила современную цивилизованную жизнь в том смысле, который, совершенно определённо, был бы совершенно непостижим для человека восемь-девять столетий назад.

Если мы теперь спросим себя, откуда берётся, с одной стороны, наша духовная образовательная жизнь, которая господствует не только в наших высших школах, но и развертывает свои побегі вплоть до нашей начальной школы, и откуда, с другой стороны, берётся наша так широко пронизанная техникой жизненная практика, то мы получим ответ, которому современный человек придаёт ещё мало значения. Но, ведь, надо только обратить внимание на то, - и мы очень подробно займёмся этим в третьей лекции, - что образует, как бы, основу нашей европейской цивилизации, а именно, её духовной части, надо взглянуть в широком смысле на христианство, и тогда, уже при поверхностном рассмотрении мировой истории можно будет сказать: Если из того, что живёт в нас как христианское воззрение, как христианские убеждения, из которых выработалось так много наших общих духовных воззрений и убеждений, - гораздо больше, чем мы хотим сегодня признавать, - если поискать источник этих воззрений и убеждений, то, в конце концов, приходишь к пути, пройденному христианством с Востока на Запад. И если, после получения таким образом направления поиска, продолжить исследование, обнаружится, что те пути, которые открываются, если проследить наше духовное образование, - те пути, которые ведут к латино-римскому, к греческому, преемственности которых ещё явно проявляет наша духовная культура, - что эти пути в конце концов приводят к особому душевному состоянию, к особой конституции души, благодаря которому, тысячелетия тому назад, дохристианские тысячелетия, возникла наша, направленная, как раз, больше на внутреннее, на душевно-духовное, образовательная жизнь. И только потому, что эта образовательная жизнь, это внутреннее духовное видение в ходе столетий и тысячелетий сильно изменилась, мы сегодня больше не замечаем, каким образом она берёт свое начало от того, что, как было сказано, возникло за тысячи лет до христианства, исходя из духовного состояния, которое стало совершенно чуждым сегодняшним цивилизованным людям. Для того, чтобы понять этот далёкий путь, надо возвращаться не к только к тому, что предлагают внешние, подкреплённые документами исторические описания, а надо выходить за пределы того, что могут сказать эти описания истории, в дохристианские времена. Это для современного человека сделать довольно трудно. Поскольку глубоко внутри себя он думает, что в ходе последних столетий, наверное, только самых последних столетий, он в духовных вещах «так далеко продвинулся», что всё,

что было в те времена, на которые было только-что указано, можно отнести к области детского, примитивного.

Но кто сможет найти путь к древней культуре Востока, не затуманенный таким предубеждением, тот увидит, что в дохристианские времена цивилизация на Востоке, духовное образование, были существенно другими, и что они предлагали человеческим душам вполне интенсивное духовное содержание. Но оно достигалось совершенно иным, я бы сказал, радикально иным образом, нежели сегодня достигается то, над чем должен господствовать сегодня человек, получающий своё духовное образование в высших школах.

Кто в то время в древнем Востоке должен был усвоить высшую духовную культуру, тот, после того, как он был для этого избран руководителями соответствующих образовательных учреждений, должен был проделать полное преобразование всего своего человеческого существа. Я говорю об образовательных учреждениях этого древнего Востока. Они познавательным образом доступны духовной науке, о которой я здесь говорил; но если быть достаточно непредубеждённым, если иметь определённое мужество в мышлении и познании, то можно и из того, что было передано исторически, делать заключения о том, что было в дохристианские времена. Об этих образовательных учреждениях нужно говорить так, что то, что у нас выступает отдельно, выступает там в некоем внутреннем единстве. Эти образовательные учреждения, к которым, собственно, сводится всё, что мы носим в себе ещё и сегодня, только в существенно изменённом виде, были одновременно и тем, что мы сегодня называем церковью, и то, что мы сегодня называем школой, и также тем, что мы называем сегодня художественными учреждениями. Искусство, наука, религия, - они образовывали некое единство в более древних человеческих цивилизациях. И тот, кто обучался в этих образовательных учреждениях, должен был развивать себя всего. Он должен был преобразовывать самого себя. Он должен был задействовать другую форму мышления, нежели он использовал в повседневной жизни. Он должен был предаваться созерцательному (*beschaulichem*) мышлению. Нужно было привыкнуть к тому, чтобы обходиться с мышлением так же, как иначе обходятся только с внешним миром. Но он должен был также привыкать к трансформации всей своей чувственной и волевой жизни. Сегодня трудно даже представить себе, что требовалось в этом направлении. Поскольку, как мы, собственно, думаем о нашей жизни? Мы признаём: ребёнок, - его надо развивать. Его способности и силы, с задатками которых он появился в мире, мы должны развивать посредством воспитания. Ну, да, ребёнок не может воспитать себя сам; другие, взрослые считают, что ребёнка с его способностями и силами надо развивать. И мы делаем ребёнка другим также в отношении его мышления, чувства и воли, нежели он был рождён в этот мир. Но если мы ожидаем от человека, что он должен продолжать это развитие даже после того, как он обрёл свою собственную волю, когда другие, исходя из своих представлений, уже не заботятся о его развитии, то современный человек находит в этом совершенно необоснованное требование; поскольку развиваться надо только до тех пор, пока это развитие не может осуществляться по собственной воле, пока не можешь сам взять его в свои руки. Достигнув однажды определённой свободы относительно своего собственного развития, человек прекращает это развитие. Это интеллектуальное высокомерие, в котором мы сегодня живём. Когда мы достигаем возможности взять своё развитие в свои руки, мы думаем, что мы уже закончены, и помещаем себя в мир как законченных людей. В той цивилизации, на которую я хотел бы сегодня указать, такого воззрения не было, - человек развивался дальше и дальше. И точно так же, как то, что ребёнок способен узнавать, чувствовать, делать, после того, как он прошёл определённое обучение, представляет собой своего рода пробуждение души, так и для дальнейшего развития, которое человек теперь может взять в свои руки, тоже есть такое пробуждение. К такому пробуждению в душевной деятельности, которая была выше по сравнению с обычной в том же смысле, как способности взрослого выше способностей ребёнка, - к такому пробуждению воспитывались ученики восточных мистерий. И считалось, что судить о высших вопросах жизни способны только те, кто таким образом испытал в жизни это более позднее пробуждение в лучшем смысле этого слова. И человек

подготавливался не просто для того, чтобы быть человеком, который, когда он думает, когда он развивает определённое внутреннее чувство и восприятие, посредством знания о своей связи с духовным миром чувствует себя удовлетворенным, нет, - там развивались не только способности для некоего мировоззрения, но там развивались те способности, посредством которых направлялась социальная и внешне-техническая жизнь, посредством которых организовывалась совместная человеческая жизнь. Это духовное образование и развитие определяла всю жизнь.

Нам так трудно вернуться к тому, что господствовало тысячи лет назад, там, на Востоке, в исходной точке нашего новейшего человеческого развития, поскольку с дальнейшим развитием человечества вся наша душевная конституция стала другой, поскольку мы пришли к другим представлениям и взглядам на жизнь. Тот человек, который стоял внутри указанного выше духовного образования, был инстинктивно предрасположен к такому преобразованию человеческого существа. Инстинкты того человека были другими. В своём воззрении на духовную жизнь они были склонны к определённому преобразованию. Люди, не подвергшиеся такому обучению, сами смотрели, исходя из своих инстинктов, которые в них также присутствовали, наверх, на то, что могли дать им образованные. Они следовали им в отношении развития своей внутренней душевной жизни. Но они следовали им также в отношении организации общественной жизни, в смысле нахождения своего места в общей жизни.

Инстинкты, которые вели к такой жизни, преобразуются в сегодняшней общей культуре человечества точно так же, как определённые душевные инстинкты ребёнка преобразуются у взрослого. Но посредством этих инстинктов, в связи с тем, что выросло в тех образовательных учреждениях, которые можно назвать мистериями, возникало человеческое душевное настроение, исходя из которого, невозможно было ничего другого, как то, что является ядром человеческого существа, искать не здесь, в окружении жизни, которая включает в себе человеческое тело, - а всё это воззрение на жизнь вело к тому, чтобы, также исходя из определённых инстинктов, подняться, в совершенно обычном сознании подняться к более высокому человеку в человеке, к тому в человеке, что является духовно-душевым, к тому в человеке, что, хотя во время между рождением и смертью и предстаёт в чувственном теле, но является в самом себе вечным, и принадлежит духовному миру, в который он, как раз, инстинктивно заглядывает. Нечто сверхчеловеческое, если мне будет позволено использовать это выражение, которое, благодаря последователям Ницше, стало сомнительным, - нечто сверхчеловеческое рассматривалось как ядро человеческого существа. То, на что человек смотрел как на своё собственное существо, было нечто такое, что выходило за пределы обычного человека. В этом было величие того образования: человек искал своё существо в некоем духовно-душевном, которое лишь находит своё выражение в телесном, которое включается во всё человеческое существо из духовно-душевного мира, руководит этим человеческим существом в самых материалистических его проявлениях из духовно-душевного.

В результате многих трансформаций, многих преобразований, то, что возникло как содержание этого духовного образования, и было затем разработано на Востоке, перешло в Грецию. Оно появляется там, я бы сказал, в отфильтрованном виде. В то время как в древнейший греческий период, который Фридрих Ницше назвал трагическим веком греков, мы видим ещё кое-что от той склонности всего человека к более высокому человеку, в более поздний греческий период выступает нечто такое, что в более широком смысле, можно назвать диалектическим, чисто интеллектуальным существом человека. Всё богатейшее и активное всечеловеческое содержание древней культуры было фильтровано, затем фильтровано всё больше и больше, и уже в очень разбавленном состоянии пришло в нашу культуру. Таким образом образовывалось одно из направлений нашей жизни, которое поднималось до духовно-душевного человека, и которое давало человеку сознание, благодаря которому в каждый момент жизни, при молитве и при самой грязной работе, он чувствовал себя духовно-душевым человеком.

В третьей лекции мы увидим: Мистерия Голгофы, из которой вышло христианство, стоит перед нами как факт, который в различные эпохи может быть понят по-разному. Но тем, чем обуславливалось наиболее близкое понимание Мистерии Голгофы, было то, что принесло образование с Востока. И, по сути, во всём, что мы ещё до сих пор вносим в понимание христианства, живёт то, что является, в конце концов, хотя и духовно разбавленным, переживанием Востока. Во всей этой душевной конфигурации, живущей в нас теперь в своей последней метаморфозе, есть определённая особенность. И эту особенность необходимо искать в следующем.

Каким бы великим и подавляющим ни было это мировоззрение в отношении возвышения к сверхчеловеческому в человеке, эта восточная цивилизация никогда не смогла бы опуститься к тому, к чему опустилась Западная цивилизация, и в чём она стала великой. Она могла родить сверхчеловека, духовно-душевное, но ничего другого она принести не могла. Это нечто такое, на что я уже указывал в другом контексте. Как раз, в то время, когда начались последние этапы метаморфозы восточной духовной жизни, появились ростки новой духовной жизни, - духовной жизни, которая, хотя и вплоть до нашего времени принесла невероятные результаты в жизненную практику, но результаты совсем другого рода, нежели только-что описанной восточной духовной жизни. Взглянем на эти другие результаты.

Тут я хотел бы ещё раз указать на следующие факты. Я, как уже было сказано, уже представлял их здесь с других точек зрения. Если мы просмотрим обычно используемые сегодня справочники в отношении того, сколько людей живёт на Земле, то мы столкнёмся с цифрой приблизительно в 1500 миллионов. Но если мы взглянем на то, что было произведено в рамках человеческой цивилизации, если мы взглянем на рабочую силу, деятельную в нашем человеческом существе и человеческой жизни, то мы должны будем странным образом сказать нечто другое. Собственно, тогда мы должны были бы сказать: Земля работает так, будто на ней живёт не 1500 миллионов, а 22000 миллионов человек. Уже три-четыре столетия наш мир машин работает так, что, благодаря последним, производится работа, которая, как можно было бы подумать, тоже производится людьми. Мы заменяет человеческий труд машинным трудом. И если пересчитать то, что производят наши машины, в человеческую рабочую силу, то, если учитывать восьмичасовой рабочий день, в нашей земной работе задействовано семь-восемь сотен миллионов людей больше, - не действительных людей, а человеческого труда, производимого машинами.

Это то, что привносится в человеческую цивилизацию теми духовными силами, которые выросли в народах Запада, - теми духовными силами, которые никогда не могли бы развиться по прямой линии из той внутренней духовной и душевной культуры, которая таким грандиозным образом устремлялась вверх к сверхчеловеку, к высшему человеку в человеке, к духовно-душевному человеку. Эта культура оставалась на определенных духовных высотах. Она не проникала в то, что мы сейчас называем практической жизнью. Она никогда не смогла бы привнести мертвый металл или другой материал в такие отношения, чтобы он работал среди людей, - теперь, правда, не сверхлюдей, а недолудей, - людей, которые, собственно, по отношению к людям из плоти и крови являются гомункулами, механизмами, но которые вставлены в человеческую культуру так, как в противном случае в неё могли бы быть вставлены люди. В этом суть нашей западной духовной жизни. Это тем более характерно для этой западной духовной жизни, чем дальше мы идём на Запад, где из этой духовной жизни вышел механический человек, недочеловек, - так же, как из восточной духовной жизни вышел душевно-духовный человек, сверхчеловек.

Но это не могло произойти на Западе как изолированное явление цивилизационной жизни. Ведь, это связано со всем формированием представления, чувства и воли. Люди, которые поместили в жизнь этого гомункула, во всей своей душевной конституции, велики, разумеется, в другом направлении, по сравнению с восточным человеком. Сегодня нельзя понять жизнь, не понимая эту противоположность во всей её интенсивности. Поскольку, с одной стороны, современный человек ещё несёт в себе последнюю метаморфозу того, что пришло к нему с Востока, а, с другой стороны, он уже столетия принимает в себя то другое,

что является существенным западной духовной жизни. Равновесия того и другого сегодня ещё не наблюдается. Они стоят, как два отдельно друг от друга течения, - течение сверхчеловека (Übermenschen), пусть и очень изменённое, и течение недочеловека (Untermenschen), хотя и в самом начале. И современный человек, когда он пробуждается до сознания, что в его душе непосредственно живут оба эти течения, душевно, духовно и, вероятно, также телесно, страдает от той дисгармонии, которая от этого происходит. Конечно, это вещи, происходящие настолько глубоко в том, что остается бессознательным и подсознательным, что до сознания человека не доходят, и проявляются, даже в его телесной конституции, в виде, совершенно другом, нежели действительная причина. Современный человек находит себя нервным, неудовлетворенным обстоятельствами. Можно привести сотни примеров того, как этот современный человек чувствует дисгармонию между собой и своим окружением, как эта дисгармония находит также своё выражение в его телесном здоровье. За этим стоит то, что приведено выше. За этим стоит большой вопрос: Как нам примирить то, что породило недолудей, с тем, что живёт в нас в своей последней фазе как наследие той цивилизации, которая вела к душевно-духовному человеку?

Это, - то, что лежит тут в силах нашей цивилизации, как я вам это описал, - это антропософски ориентированная духовная наука пытается поставить перед душой особым образом. Как необходимую цель, обусловленную самыми значительными требованиями времени, она видит равновесие между этими душевными силами, ведущими в то и другое направление. И она сознает, как чрезвычайно необходимо и важно для человечества найти путь к этой цели. Инстинктивной я назвал восточную духовную жизнь.

Эта духовная жизнь была рождена из инстинктов древних людей. Мы получили её как наследство. Но мы получили её уже в некоем интеллектуализированном состоянии; она прижилась в нашей цивилизации в виде довольно абстрактных понятий и представлений. Поскольку мы больше не обладаем инстинктами, которые имели предшествующие носители этой духовной жизни. Можно сколько угодно фантазировать о том, что современный человек должен вернуться к наивности, что он должен снова стать инстинктивным. В определённом отношении такое требование, безусловно, правомерно. Только эта наивность будет выражаться иначе, нежели раньше. Инстинктивная жизнь будет развиваться в другом направлении. И требовать уподобления людям прошлых тысячелетий, равносильно тому, чтобы требовать, чтобы взрослые играли, как дети. Нет, если не хотим впасть в упадок, мы не можем ни вернуться к цивилизации минувших тысячелетий, чтобы удовлетворить свои глубочайшие душевные потребности, ни, как жители Запада, кричать «ex oriente lux»; нет, мы не должны кричать, что свет придёт к нам с Востока. Поскольку свет, который имеется там сегодня, тоже прошёл многие метаморфозы, и мы не должны предаваться иллюзии, что то, что сегодня ещё можно найти где-нибудь на Востоке, представляет собой спиритуальность, которая может оказать какое-то плодотворное влияние на нашу цивилизацию. Это было декадентство наихудшего рода, когда из религиозных и культурных потребностей Запада, из машинного века, развившего также механистическое мировоззрение, не способное удовлетворить людей, возникло теософское движение, - это было декадентство наихудшего рода, когда люди направлялись в ту область, которая имела сегодняшнюю декадентскую восточную преемственность духовной жизни прежних времен. Когда сегодня выбирают индийскую культуру, чтобы воплотить в ней теософию Запада, то это показывает, что человек стал бесплоден, что он не в состоянии сделать активными душевные силы, исходя из собственной душевной жизни, что он может быть великим только в механистическом, и что он, однако, не может найти собственный путь в те области, которые душа требует для видения истинного духовно-душевного существа человека.

Кстати, эта тенденция очень даже лежит в основе сегодняшней жизни. Разве мы не видим, как те, кто не удовлетворён современным христианством, часто спрашивают себя: Чем было это христианство раньше? Каково было христианство изначально? Давайте делать так, как это делали первые христиане. Будто мы не стали такими такими продвинутыми, будто мы не нуждаемся в новом понимании христианства! О, эти характеристики бесплодия.

Невозможность собственной деятельности повсюду. Нет, этого антропософски ориентированная духовная наука не хочет: опереться на какую-либо старую культуру, или на современных последователей какой-то старой культуры.

Как раз, если понять то конкретное, в чём коренится антропософски ориентированная духовная наука, легко будет увидеть сказанное. Вы можете слышать, как сегодняшние приверженцы Востока, я бы сказал, подражая древним методам, ищут путь к духовному в определённых дыхательных процессах, пытаются, регулируя дыхание, сформировать такую человеческую конституцию, посредством которой они найдут внутренние силы познания, силы чувствования и силы воли, чтобы подняться в духовный мир, где они найдут духовно-душевного человека, где есть истинное самопознание. Приверженец Востока делает сегодня то, что восточный человек в прошлые столетия и тысячелетия делал всегда для этого пути, - он спускается из просто интеллектуальной жизни головы в жизнь всего человека. Он знает, какая внутренняя связь существует между тем, как человек вдыхает и выдыхает, - я буду ещё говорить об этом в ближайшие дни, - и процессом нашего представления и мышления. Но он знает также, что мышление и представление будто вырастают из процесса дыхания. И, таким образом, он хотел бы возвратиться к корням мышления, к процессу дыхания. В регулировании процесса дыхания он ищет путь к духовному миру. Этому пути мы не можем подражать. Если бы повторяли этот путь, мы бы грешили по отношению к нашей, ставшей совершенно другой, человеческой конституции. Внутренние связи нашего мозга и нервной системы, стали другими, нежели те, что вышли из инстинктивной духовной культуры Востока. Если бы мы рассматривали правильным только приданию себя регулированию дыхательного процесса, мы бы отрекались от интеллектуальной жизни. Мы бы отрекались от того, для чего мы сегодня конституированы.

Для того, чтобы подняться к духовным мирам, мы должны проделать другие метаморфозы. Нам не нужно больше возвращаться от мышления к телесным процессам, - таким, как дыхание, - а мы должны формировать само мышление. Поэтому сегодняшняя, стоящая на вершине своего времени духовная наука должна говорить об образовании интеллектуальной жизни, но не той интеллектуальной жизни, которая известна почти как единственная. Как раз, эта интеллектуальная жизнь сделала нас выжатыми, иссушенными и трезвыми для всех областей жизни. Как бы ни злословили в наше время односторонний интеллектуализм, всё это, ведь, ничего не даёт для действительного одоления этого интеллектуализма. Человек чувствует, что просто понятия, включая и те, что берутся из серьёзной и добросовестной науки, оставляют душу холодной, так что они не находят пути к истинной жизни. Но, с другой стороны, у него нет возможности направить эту интеллектуальную жизнь в направлении, которое может принести удовлетворение, поскольку он хочет, как раз, избежать того, что имеющаяся здесь в виду духовная наука рассматривает как правильное для современного человека. Современный человек, когда он видит сухость, трезвость и односторонность просто интеллекта, не может из какой-то, как уже часто говорилось, домыслительной, примитивной элементарной жизни, извлечь эмоции, чтобы улучшить себя как интеллектуального человека. Он не может, я бы сказал, в слепобушающей жизни, которую он не понимает, искать то, что он хочет внешне приклеить к интеллектуальной цивилизации.

Поэтому антропософски ориентированная духовная наука, посредством практического развития души, ищет то, чего, собственно, жаждет этот современный человек для действительного удовлетворения своей души. Подробно я описал то, как следует идти по этому пути западному человеку, во второй части своего «Тайноведения», в своей книге «Как достичь познаний высших миров?» и в других своих текстах. Принципиально я хочу лишь указать, что речь идёт о том, чтобы взять душевную жизнь в свои руки, но при этом избегать развития представлений, понятий, идей, доходя в этом до самого высокого, то есть, не просто односторонне развивать мыслительную жизнь, а упражняться своей душой так, чтобы соединять с приходящими тогда соединяющимися и разделяющимися мыслями самые живые чувства. В то время как односторонний интеллектуал трезво стоит в своей мыслительной

жизни, и также позволяет своей мыслительной жизни прогуливаться в чуждые области науки, или прочие области, а иначе проводит свою жизнь не утруждая себя мыслями, то, что антропософски ориентированная духовная наука называет своим упражнением, пытается углубиться в мышление, но в этом углублении мышления развить чувство, так что можно быть радостным, разгневанным, можно любить и ненавидеть то, что лишь мыслится, так же, как ненавидят или любят человека, как злятся на внешние события, чтобы вся внутренняя жизнь оживлялась так, как внешняя жизнь. Упомянутые книги призваны свидетельствовать о том, что это можно делать систематически.

Но затем, когда человек продвинется на этом пути, когда он действительно приведёт к развитию то, что иначе спит в его внутреннем в виде сил познания, чувств и воли, когда он, таким образом, возьмёт в свои руки своё собственное развитие, исходя не из тела, как это делала древняя восточная культура посредством регулирования дыхательного процесса, а, исходя из души и духа, тогда он найдёт путь к духовным мирам. И какие же силы он использует? Он использует силы, благодаря которым выросла его цивилизация. Он использует те же силы, которые он использует при строительстве машин, при развитии своего коперниковского, галлилейского, кеплерского, ньютоновского астрономического воззрения. То остроумие представления нашего духа и нашей души, которое вкладывается в машины, которые живут в нашей астрономии, в нашей химии, которые лежат в нашей социальной жизни, - вот что образуется. У восточного человека этого вообще не было. Он не мог распространить свою душевную жизнь до этих душевных сил. Он должен был обращаться к дыханию тела, чтобы вступать на путь познания. Мы должны использовать то, что используем во внешней практической жизни. Мы должны исходить из тех же душевных и духовных сил, которые живут в нашей механистической культуре, которые произвели 7-8 сотен миллионов экземпляров недочеловеков (Untermenschen). Мы должны сформировать новый Восток, то есть, видение высшего, вечного, бессмертного человека, из самого чувственного, из самого механистичного, из того, что наша европейская цивилизация представляет как путь к недочеловеку. Правда, это симпатично современному человеку не во всех пунктах, - то есть, то, что хочет войти в современную цивилизацию. Поскольку, ведь, этот современный человек требует, чтобы ребёнка развивали, так как он сам не может прийти к решению себя развивать. В тот момент, когда он сам в состоянии решать это, он выпадает из этого развития; тут он закончен; тут он может входить в городское управление, избираться в парламент, поскольку, ведь, он теперь всё знает. Он знает всё. Ему больше не надо опускаться до развития способностей, посредством которых можно что-то знать. Однажды осознав свою самостоятельность, когда другие не позволяют себе больше копошиться вокруг в отношении его развития, он становится критиком всего. И этот современный человек должен теперь искать путь, чтобы снова подняться к тем вершинам, где можно найти духовно-душевное человека.

Далее, ведь, дело обстоит так, что это внутреннее побуждение искать этого духовно-душевного человека, вступить на путь этих знаний, прежде всего, является ещё и неким путём отречения, поскольку этот путь требует жизни, которая протекает в боли и страданиях, - жизни, которой сегодня должен жить не каждый, может жить не каждый, и не для каждого есть необходимость идти этим путём. Но так же, как не каждый может стать химиком, но плоды химии могут быть доступны для использования каждому, как не каждый может стать астрономом, но результаты астрономии могут разыгрываться в душе каждого, так могут существовать лишь немногие духовные исследователи, но результаты этого духовного исследования, - как я уже здесь часто говорил, - могут быть поняты обычным здоровым человеческим пониманием. Немногие духовные исследователи могут сообщать о своих духовных видениях, и здоровое человеческое понимание сможет их понять. Но, как раз, это люди сегодня отрицают. Они приходят и говорят: то, что ты как духовный исследователь нам сообщаяешь, может быть прекрасной фантазией; но мы разложим это логически, мы не допустим, чтобы это принималось за правду, поскольку мы не видим этого своим человеческим разумом. До высшего видения мы ещё не дошли.

Ведь, в этой области появляются совершенно странные вещи. Как раз, недавно, снова появилась одна брошюра о том, что я представляю сегодня перед человечеством как антропософски ориентированное мировоззрение. Там один муж, который является «университетским профессором»¹, говорит там, где разделяет меня как философа и, как он говорит, как теософа: Да, тут этот Штайнер утверждает, что для того, чтобы понимать химию, надо быть химиком, а для того, чтобы понимать физические вещи, надо быть физиком; тут с ним можно согласиться. Но затем, - и это очень странно, как этот господин себя ведёт, - он говорит: Каждый может согласиться с тем, что химики утверждают то или иное, поскольку, если он сам станет химиком, он увидит, что это верно; каждый может согласиться с тем, что утверждает физик, поскольку, если он станет физиком, он увидит, что то, что говорит физик, верно. Но для того, чтобы увидеть то, что говорит духовная наука, надо развить особые способности.

Но ничего другого я и не говорю. Как человек должен стать химиком, чтобы судить о химии, как он должен стать физиком, чтобы судить о физике, так же он должен стать духовным учёным, чтобы судить о духовной науке. Но теперь, продолжая свой текст, этот странный - а может быть, он вовсе и не странный - университетский профессор говорит: Дело не в том, что то, что утверждает Штайнер, может подлежать суждению только духовно-научно обученных людей, - оно должно быть оправданным передо мной! - Это означает, что оно должно быть оправдана для того, кто не только не имеет об этом никакого представления, но и не хочет его обрести.

Правда, «здоровое человеческое понимание» (здравый смысл), которое не способно понять то, что даёт духовная наука, поставлено в кавычки. Непредвзятый здравый смысл это поймёт. Да, в будущем об этих вещах, наверное, будут думать совершенно иначе, нежели сегодня привыкли думать во некоторых кругах. Есть мир. И философы всегда спорили в отношении этого мира. Теперь эти философы будут-таки обладать здравым смыслом. И если быть непредвзятым, то можно даже сказать: Философия - лучше, чем то, что о ней говорят. Но философы спорят друг с другом. А если быть беспристрастным, то можно даже приписать определенную проницательность в философской области тому, кто говорит противоположное тому, что говорит кто-то другой, опять же, исходя из определенной проницательности. Да, если быть непредубежденным в этой области, то можно прийти к очень замечательному суждению о здравом смысле. Он существует. И обычно люди говорят, исходя из этого здравого смысла. Но он, ведь, совсем не подходит для того, чтобы понимать мир, иначе философам не надо было бы спорить. Мир доступен для восприятия его внешними чувствами без чего-либо дополнительного, здравый смысл тут, кажется, вообще не при чём. Проверьте однажды, понимает ли он то, что может сказать духовная наука, и вы увидите: откроется путь, чтобы понять именно это. Это даже не предубеждение, а неточность (Wischiwaschi), когда говорят: духовные учёные тоже утверждают разные вещи; один говорит одно, другой - другое. Это говорится без знания фактов. Узнав эти факты, такого больше не утверждают.

Таким образом, если имеющаяся здесь в виду антропософски ориентированная духовная наука, должна внедриться в современную жизнь, должны быть преодолены многие предубеждения и, как раз, многие пред-чувствования. Но она должна внедриться. Поскольку должен быть найден путь, чтобы соединить эти оба выше обозначенные духовные течения. Необязательно становиться реакционерами, чтобы вернуться к более раннему духовному образованию. Мы должны поставить себя в то, что произвела естественно-научная, механистическая эпоха. Но мы должны одухотворить силы, породившие Коперника, Галилея, Джордано Бруно, Рентгена, Беккереля и так далее, вплоть до наших дней, - мы должны одухотворить эти силы до такой степени, чтобы посредством тех же сил человеческой души, посредством которых мы строим машины, подняться также к познанию духовно-душевного

---

¹Имеется в виду Фридрих Трауб (Friedrich Traub), автор текста «Рудольф Штайнер как философ и теософ», Тюбинген, 1919 год. Штайнер подробно рассматривает эту брошюру в своей лекции от 16 ноября 1919 года в «Духовной подоплке социального вопроса», том IV, Дорнах, 1951 год.

человека. Тогда мы уже будем не только говорить о духе, а тогда мы сможем дать содержание нашему устремлению к духу.

Ведь, это то, что бросается в глаза более внимательному наблюдателю современной цивилизации, что люди сегодня много говорят о духе, но не дают этим речам о духе никакого содержания. В результате возникают, с одной стороны, мировоззрения, а с другой стороны, жизненная практика, органически не связанная с этими мировоззрениями, как если бы наше духовно-научное творческое мировоззрение связывалось бы со зданием, носящем старый архитектурный стиль. Наше духовно-научно ориентированное мировоззрение хочет жить в тех строительных формах, которые рождаются из него самого. Оно должно и может действовать так, чтобы оно было в состоянии пронизывать внешнюю материальную жизнь вплоть до технических деталей, вплоть до социальных цепочек. Тогда эта духовная наука сможет стать носителем цивилизации, которая найдёт верный путь к тем целям, которые были сегодня обозначены. Тогда эта духовная наука станет такой наукой, которая не позволит расширяться той жизни, о которой можно было бы сказать: Ну, хорошо, некоторые снова стремятся к духу; они требуют, чтобы человек, тяжело работающий на фабрике, теперь не просто работал бы на фабрике, а имел бы к тому же достаточно времени, чтобы посвятить себя духу. Нет, духовная наука требует не только того, чтобы человек работал на фабрике, а после того, как за ним закрываются её двери, посвящать себя духовному. Нет, духовная наука требует противоположного, - чтобы с приходом на работу человек вносил бы на фабрику дух, чтобы каждая машина была одухотворена тем, что мировоззрение возносит к высшим вершинам познания, бессмертного. Не оставлять время для духа хочет духовная наука, а пронизать всё время тем, что человек может найти как содержание своего духа.

Итак, люди сегодня во всех отношениях стремятся к духу. Как раз, вышла одна книга о социализме - там есть всяческие оценочные, а также иногда понятийные взгляды - Роберта Вильбрандта, профессора Тюбингенского университета. Там стоит: Хорошо, но с этим социализмом всё же нам не продвинуться дальше, если мы не найдем нового духа, новой души. То есть, последние страницы этой книги - это крик о духе, о душе! Когда же такого господина, такую личность, подводят к тому, чтобы дать этому духу содержание, где на дух и душу указывают не абстрактно, где о духовном содержании говорится так же, как в естествознании говорится о природном содержании, тогда эта личность смотрит в сторону, тогда ей не хватает мужества признать действительный полный содержания дух. И это мы видим у многих. Они призывают к духу. Но когда этот дух ищет действительное содержание, они ему в этом отказывают. Они останавливаются на простом указании на абстрактную связь человеческой души с духовным. Это то, что антропософски ориентированная духовная наука ищет как путь: путь к действительному духовному содержанию, к действительному духовному миру, исходя из своих собственных органических познавательных сил, - этот путь ищется как цель: объединить оба эти не органично скреплённые в нас течения ориентализма и окцидентализма (Востока и Запада) в некое устремление, которое из нашего собственного устремления найдёт путь вверх, к высшей спиритуальности, так же как вниз - к механизму.

Дальнейшие пояснения по этой теме, которые я дам завтра и послезавтра, где некоторые вещи также можно будет охарактеризовать более широко, чем я смог сделать в этом введении сегодня, я хочу предварить ещё следующим: Призыв к новой духовности проходит сегодня через многие сердца, через многие умы, и мы уже некоторым образом предчувствуем, что наше несчастье, так ужасно проявившаяся в последние пять лет во внешнем мире, связана с тем, что наш дух зашёл в тупик. Что для того, чтобы продвинуться в духе, необходимо проломить некую стену. Мы предчувствуем, что без этого нового духа мы не продвинемся вперёд ни в социальном, ни в политическом, ни во внешне-техническом. Один человек², который играл, может быть, не всегда выгодную в последние годы, но, вероятно, более

---

²Ottokar Graf von Czernin (Оттокар граф фон Чернин) (1872-1932); в 1916 году Министр иностранных дел Австрии, вынужден был уйти в отставку в 1918 году; он выступал за скорейшее прекращение войны. Приведённая Штайнером цитата завершает работу Чернина 1919 года «Мировая война», Берлин/Вена, 1919, стр. 372/373.

умную роль, чем некоторые из его коллег среди «государственных деятелей», - когда я говорю сегодня о государственных деятелях, я беру это слово в кавычки, - как и многие прочие государственные деятели и генералы, написал теперь свои военные мемуары. Они заканчиваются следующими словами:

«Война продолжается, хотя и в изменённой форме. Я думаю, что последующие поколения назовут эту великую драму, которая владеет миром последние пять лет, совсем не мировой войной, а мировой революцией...».

Это говорит Чернин, австрийский государственный деятель. Так что по крайней мере кто-то уже видит, как связаны эти вещи, пусть даже ещё в очень ограниченной степени. И он продолжает:

«. . . и будет знать, что эта мировая революция только началась с мировой войны. Ни Версаль, ни Сен-Жермен не создадут ничего долговечного. В этом покое заключается разлагающийся зародыш смерти. Судороги, сотрясающие Европу, еще не стихают. Как при сильном землетрясении, подземный грохот продолжается. То там, то здесь, будут постоянно разверзаться земля и выбрасывать в небо огонь, снова и снова на страны будут обрушиваться разрушительные события стихийного характера и стихийного насилия. Пока не будет сметено все, что напоминает о безумии этой войны и французского мира.

Медленно, в несказанных мучениях, будет рождаться новый мир. Следующие поколения будут оглядываться на наше время как на длительное кошмарное сновидение, но и за самой тёмной ночью следует день. Целые поколения опустили в гроб, убиты, умерли от голода и болезней. Миллионы погибли в стремлении уничтожить и разрушать. В сердцах их ненависть и убийство.

Но возникают другие поколения, а с ними - новый дух. Они будут восстанавливать то, что разрушила война и революция. За каждой зимой следует весна. И это тоже вечный закон кругооборота жизни, что за смертью следует воскрешение.

Да будут блаженны те, кто будет призван помогать строить новый мир в качестве солдат труда».

Также и здесь из ограниченного государственного духа старого времени мы слышим призыв к новому духу. Конечно, этот призыв к новому духу нужно ещё понять и по-настоящему достаточно серьёзно укоренить в душе человека. Поскольку и внешнее в жизни связано с глубоко внутренним, самые внешне материальные события - с самыми внутренними духовными переживаниями. И если мы взглянем на то, что как дух, достигший своего пика в начале двадцатого столетия, было пережито в событиях последних лет, мы поймём, что должен прийти призыв к новой духовной жизни. С этой новой духовной жизнью антропософски ориентированная духовная наука хотела бы соединить свои пути и цели для обустройства мира, так же, как те духовные устремления, с которыми она борется, так очевидно соединены со страшными событиями последних лет.

Всего несколько дней назад я читал одну примечательную лекцию, которая состоялась в Прибалтике - обратите внимание на дату - 1 мая 1918 года. Тогда, 1 мая 1918 года, в этой лекции одного физика прозвучали слова: Ведь, мировая показала, насколько ещё изолировано стоят сегодня духовные стремления современности, научные работы современности. Мировая война, - приблизительно так говорил этот физик - научила нас, что в будущем то, что вырабатывается в научных лабораториях, должно стоять в органической внутренней связи, в постоянном внутреннем обмене идей с тем, что происходит в генеральном штабе. Необходимо стремиться к внутреннему союзу - так говорит этот физик — между наукой и генеральным штабом. В этом он видит благо будущего!

Видно, что наука прошлого может рассматривать союз между ею и самыми разрушительными силами человечества даже как идеал. Антропософски ориентированная духовная наука хотела бы заключить союз между своими духовными устремлениями и всеми по-настоящему созидательными силами человеческой цивилизации.

Духовно-научные основания телесного и душевного здоровья

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Базель, 6 января 1920 года

Прежде чем я перейду от вчерашних вступительных замечаний о путях и целях духовной науки к завтрашним важным, особенно непосредственно затрагивающих интересы современности следствиям этой духовной науки, которые касаются духовно-научной точки зрения на нравственные, социальные и религиозные силы человеческого существа, я хотел бы вставить сегодня рассмотрение того, что духовная наука может сказать о физическом и душевном здоровье человека. Ведь, такое рассмотрение как сегодняшнее оправдано ещё и потому, что, в конце концов, человек может из глубины своей души ставить перед собой ценностно-человеческие и достойные человека нравственные цели, ставить социальные задачи и осуществлять соответствующую религиозную жизнь только тогда, когда в основе этих постановок целей и осуществлений лежит то, что можно назвать его основанными на телесном, душевном и духовном здоровье деловыми качествами.

Когда говорится об основаниях здоровья в духовно-научно-антропософском смысле, вы с самого начала будете предполагать, что при этом войдут в рассмотрение и будет уделено особое внимание, как раз, духовным и душевным факторам. Но при таком рассмотрении сразу же наталкиваешься на старейший и в то же время, можно сказать, самый спорный вопрос человеческого мировоззрения: на вопрос о связи душевно-духовного в человеческом существе с телесно-физическим вообще. Позади множество размышлений, исследований средствами различных научных областей об этом вопросе: Как, собственно, духовно-душевное человека соотносится с телесно-физическим? Имеющаяся здесь в виду духовная наука должна встать на ту точку зрения, что этот вопрос, так, как он обычно ставится, не может уже с самого начала рассматриваться как правильно поставленный вопрос. Обычно вопрос ставится так: Как дух или душа человека относится к его телу, к его физической организации? При этом не учитывается, а не обуславливает ли различным образом и у различных людей то, что мы можем назвать произвольно установленной душевной конституцией и душевной возможностью человека, особые отношения между духом и телом, не может ли человек, благодаря определённым обстоятельствам, воздействовать на свою телесную организацию, как раз, теми силами, которые он развивает в своей душе. И этим вопросом может заниматься, собственно, только духовно-научное рассмотрение, как и то, которое я позволил себе представить вам вчера. Поскольку, как раз, если мы включим в рассмотрение то, что привело к триумфу европейскую науку в том смысле, в котором я характеризовал её вчера, то мы должны будем сказать: Это не тот элемент, который ведёт к человеку, а тот элемент, который в определённом отношении, собственно, удаляет нас от человека.

К чему особенно стремится учёный, который усвоил принципы последних трёх-четырёх столетий, в своей науке? Он особенно стремится к таким представлениям о внешних вещах и также о людях, в которые человеческие чувства и волевые импульсы вмешиваются как можно меньше, а то и вовсе не вмешиваются. Чем больше человек способен отделять всё, что можно назвать субъективно-личным, от научного наблюдения, тем больше, как он полагает, выполняется идеал этого научного наблюдения. Физик, биолог сегодня считает, что он уже не сможет выполнить свою задачу, если примешает к результатам своего исследования что-то такое, что можно уловить только внутренне, в душе.

Если мне будет позволено напомнить вам то, что я вчера характеризовал как, правда, лежащий далеко в прошлом идеал восточного рассмотрения мира, то я скажу: То, как тогда весь человек был вовлечен в то преобразование, в то развитие человеческой природы, которое легло в основу мировоззрения на Востоке, - это было полной противоположностью тому, что представляется нам научным идеалом сегодня.

Посвящая себя таким вещам, надо избавиться от многих предубеждений, которые считаются, я бы сказал, само собой разумеющимися, но которые через короткое время уже не будут само собой разумеющимися, - предубеждений, которые обусловлены воспитанием человечества в последние три-четыре столетия.

Если действительно вникнуть в суть того, что характеризует всё наше обусловленное наукой мышление, то обнаружится, что, собственно, только часть, только один член всей человеческой природы находит милость этого мышления: то, что можно назвать интеллектуальным элементом, элементом, который восходит к свободным от чувств и воления мыслям, который не желает прибавлять к этим представлениям ничего из своей собственной субъективной человеческой природы. Благодаря этому, однако, в самой важной научной работе участвует не весь человек как таковой, а только та часть человека, которая является носителем интеллектуальной душевной жизни.

То, что я вчера охарактеризовал как истинно западное стремление к духовно-научному мировоззрению, хочет снова, не возвращаясь к восточным идеалам, исходя из целостной человеческой природы развить душевные силы, которые производят мировоззрение. Поэтому вчера я должен был охарактеризовать пути познания, ведущие к такому антропософски ориентированному, духовно-научному мировоззрению, следующим образом. В то время как простой учёный вместе со своими экспериментами или наблюдением за природой развивает интеллектуальное воображение, тот, кто хочет подняться до духовно-научного видения, должен извлечь из глубины своей душевной жизни очищенные чувства и очищенные волевые импульсы. Он должен погрузиться в мир мыслей. Он должен уметь работать так же интеллектуально, как самый точный учёный. Но как человек он стоит по отношению к интеллектуальности по-другому, нежели этот точный учёный. Он погружается в мир идей, он погружается в то, что иначе доставляет лишь бледные, подобные теням, мысли. Но подобно тому, как обычно человек участвует в событиях внешней жизни со своими симпатиями и антипатиями, со всем своим эмоциональным миром, подобно тому, как обычно он действует перед лицом требований жизни со своими волевыми импульсами, так и того, кто хочет искать путь к духовным мирам в смысле этой духовной науки, сопровождают чувствование, воление, симпатии и антипатии, мыслей, идей. К тому, *как* действуют идеи, как они относятся друг к другу, присоединяется внутренний элемент симпатии-антипатии, внутреннего воления, который в противном случае приписывается только человеку из плоти и крови или, в меньшей степени, природе, или развивается, когда человек голоден или испытывает жажду, или когда он ставит себе другие задачи обычной жизни. Таким же внутренне живым, как в волении под влиянием голода и жажды, как в чувствах, которые развиваются по отношению к любимым или ненавидимым людям, таким же внутренне живым человек является и при использовании методов, которые должны вести к духовно-научному видению. В этих методах со своими чувствами и волей участвует весь человек. Это развивает, как раз, другие познания, другие отношения с внешним миром, а также с другими людьми, нежели просто интеллектуальная деятельность.

Когда же те познания, которые таким образом становятся содержанием духовной науки, - которые, правда, для широких кругов современного человечества являются книгой за семью печатями, не потому, что учёные духовной науки запечатывают эту книгу семью печатями, а потому, что те, кто должен приблизиться у этой духовной науке, для того, чтобы не делать этого, запечатывают её семью печатями своих предрассудков, своего сарказма и насмешек, - когда это содержание духовной науки тогда будет принято людьми, когда человеческая душа соединится с ним, оно и действует тогда по-другому, нежели содержание просто интеллектуального знания. Оно непосредственно захватывает всю душу человека. Оно

вливают энергии, силу во всю эту душу человека. И если это содержание духовной науки приобретает так, что оно соответствует великим отношениям мировых закономерностей, тогда оно вливает в человеческую душу те же силы, из которых построен человеческий организм. Поскольку человеческий организм построен, исходя из сил этого мира. Духовно-научное познание снова ведёт назад к этим силам. Таким образом, должно быть внутреннее согласие между тем, что познается из мировой закономерности через духовную науку, и тем, что возникает при организации человека в виде самого человека, когда человек получает свою собственную организацию из оснований мирового порядка.

Следствием этого, однако, является то, что между тем, что принимается как содержание духовной науки, и всем развитием человека, состоит совершенно иное отношение, чем между тем, что относится только к интеллекту, как, например, естествознание или обществознание и тому подобное, и самим этим человеком. Но есть нечто такое, что скрывает это отношение. Поэтому для того, кто ещё не проник в духовную науку в собственном смысле этого слова, трудно составлять себе более точные представления об этих вещах. Но совершенно точно можно сказать: Как из мира здоровым образом организуется здоровая природа человека, так здоровым образом приобретает и то, что является содержанием духовной науки, и потому, поскольку оно захватывает всего человека, а не только интеллект, может, в свою очередь, оказывать обратное воздействие на всего человека. Когда это говорится, дилетант по отношению к духовной науке делает сегодня приблизительно следующее заключение. Он скажет: Конечно, поначалу гипотетически, я признаю, что, как духовный учёный, ты создаёшь из своего рассмотрения мира здоровые мысли. Интеллектуальные тенеподобные мысли, не оказывают влияния на человеческий организм; твои мысли включают в себя всю человеческую природу, то есть, они оказывают влияние на человеческий организм, поэтому гипотетически мы можем их использовать в смысле здоровой человеческой природы. Таким образом, мы говорим: Теми мыслями, которые ты развиваешь посредством своей духовной науки как здоровые, мы наполняем себя, позволяем действовать на себя, - тогда они могут действовать как лекарство против отклонений здоровья в человеческой природе.

Какой бы очевидной ни была эта гипотеза и сколько бы она ни встречала доверия у некоторых суеверных людей, настолько же мало она соответствует действительности в том виде, в каком я её только что высказал. И здесь необходимо коснуться, я бы сказал, самой основы, которая должна быть заложена, чтобы можно было правильным образом увидеть взаимодействие между здоровым духовно-душевно и здоровой телесностью. Когда, через рождение или через зачатие, человек из духовных миров вступает в физическое бытие, облачаясь в физическое тело, мы, ведь, видим, что то, духовно-душевно облачается в это физическое тело, нуждается во времени, чтобы проявиться. Ребёнок приходит в физический мир со своими способностями. Но он должен подрасти. Мы можем из месяца в месяц, из года в год, из десятилетия в десятилетие проследить, как то, что духовно-душевно заложено в человеке, начинает проявляться в физической организации. Кто с помощью упомянутой здесь духовной науки обретает возможность проникнуть в действительные отношения между душевно-душевно и телесно-физическим, тот приходит, - не посредством какой-нибудь логической фантазии, а посредством пронизательного, вполне добросовестного и долговременного наблюдения за жизнью - к следующему пониманию:

Как требует времени вся человеческая природа, чтобы как душевно-душевно элемент интегрироваться в физическую организацию, так требует времени, чтобы интегрироваться в физически-телесную организацию, и всё то, что мы принимаем духовно-душевно. То есть, когда восьмилетним ребёнком, или двадцатилетним человеком, или даже пятидесятилетним, я принимаю что-нибудь из духовно-душевного содержания, если что-то из этого содержания захватывает мою душу, тогда это содержание является по отношению к моей телесной организации, когда оно входит в мою душу, таким же молодым, как душа ребёнка по отношению к телесной организации, и такому душевному содержанию нужно время, чтобы проявиться в теле. Поэтому нельзя надеяться на то, что, подобно американскому искусству

исцеления мыслями, можно будет изобрести мысли, которые будут приниматься человеком, как жидкое лекарство, и оказывать немедленное действие. Нет, для того преобразования, которое претерпевает душевно-духовное содержание посредством того, что оно всё больше и больше пронизывает телесно-физическое, нужно время. Одному душевно-духовному содержанию нужно меньше времени, другому - больше, но должно пройти время между тем моментом, когда душевно-духовное содержание принимается абстрактно, когда мы пронизываем его познавательным образом, и тем состоянием, когда оно нас реорганизует.

То, что я вам здесь рассказываю, - это не просто какая-то идея, которую легкомысленно привязывают к явлениям жизни, а нечто такое, что добывается так же добросовестно, как любой лабораторный или клинический результат, - даже гораздо более добросовестно. При таких исследованиях исходят, прежде всего, из того, как в человеке совершается обычное, повседневное духовное восприятие, когда человек, посредством воспоминания, может вызвать из глубины своей души то, что он принял в эту душу когда-то раньше. Ведь, в жизни подавляющее большинство людей просто проходят мимо того, что душевная жизнь совершает в отношении памяти; они не наблюдают разницу в переживаниях, когда мы вспоминаем то, что пережили десятки лет назад, и то, что пережили три дня назад. И то, и другое мы определённо извлекаем из глубин души. Но то, что мы пережили три дня назад, или даже три года назад, для того, кто способен наблюдать такие вещи, оказывается извлеченным, я бы сказал, из меньших глубин душевной жизни, и является ещё полностью душевным содержанием. То же, что, скажем, уже пожилой человек, вспоминает как события своего детства, извлекается из более глубоких слоёв души. Если пронаблюдать этот процесс, то видно, как это уже тесно сплетено со всей телесностью, как это, подобно душевной крови, пронизало нашу телесность, как сильно оно приняло характер тех сил, которые обозначают в нас привычное. Это, конечно, только начало того обстоятельного метода, благодаря которому наблюдается, как то, что мы принимаем в себя в качестве духовно-душевного содержания, лишь с течением времени соединяется с телесно-физическим. Но из этого вы видите, что духовная наука должна требовать, чтобы её способ заботы о физическом и духовном здоровье не только причислялся к ныне действующим искусствам, но и чтобы он апеллировал к тому, что, во-первых, является детским воспитанием, и, во-вторых, - народным воспитанием и народной жизнью. Поскольку духовная наука должна работать в отношении здоровья человека с предвидением, я бы сказал, с пророческим видением.

Только если вы поймёте то, чего я здесь касаюсь, вы заметите, что это значит, принять в воспитательные методы духовно-научные импульсы, чтобы наши дети воспитывались с соблюдением воспитательных требований в духовно-научном смысле; и тогда то, что даётся детям, будет пронизано не какой-то духовно-научной теорией, - испытывать перед ней страх нет никакой необходимости, - а духовно-научным настроением, духовно-научным душевным состоянием, и, прежде всего, духовно-научным педагогическим пылом. Благодаря этому, в душу ребёнка будет закладываться то, что затем должно соединиться с его душевной и физической организацией, что будет расти, и что, поскольку это здорово, здоровым образом срастается с человеческой организацией, делая её здоровой, сильной устойчивой перед внешними влияниями.

Когда мир однажды увидит полное значение возможностей духовной науки в этой области, тогда постепенно, не исчезнут, но потеряют своё значение все эти прекрасные - я говорю это не иронически, а вполне серьёзно - теории об инфекционных болезнях и тому подобное, которые сегодня рассматриваются очень односторонне. Будут гораздо больше обращать внимание не на то, как бактерии и бактерии попадают в наш организм, а на то, насколько сильными мы становимся душой и духом, чтобы противостоять этим вторжениям. Эта сила будет обуславливаться не внешними лекарствами в человеческой природе, а лекарствами, которые внутренне укрепляют человека душевно и духовно посредством здорового духовно-научного содержания. Правда, этим, общественное здравоохранение ставится на существенно иную основу, нежели могут мечтать те, кто верит, что спасение человеческого развития может заключаться только в прогрессе современных взглядов.

Среди много другого я хотел бы обратить внимание лишь на то, на что я уже обращал внимание некоторых деятелей с других точек зрения, в том числе и здесь, в этом городе. Сегодня, например, в воспитании, в обучении огромное значение придаётся так называемой наглядности (*Anschauung*), и это правильно, потому что в определённых пределах хорошо, когда ребёнку непосредственно представляют внешне или внутренне наглядное, позволяя ему самому выводить из этого свои представления и понятия. Но не всё, что ребёнку необходимо для его развития достойного человека бытия, можно донести до него таким образом. Поэтому многое должно доноситься до ребёнка просто благодаря тому, что он взирает на своего воспитателя, на своего учителя как на своего авторитета, благодаря тому, что при воспитании, при обучении развивается определённый огонь, который переносится на ребёнка и который не может быть каким-то образом измерен. Тогда многое может даваться с верой в то, что в это верит авторитет; но ребёнок этого ещё не понимает. Потом, может быть, лет через пятнадцать-двадцать после того, как ребенок закончит школу, может наступить время, когда он вспомнит: ты учил это тогда и не понял, теперь ты повзрослел, теперь ты можешь поднять это из своих душевных источников чисто по памяти. Теперь ты это понимаешь. Тот, кто знаком с душевной жизнью человека, знает, что такое переданное, благодаря повзрослению, понимание того, что носится в душе годами, даже десятилетиями, внутренне укрепляют человека; ничто не вливает в волю такую энергию из глубин души, как понимание чего-то посредством силы своей зрелости, чего-то, что воспринял много лет назад, благодаря авторитету.

Так педагогика может быть связана с идеальной, спиритуальной гигиеной. Когда наше общественное здравоохранение однажды будет действительно пронизано такими далеко идущими взглядами, - только тогда то духовное, которое укоренено в человечестве, сможет действительно развернуть свои целительные для человечества энергии. В то время как всё, что мы принимаем только посредством интеллекта и его развития, как бы, оторвано от человека и потому не может оказывать на него обратного воздействия, то, что извлекается из всей человеческой природы целиком, духовно-научное, может также влиять на всю эту человеческую природу. И если мы также в медицине будем смотреть не на сиюминутные успехи, а на здоровье в целом, которое связано с мировыми законами, то есть, также и с законами времени, тогда мы получим возможность совершать в этом направлении чрезвычайно благотворные вещи. Но, к сожалению, современное человечество устроено так, что оно предпочитает не обращать внимание на всё, что не касается настоящего момента, что, я бы сказал, действует в большем. Современный человек предпочёл бы получить от мировых законов разрешение поболеть, когда ему это нужно, - вы понимаете, что я имею это в виду в переносном смысле, просто такова склонность человеческой природы, - а затем хотел бы иметь возможность быть в один момент вылеченным. Но то, на что тут надо смотреть, так это на то, чтобы в воспитании отдельных народов развивалась внутренняя сила, энергия, которая действительно из души, из духа, разворачивала бы в человеке лечебные силы в продолжении всей его жизни. Исходя из этой точки зрения, будет видно, что телесное и душевное здоровье в основном зависит от развития в человеке такой сильной, такой энергичной душевной жизни, что эта сильная, энергичная душевная жизнь может влиять также и на телесное существо.

Для этого, в свою очередь, необходимо расширение методов наблюдения на более длительные периоды времени. То, что действует на наш интеллект, не действует в то же время на нашу волю. И если мы никогда не воздействовали на свою волю, то в каком бы возрасте, с какими бы здоровыми идеями и мыслями мы ни работали над своей душой со стороны интеллекта, мы не добьёмся успеха. Поскольку со стороны интеллекта какое-либо духовно-душевное содержание не захватывает человеческую природу непосредственно. Мы должны воздействовать также и на волю. А на волю мы оказываем воздействие посредством всего того, что активизирует наш интерес к миру, что побуждает наше полное любви участие к тому, что есть в мире. Люди часто проходят по миру с, я бы сказал, определённым слабоумием. Конечно, есть и более глубоко лежащие причины, но одна из причин этого

слабоумия заключается в том, что у таких людей, когда они были ещё детьми, не были развиты далеко идущие глубокие интересы ко всему, что жило и действовало в их окружении, поскольку развитие этих интересов влияет на волю. И только, когда воля таким образом укреплена, то, что воздействует на интеллект, может впоследствии, в свою очередь, воздействовать на всего человека. Худшее, что может случиться с человеком в отношении его физического и душевного здоровья, это то, что его телесно-физическая организация отделится от его душевно-духовного существа. Это отделение физической организации человека от его духовно-душевного существа прямо-таки экспериментально достигается при медиумизме. Тут мы наблюдаем, как духовно-душевное существо практически парализуется, усыпляется на какое-то время так, чтобы телесно физическое, с которым, однако, всегда связано и духовное, действовало, как бы, автоматически. Рассматриваемое с правильной точки зрения медиальное существо, является ничем иным, как действительной болезнью, действительной дисгармонией между совершенно лишённым энергии духовно-душевным и из-за этого ставшим превосходящим телесно-физическим. Поэтому медиумизм, при своём радикальном проявлении, также всегда связан с параличом воли, с полным параличом души конкретного медиума. А поскольку моральное может исходить только из душевной энергии, как правило, с медиумизмом связана также определённая моральная деградация. Как раз, из видения этой связи между духовно-душевным здоровьем и физически-телесным здоровьем можно действительно понять то, что является теневой стороной медиумизма.

Хорошо бы только, чтобы те, кто судит о духовной науке, не зная действительной её сущности, не смешивали эту духовную науку со всеми заблуждениями духа времени или вообще современности, о которых я здесь говорю! Однако, для того, чтобы узнать что-то о духовном мире, легче обращаться к лишённому духа медиумизму, чем обращаться к духовной науке, требующей усилий. Апеллируя к медиумизму, позволяют говорить о духе медиуму, у которого дух отключен. Это удобный способ достижения духа. Духовная же наука не требует отключения у кого-то духа, чтобы что-то узнать о духе, а требует того, чтобы человек достигал более высокого развёртывания и развития духа в себе самом, чтобы он мог направлять свои силы в духовный мир, чтобы там познать особенности этого духовного мира. Если рассматривать духовную науку без предубеждений, то можно увидеть, что она является универсальным лекарством от таких заблуждений, на которые я сейчас указал. Так, можно сказать: Забота о здоровье является необходимым результатом того, что духовная наука хочет внести в человеческое развитие. Но человеческая природа подвержена многообразным влияниям. Никто, то, что я до сих пор сказал, не должен интерпретировать так, будто я имел в виду, что посредством занятий духовной науки, исчезнут все болезни. Я ни в коем случае не имею этого в виду. Болезни имеют свои причины. Но более важным, чем познание причин болезней, является процесс их лечения. И речь здесь идёт о том, что духовной науке также есть что сказать не только о здравоохранении, основанном на духовной науке, но как о всей практики жизни, так и о самой медицине. Существует, хотя сегодня и многими отрицаемый, - поскольку они не хотят признать истинное положение дел в этом пункте, - факт, что многие действительно основательно мыслящие люди, получившие сегодня медицинское образование, чувствуя себя открытыми для нужд человечества, испытывают душевные страдания, поскольку тогда они понимают, какие требования человеческий организм, когда он отклоняется от здорового состояния и впадает в болезнь, предъявляет к человеческому воззрению, и как мало в отношении медицинского воздействия им может помочь, как раз, средства и методы естественно-научного способа рассмотрения. Как раз, в медицине так явно проявляется темная сторона чисто естественно-научного способа рассмотрения, которая, впрочем, по отношению к взгляду на чисто внешнюю природу, имеет и светлую сторону. В медицине есть и темная сторона. Достаточно обратить внимание на следующее: Надо ещё раз сказать, что это естествознание, в своём интеллектуальном рассмотрении мира и интеллектуальном поиске природных законов путём эксперимента, основное значение придаёт тому, чтобы полностью устранить человека. Оно учит тому, что, исходя из наблюдения, можно узнать об эффективности воздействия на больного человека

того или иного лекарства, вообще об эффективности воздействия того или иного природного продукта на человеке. Но ему не хватает внутреннего видения связей, во-первых, внутри всей человеческой природы, а во-вторых, связи между тем, что есть снаружи, в природе, будь то пища или лекарство, и самим человеческим существом. И только когда вы таким непредвзятым образом хотите продвинуться от простого естествознания к медицине, вы замечаете, что значит исключать человека из метода рассмотрения, а затем то, что приобретается в результате использования такого метода рассмотрения, применять к природе человека. Это мстит за себя, когда естествознание устраняет все, что может прорасти в человеческой природе, для того, чтобы, как оно говорит, прийти к объективности. Тогда оно приходит к объективности. Только в этой объективности нет человека. Человек исключает себя сам. Поэтому не удивительно, что его нет в науке, которую он создаёт. Его там нет, потому что человек там не учитывается.

В том, к чему стремится антропософски ориентированная духовная наука, происходит прямо противоположное. Тут, для того, чтобы составить суждение о человеке и о мире, обращаются ко всему человеку. Тут, правда, результаты исследования по-другому и обосновываются. Чтобы внести ясность в этом пункте, я хотел бы сегодня также напомнить, что духовная наука, о которой здесь идет речь, по сути, является лишь развитием того, начало чего в виде нового познания природы было положено во многом неправильно понятым естествоиспытателем, - а не поэтом, - Гёте. Ведь, мы называем наше здание на дорнаховском холме Гётеанум именно потому, что мы хотим заниматься гётеанизмом, - правда, не тем гётеанизмом, которым занимаются исследователи творчества Гёте, которые полагают, что дух Гёте ушёл в 1832-ом году, и чтобы заниматься наукой Гёте, надо изучать то, что произвёл этот гётевский дух. Нет, мы занимаемся не тем гётеанизмом, который восходит к 1832-ому году, а гётеанизмом, который является продолжением действия гётевского духа сегодня, в 1920-ом году. Но то, что у Гёте выступает ещё совершенно элементарно, сегодня может быть понято в ходе более высокого человеческого развития.

Теперь я хочу упомянуть нечто, на первый взгляд весьма отдалённое, но на примере чего я смогу проиллюстрировать, как, исходя из гётеанизма, приходят к высотам духовной науки. Гёте шёл в направлении сходства, родственности, а именно, в природе живых существ. Ему стало ясно, что всё растение является просто сложным листом, а отдельный лист растения - это целое растение, просто упрощённой формы. Таким образом, в каждом члене организма Гёте видел метаморфозу, преобразованную форму другого члена. Так он искал происхождение загадочных - загадочных для непредвзятого наблюдателя - форм костей человеческого черепа. Когда он, как он сам рассказывает, однажды, зашёл на еврейское кладбище в Венеции, он увидел там особенно удачно расколотый овечий череп. Кости его развалились таким образом, что их форма оказала прямое воздействие на душу Гёте. И, взглянув на эту форму, он сказал себе: Да, эти кости черепа являются ни чем иным, как видоизменёнными, метаморфозированными костями позвоночника. Когда простые, почти кольцеобразные спинные позвонки - таков взгляд Гёте - преобразуются таким образом, что некоторые отростки вырастают сильнее, некоторые выпуклости уплощаются, тогда, путём преобразованного роста простого спинного позвонка, возникают черепные кости. Благодаря этому, Гёте впервые смог впервые высказать то, что в определённой модификации является также и результатом нашей современной анатомии человека, а именно, что кости черепа представляют собой преобразованные позвонки спинного мозга. В связи с этим я могу рассказать, своего рода, личном опыте, поскольку он также пояснит, что я имею в виду. Ведь, мне были особенно близки эти взгляды Гёте с конца семидесятых годов 19-го столетия. Я в то время уже начал писать о естественно-научном мировоззрении Гёте. Это видение преобразования костей черепа, - позвонков в кости черепа, - также составляло часть того, что я более подробно разработал для гётевского мировоззрения. Но я сказал себе, как от внимания такого универсального духа, как Гёте, могло ускользнуть то, что, говоря о преобразовании позвонков в кости черепа, надо было бы дойти до видения преобразования простого нервного образования в спинном мозге в сложное образование головного мозга, так

что и мозг надо было бы рассматривать как преобразование простого нервного образования, которое, как уже было сказано, сидит внутри позвонков спинного мозга. И когда в конце восьмидесятых годов прошлого столетия меня призвали в Веймар для работы в Архиве Гёте и Шиллера для нового издания или вообще первого издания, ещё неопубликованных текстов Гёте, тогда мне, разумеется, хотелось найти какой-то след того, что Гёте уже имел такое видение относительно преобразования формы мозга из простых нервных ганглиев. И смотрите-ка, когда в моих руках оказался блокнот с плохо написанными карандашными пометками из семидесятых годов 18-го столетия, там были записи о представлении человеческого мозга таким, как я и подозревал!

При этом я указываю вам на иной способ видения - у Гёте он, правда, выступает ещё лишь в элементарном виде - иной способ видения, нежели рассмотрение законов природы чисто интеллектуально. Я указываю вам на способ рассмотрения, проявляющийся у Гёте инстинктивно, который задействует всего человека. В расчленяющих аналитических экспериментальных методах, обычных в сегодняшней науке, никогда не удастся увидеть такие преобразования должным образом, поскольку там нужно учитывать всё, а не только то, что можно измерить и сосчитать. Надо учитывать также то, что можно наблюдать в смысле интенсивности и качества. В духовной науке надо идти ещё дальше. Тут надо наблюдать в вещах те свойства, которые запечатлевают на них дух мира, душевным мира, которые внешними научными методами не найти. Тогда приходишь к таким результатам, о которых можно подумать, что они являются, возможно, лишь Арегсу³, но они - не Арегсу, а результат духовно-научной работы, о которой я могу сказать, что я занимаюсь ей уже более тридцати лет, - к таким результатам, которые, например, подразделяют человека на три, я бы сказал, подчлена его природы. Обычно считается, что то, что является в человеке духовным, душевным, связано с его чувственно-нервной системой. Это сегодняшнее одностороннее воззрение, - а тот, кто знает развитие науки, понимает, что к этому надо было прийти, - что человек верит сегодня в то, что духовно-душевная жизнь связана единственно и только с нервной системой. Вы сможете прочитать то, что я могу сказать об этом с точки зрения духовно-научного исследования, в моей изданной два года назад книге «О загадках души». Там я пытался показать, что с чувственно-нервной системой, как со своим инструментом в человеческой природе, связана только интеллектуально-чувственная жизнь, - то, что наблюдается в предмете с помощью органов чувств и обрабатывается интеллектуально. Жизнь чувств человека, напротив, связана непосредственно - а не просто посредством чего-то - с ритмической жизнью человека, той ритмической жизнью, которая включает в себя дыхательную систему, связанную с ней систему кровообращения, а с носителем интеллектуальной системы она связано своеобразно, а именно, следующим образом: В виде важнейшей составляющей нашего мозга мы носим в себе, так называемую, мозговую жидкость. Правда, наш мозг, прежде всего, нервный орган, который подвергает дальнейшей обработке то, что передаётся от органов чувств. Но этот мозг плавает в мозговой жидкости. И эта мозговая жидкость, которая наполняет нашу голову, полости нашего позвоночника, имеет особую задачу. Когда мы выдыхаем, мозговая жидкость опускается сверху вниз. Диафрагма поднимается, а мозговая жидкость, благодаря этому, опускается вниз; при вдохе — наоборот. Так что мы находимся внутри постоянного ритма поднимающейся и опускающейся мозговой жидкости. Этот ритм поднимающейся и опускающейся мозговой жидкости является внешним носителем жизни чувств в человеке. И, благодаря взаимодействию того, что переживают нервы мозга, с ритмом, осуществляемым посредством мозговой жидкости, возникает то, что является обменом между чувствами и мыслями.

Тут лежит пункт, где антропософски ориентированное познание человеческого существа должно пройти длинный путь, чтобы человек правильно понял своё духовно-душевное и своё физическое существо. Только когда человек разовьёт в себе те методы познания, которые охарактеризованы в моей книге «Как достичь познаний высших миров?», в моих «Очерках тайноведения», в других моих текстах, тогда он действительно научится познавать,

---

³Арегсу - остроумное, лаконично сформулированное замечание (прим. пер.)

- получив внутренний душевный опыт, способный понимать такие вещи, - как жизнь чувств может быть отделена от интеллектуальной жизни. Иначе они смешиваются. И человек с обычной наукой никогда не узнает, что мозг, что нервно-чувственный аппарат является носителем лишь интеллектуальной жизни, в то время как ритмическое в человеке является носителем жизни чувств.

И точно так же носителем волевой жизни является обмен веществ, повсюду, где он имеется, обмен веществ; также и в мозге обмен веществ является носителем волевой жизни. Но с нервно-чувственной деятельностью, с ритмической деятельностью, с деятельностью обмена веществ, функции человека исчерпываются. Это уже целый человек. Этого целого человека, исходя из познающих сил, опять же, целого человека, стремится понять антропософски ориентированная духовная наука. Поэтому, поскольку она черпает свои знания не только из интеллекта, а из жизни чувств, из ритмической деятельности, из того, что духовно живёт в обмене веществ, она может понять всего человека. Только благодаря этому, она узнаёт, чем, собственно, являются лёгкие, печень, селезёнка, что они и другие органы означают в человеке; поскольку всё это можно познать только на пути, который привлекает в помощь духовную наполненность вещей. Посредством этого достигается интуитивное познание человека, и прокладывается путь к интуитивной медицине. Рассматривая человека как механизм, его не понять. В нём изучают только механическое. Посредством же того, что человек рассматривается так, что ещё дальше расширяется, ещё больше одухотворяется гётевский способ рассмотрения, который является интуитивным, впервые становятся постижимы отдельные органы человеческого существа в своих метаморфозах. Но затем, когда станет понятным то, что означают эти отдельные метаморфозы человеческого организма, тогда этого, уже понятого человека можно снова поместить в природу. Если познавать природу, исключая из неё человека, то и человека в неё снова также нельзя поместить. Если же изучать человека так, как я его описал, то его можно также снова поместить в природу. Тогда, изучая его органы, можно увидеть глубокое родство между человеком и космосом. Тогда можно увидеть связь между продуктами питания, взятыми из природы, и человеческим организмом. Но тогда также можно увидеть и связь между лечебными средствами, которые берут из внешней природы, или также из душевного, при духовном лечении, и всей человеческой природой.

Я могу сейчас только набросать этот способ рассмотрения человека. Но то, что я сейчас набросал, - это путь из антропософски ориентированной духовной науки в интуитивную медицину, ту медицину, которую сегодня ищут многие из тех, кто непредвзято прошёл медицинское обучение и затем был выпущен к страдающему человечеству. В том, что действует на них в человеческом познании и человеческом искусстве врачевания, им не хватает интуитивного, духовного элемента. Именно в медицине наиболее очевидно, к чему приводит наука, в своих методах исключая человека.

О, я знаю, что с тем, что я сейчас высказываю, я стою ещё перед стеной предубеждений. Но об этой стене предубеждений необходимо говорить снова и снова. Пройдёт ещё много времени, прежде чем путь, изложенный здесь, будет опробован большим числом людей, поскольку он не так удобен, чем путь, выбранный сегодня. Как растение в гётевском смысле представляет собой сложный лист, так и полный человек состоит, как бы, из трёх человек: из человека мыслящего и воспринимающего посредством органов чувств, человека ритмического и человека обмена веществ. Каждый является в определённом смысле неким человеком, и из этих трёх человек надо построить общую природу человека. И каждый член этого человека стоит в определённом отношении к внешней природе. То же, что является таинственной связью между лечебным средством и болезнью, может восходить только к обозначенной здесь интуитивной медицине.

Я знаю также, что многие люди сегодня ещё считают самонадеянным со стороны упомянутой здесь духовной науки, наряду со многими другими вещами, думать также о реформе медицины. Она должна думать об этом из священного долга перед человеческим прогрессом. Поскольку она должна увидеть, что путь, которым пошло естествознание на

благо столь многих областей за последние три-четыре века, никогда не может стать благотворным для лечения больных людей. Как художник не может быть настоящим художником, зная только интеллектуально эстетические законы, так и врач не может быть целителем, если он знает только то, что является сегодня законами природы. Он должен быть в состоянии всем своим существом вжиться в сущность и деятельность самой природы. Он должен быть в состоянии погрузиться в творящую и переплетённую природу. Тогда он сможет с непосредственным участием следовать теми путями, которые избирает природа при болезни. Тогда из видения здорового человека ему откроется видение больного.

Духовная наука должна не только указать на гигиену, которую она достигает с помощью духовных сил, духовная наука должна открыть перспективу интуитивной медицины. Кто занимается этой духовной наукой, услышит не только то, как я, правда, крупными штрихами, в общих чертах и абстрактно охарактеризовал путь к интуитивной медицине, но и то, что многое из того, что я здесь изложил, уже разработано, как многое лишь ждёт момента, когда появятся официальные представители медицинских знаний и усвоят ту точку зрения, которую необходимо принять. Так обстоит дело относительно физических болезней тела, и так обстоит дело относительно болезней самой души. Сегодня должно быть покажется нескромным, если кто-то захочет указать на то, чего, исходя из основ познания, для исцеления человека может сделать духовная наука.

Я хотел бы сделать возможным переход к тому, что мы будем обсуждать завтра о нравственной, религиозной и социальной природе человека, посредством того, что сейчас в заключении укажу на то, что, как раз, в такой области, как настоящая интуитивная медицина, было бы идеалом для духовного учёного иметь возможность высказаться перед теми, кто в курсе дела. Если бы они проявились и позволили бы высказаться своей компетентности без предубеждений, то они увидели бы, какое плодотворное влияние могла бы испытать эта компетентность, как раз, со стороны духовной науки. Духовная наука не боится критики специалистов. Духовная наука - не дилетантизм. Духовная наука пытается черпать из более глубоких научных основ, нежели обычная сегодняшняя внешняя наука. Духовная наука знает, что она могла бы бояться скорее любительства, нежели компетентности, если бы давно не отказалась от привычки бояться по вполне понятным причинам. Перед компетентностью, перед непредубеждённостью, духовной науке скрывать нечего, бояться нечего. Она знает: Чем более компетентно рассматриваются результаты исследований, тем больше, в позитивном смысле, будут к ней склоняться. Как раз, относительно того, что кому-то видится как перспектива интуитивной медицины, хотелось бы напомнить древние слова, универсальную ценность которых я сегодня исследовать не буду, но которые в определённом ограниченном смысле вполне может подойти для того образа рассмотрения, которое проявляет желание найти свое применение в искусстве лечения больных людей. Древние мудрецы говорили: Подобное познаётся только подобным. Для того, чтобы исцелить человека, его надо вначале узнать. То, что от человека сегодня деятельно в науке, - это не целый человек, а поэтому не человек, а потому не то, что подобно человеку. Когда для познания человека будет призван целый человек, тогда подобное - человек - будет познан подобным — человеком. И тогда возникнет человеческое познание и человеческое искусство врачевания, которое, с одной стороны, будет сохранять здоровье человека в социальной совместной жизни, насколько оно сможет его сохранять, и которое, с другой стороны, будет обходиться с болезнями так, как с ними можно будет обходиться только, исходя из совокупности всех действительных лечебных факторов.

Нравственные и религиозные силы в смысле духовной науки

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Базель, 7 января 1920 года

Взгляд на мир, такой, каким также хочет быть и взгляд духовной науки, должен проверяться тем, даёт ли он человеку опору в том, что ему нужно в жизни. Опорой в жизни должно быть то, что мы можем назвать моральным усердием, моральной силой. Опорой в жизни, однако, среди всего остального, должно быть также то, что мы можем назвать внутренней конституцией души, которую человек может приобрести, чувствуя себя членом всей огромной вселенной, чувствуя себя интегрированным во вселенную, в соответствии с тем, что можно было бы назвать его религиозной потребностью. То, что тут касается внутренней моральной силы человека, очень точно охарактеризовал Шопенгауэр, несмотря на то, что дальнейшие его размышления, относящиеся к этому высказыванию, кажутся довольно спорными. Он сказал: Проповедовать мораль легко, обосновать мораль трудно. - Это действительно слова истины. Поскольку определить в общем, что такое добро, что требует от нас моральная жизнь, - это, в качестве задачи для интеллекта, сравнительно легко. Напротив, извлечь из первичных сил души те побуждения, которые необходимы для того, чтобы человек поместил себя в жизненные обстоятельства в качестве полного сил морально, - это трудно. Но это и означает обосновать мораль. Обосновать мораль, значит не просто сказать, что хорошо, что морально. Обосновать мораль, значит дать человеку такие импульсы, которые, если бы он принял их в свою душевную жизнь, стали бы в нём действительной силой, действительной деятельностью.

Но человек на нашей теперешней ступени развития стоит в мире в отношении своего морального сознания весьма своеобразно, - так, что это далеко не всегда наблюдается полностью сознательно, но является причиной различного рода неуверенности и беспринципности, которые появляются в жизни людей. С одной стороны, у нас есть наше интеллектуально ориентированное знание, наше познание, которое даёт нам возможность проникнуть в явления природы, которое даёт нам возможность до определённой степени принять в своё представление мировое целое, которое даёт нам возможность, - правда, как мы видели из двух наших последних рассмотрений, в очень ограниченной степени, - составить также представление о существе человека.

Наряду с тем, что сияет в нас как наша познавательная способность, как всё то, что, я бы сказал, дирижируется нашей человеческой логикой, наряду со всем этим в человеке утверждается, должен утверждаться, и другой элемент его существа, - то, откуда для него исходит его нравственный долг, его нравственная любовь, короче говоря, импульсы к моральным действиям. И нужно сказать: Современный человек живёт, с одной стороны, в своих познавательных способностях и их результатах, а, с другой стороны, он живёт в том, чем являются его моральные побуждения. И то, и то, - душевное содержание. Но для современного человека, по сути, есть мало связи между этими двумя, так мало связи, что, например, Кант мог сказать: Две вещи ему дороже всего на свете: звездное небо над ним, нравственный закон внутри него. - Но именно этот кантианский род представления, который присутствует в современном человеке, не знает моста между тем, что ведёт к познанию мира,

с одной стороны, и тем, что является нравственными импульсами, с другой. Как не связано рассматривает Кант познавательную жизнь в своей «Критике чистого разума» и нравственную жизнь в своей «Критике практического разума».

И если мы честны по отношению к нашему сознанию времени, то мы, собственно, должны сказать, что здесь лежит пропасть между двумя переживаниями человеческой природы.

Составляя себе представления о ходе человеческого развития в различных областях знания, наука рассматривает происходящее в природе, начиная от простейших живых существ, даже от неорганической природы, до человека. Она составляет себе представления о том, как приблизительно возникло это непосредственно предстающее нам мировое целое. Она также составляет себе представления о том, благодаря каким процессам мог бы произойти конец предстающего нам мира. Но тут из человека, который всё же включён в этот природный порядок, вырывается то, что он называет своими нравственными идеалами. И эти нравственные идеалы человек воспринимает так, что он может ощущать себя достойным, ценным, собственно, только тогда, когда он следует этим идеалам, когда есть соответствие между ним и этими идеалами. Человек ставит свою ценность в зависимость от этих нравственных идеалов. Но если представить себе, что однажды силами природы, доступными человеку через его познание, доступное нам мировое целое придёт к своему концу, то что остается сегодняшнему сознанию времени из того, что человек создаёт, исходя из своих нравственных идеалов, из своих нравственных импульсов? Кто честен, кто не окутывает туманностью то, что является сегодняшним сознанием времени, тот должен будет себе сказать: В свете современного естественно-научного воззрения эти нравственные идеалы представляют собой нечто такое, на что человек хотя и должен ориентироваться в жизни, но благодаря чему не возникает ничего, что могло бы однажды триумфировать, когда Земля вместе с самим человеком приблизится к своему концу.

Придётся признать, что для сегодняшнего сознания времени нет никакого моста между познавательными способностями, ведущими к знаниям о природе, и способностями, которые владеют нами как моральными существами. Человек осознаёт не всё, что происходит в глубинах его души. Многие остаются бессознательным. Но то, что копошится там, внизу, бессознательно, проявляется в жизни через дисгармонии, через душевные и даже телесные болезни. И кто хочет беспристрастно взглянуть на то, что происходит сегодня, тот должен будет сказать себе: тут наша жизнь колеблется из стороны в сторону, и тут в этой жизни находятся люди со всеми возможными душевными и телесными раздвоениями. И то, что тут колеблется, поднимается из глубины, в которой действует нечто вроде тех слабых человеческих сил, которые не могут построить моста между нравственной жизнью и познанием природы. Антропософски ориентированная духовная наука ставит себе эти вопросы следующим образом. Она должна оставить всё то, что является, с одной стороны, лишь теоретическим воззрением внешней действительности. И она должна таким образом познать всё то, что - я говорил здесь об этом в двух предыдущих лекциях - человек при этом рассмотрении природы хотел бы отключить, только для того, чтобы, якобы, достичь объективности.

То, что характеризовал как путь в духовный мир, представляется - я хотел бы в качестве обобщения сказать это ещё раз - приблизительно следующим образом: Прежде всего, тот, кто хочет идти этим путём в духовный мир, должен предаться определённой внутренней душевно-духовной работе. В своих книгах эти внутренние упражнения, эту внутреннюю духовно-душевную работу, я обобщил под названием медитационной, концентрационной работы. Эта работа вводит человека в состояние, позволяющее по-другому относиться к своей жизни представления, нежели это происходит в обычной жизни, когда мы рассматриваем природные явления или также социальную жизнь. Это абсолютное слияние с представлениями, которые иначе лишь в образе теней сопровождают внешние впечатления. Как иначе, - так я говорил, - мы, с нашими чувствами, нашими симпатиями и антипатиями, относимся в физической жизни к природе или человеку, как мы относимся к фактам с

нашими волевыми эмоциями, так же мы, как те, кто встал на путь к духовному миру, относимся к простым представлениям. То, как возникают представления, волнует нас, вызывает нашу симпатию и антипатию, стимулирует всю нашу жизненную силу. Это становится для нас судьбой. Оставаясь совершенно спокойными внешне, внутренне мы проделываем нечто такое, что никак не слабее, чем то, что мы иначе проделываем во внешнем мире как жизненную судьбу. Мы, как бы, удваиваем свою жизнь. В то время как обычно мы возбуждаемся, развиваем симпатию и антипатию, проявляем волевые импульсы по отношению к внешним событиям лишь во внешнем мире, то, что иначе занимает нас лишь во внешнем материальном мире, мы вносим внутрь, в нашу внутреннюю мыслительную жизнь. Когда человек начинает действительно делать это, - а это может сделать каждый, если он будет упражняться так, как я описал это в своей книге "Как достичь познаний высших миров?" или в «Очерках тайноведения», - для него, в конце концов, наступает момент, когда он имеет картины мира не только тогда, когда он открывает свои чувства, когда он слышит или видит, но и тогда, когда они возникают, исходя из чистой жизни представлений, такие полные содержания картины, если можно так выразиться, такие сочные картины, какие иначе возникают только посредством чувственного восприятия. Они возникают посредством таким образом усиленной, обострённой жизни представления. Мы начинаем жить в мире образов без чувственного восприятия так, будто мы его имеем.

С этим, однако, связано другое важное переживание, - эти вещи мы можем понять только как переживания; абстрактная логика, так называемое приведение доказательств к этому не ведёт, - то есть, с этим связано другое переживание: Благодаря таким упражнениям, мы учимся понимать, что это значит, развивать духовно-душевную деятельность независимо от телесной деятельности. Для человека наступает момент, когда, если можно так выразиться, он с полным основанием может признать себя материалистом, как бы странно и парадоксально это ни звучало. В этот момент он может сказать: Тут мы мыслим с помощью инструмента нашей нервной системы. Но именно это и характерно для этой внешней жизни, что мы можем измерять её, развивая своё духовно-духовное только в том случае, если оно пользуется телесными инструментами. Но этот духовно-духовное зависит не только от пользования телесными орудиями. Благодаря описанным усилиям, оно может отделиться от телесного инструмента и стать свободным от тела. Можно сколько угодно спекулировать и философствовать с материализмом. Но если выдвигать против него только то, что можно узнать из обычной жизни, его опровергнуть невозможно, поскольку для обычной жизни этот материализм прав. Опровергнуть материализм можно только посредством спиритуальной практики, посредством того, что человек в непосредственном переживании высвобождает духовно-душевное из телесного. Он имеет представления в образах, - в вышеуказанных книгах я назвал это имагинативным представлением или имагинациями - но вне тела, при этом «вне» понимается, разумеется, не пространственно, а независимо от тела. Это одна сторона того, что необходимо знать в рамках антропософски ориентированной духовной науки, чтобы действительно установить вышеупомянутый мост. То, что таким образом приобретается в качестве содержания имагинативного познания, находится не в человеческом теле, а вне его, и есть практические объяснения того, что наше наивнутреннейшее существо, до того, как оделось в это тело, было в духовно-душевном мире. Поскольку человек находится не только вне тела, но и вне того времени, в котором он живёт в теле. Таким образом он переживает действительно то, что было до рождения, или, скажем, лежащее в человеке до физического зачатия. Как снаружи в комнату втекает свет, так наша жизнь до рождения в этих имагинациях втекает в нашу настоящую жизнь.

То, что тут втекает, это не просто мысли, это имеет живое содержание. Это живое содержание проявляется как нечто совершенно особенное. Оно проявляется как определённое, я бы сказал, интеллектуальное содержание. Когда мы, указанным выше образом, практикуем, усиливаем, обостряем жизнь представлений, мы выходим из самих себя в некое волевое содержание, которое в то же время имеет в себе нечто живое. Это волевое содержание является тем, что действует в нас, что одевается в физическое тело, что

мы имеем не посредством наследственности, что мы вообще имеем не из этого физического мира.

Знания бессмертия антропософски ориентированная духовная наука достигает не посредством спекулятивной проработки обычной жизни, а посредством культивирования познавательной способности, которой поначалу нет в обычной жизни. Что сегодня для нас особенно важно, так это то, что мы, люди, достигаем таким образом состояния вне физического тела, даже во время жизни в нашем физическом теле. Мы достигаем идей, которые для большей части современных людей ещё очень трудно представимы, но которые должны будут образовывать один из важнейших членов развития человечества в будущем.

И теперь, если делать упражнения не только в направлении жизни представлений, но и в направлении жизни воли, выясняется нечто очень странное. Мы, люди, живём так, я бы сказал, как Фауст, который говорит: Я лишь пробегаю через мир. - Мы пробегаем через мир. Конечно, мы проделывает какое-то развитие между рождением и смертью, месяц за месяцем, год за годом, десятилетие за десятилетием; но мы проделываем это развитие, как бы, отдаваясь внешней объективности: положив руку на сердце, сколько людей делают это по-другому, как в детстве, когда их воспитывают взрослые, так и в последующей жизни, когда они позволяют нести их своей судьбе? Они становятся совершеннее, поскольку совершеннее их делает мир. Но что же люди делают иначе, как ни отдаются потоку жизни? С этой отдачей себя потоку жизни, мы, однако, не выходим на этот упомянутый здесь духовно-научный путь. Тут необходимо, чтобы человек своё совершенствование в свои руки, чтобы он действительно работал над собой так, чтобы развиваться не только посредством жизни, подступающей к нему через судьбу, но и продолжал своё развитие развивался, говоря себе: Ты хочешь внедрить в себя то или иное состояние мышления. И тогда человек работает над внедрением этого состояния мышления. Он предпринимает нечто такое в большом или малом. Но есть большая разница в том, работает ли он в чём-то над собой сам, или осуществляет совершенствование собственного существа, позволяя совершенствовать себя жизни. Посредством этого взятия собственного совершенствования в свои руки, он познаёт действие своей воли; поскольку он учится узнавать, что сопротивляется этой воле, когда он культивирует своё совершенствование. О, таким образом он знакомится со всякими вещами, и, прежде всего, он укрепляет собственные силы духовно-душевного, и, делая такие упражнения по самоусовершенствованию, - но их надо делать годы, - он очень скоро замечает, что его внутренние силы растут. Эти внутренние силы такого рода, что их нельзя найти во внешней природе. Они также такого рода, что их нельзя найти и в обычной душевной жизни, которую мы несли в себе до этих упражнений. Эти силы мы открываем только тогда, когда, как раз, начинаем делать такие внутренние упражнения. Эти силы способны совершать нечто совершенно определённое: они способны гораздо более сознательно принимать те нравственные импульсы, которые в противном случае рождаются в душе, в собственном Я, как бы, инстинктивно, как бы, неопределенно и отдельно от познавательных способностей. Но поймите меня правильно, не в том Я, которое мы развиваем в своём теле, а в том Я, которое мы развиваем указанным способом, когда выходим из нашего тела с нашей имажинацией. Мы не можем получить истинную форму нравственных побуждений, введённую в наше чувственное тело, в наше чувственное познание; но мы получаем то, что изолировано так, что Кант представил это совершенно изолированно, как категорический императив, мы получаем в наше Я то, что отделено от тела.

И тогда то, что я до этого описывал как имажинацию, как образное представление, становится пронизанным тем, что можно назвать объективной силой морального импульса; оно становится пронизанным моральной инспирацией. Теперь мы узнаём, что то, что в нас возникает как моральный императив, как моральные идеалы, коренится не просто в нас, а коренится в мировом целом. Находясь вне нашего физического человека, мы узнаём, что то, что в своём истинном виде не появляется в рамках нашей физической организации, а что в

этом истинном виде мы познаём посредством имажинативного видения, является объективной силой мира.

Такого воззрения может достичь человек, который правильно, своим здравым смыслом принимает то, что может сказать духовный исследователь в результате своего видения духовного мира. Тот, кто пронизывает себя таким воззрением, чувствует по отношению к популярным сегодня публичным лекциям нечто совершенно особенное. Это, возможно, прозвучит странно, если я это выскажу, но я хотел бы сказать: Кто непредвзято принимает это инспирированное в имажинации, совпадающее с нравственными силами, которые есть в человеческой жизни, и представляет себе, как в наше время посредством духовного познания нечто подобное может быть пронизано пониманием, тому больше всего хотелось бы думать: Ах, если бы такое знание могло овладеть людьми по меньшей мере так же сильно, как знание о том, что открыты рентгеновские лучи или беспроводной телеграф! Перед лицом того, что тут погружается в душу духовного исследователя, хотелось бы сказать: для цивилизации современности чрезвычайно необходимо, чтобы люди пришли к тому, чтобы оценивать обнаруженные на духовном пути силы для усиления человека так же, как то, что может быть полезным и развивающим во внешней жизни.

Я думаю, что этим, мы касаемся одного из важных цивилизационных требований современности. Духовно-научные познания, я скажу это ещё раз, - это не спекуляции, это переживания. И то, что они сегодня принимаются ещё так немногими, происходит из-за того, что многие позволяют себе быть ослепленными материалистическими естественно-научными воззрениями, сами загромождают себе путь их предопределениями, не пользуются своим здравым смыслом, и потому не могут правильным образом проверить то, что говорит исследователь духовной науки. Они всегда говорят: Ведь, мы не можем видеть сами то, что говорит духовный исследователь. Я хотел бы знать, многие ли из тех, кто верит в прохождение Венеры, когда-нибудь видел это прохождение Венеры! Я хотел бы знать, сколько людей, которые рассуждают о том, что вода состоит из водорода и кислорода, когда-нибудь наблюдали в лаборатории, как устанавливается то, что вода состоит из водорода и кислорода, и так далее. Есть же логика здравого смысла человека. Посредством её можно проверить то, что говорит духовный исследователь. Я, определённо, не смогу тем, кто пользуется своим здравым смыслом, внушить какие-то иллюзии, наболтать какие-то фантазии, поскольку своим здравым смыслом они смогут увидеть, говорю я как мечтатель или придерживаюсь логических взаимосвязей, говорю я как некто, кто присоединяет одну идею к другой, как это делают также в самой точной науке, или нет. Кто достигает такого здорового знания о человеке и такого воззрения на человека, тот может различать, находится перед ним фантазёр или человек, которого, благодаря тому, что он способен облекать свои воззрения в здоровые логические формы и вообще не производит впечатления мечтателя, надо принимать всерьёз. О многом в жизни мы должны выносить своё суждение таким образом; почему же мы не можем таким образом выносить суждение о том, что принадлежит к важнейшему: о воззрении на мировой порядок? Для того, кто не может сам быть духовным исследователем, - а до определённой степени духовным исследователем может быть каждый, как это представлено в названных выше книгах, - другого способа нет; поскольку духовная наука - это нечто пережитое, нечто, что надо испытать, а не то, что достигается только посредством логических умозаключений.

Таким образом, если вы знакомитесь с мировоззрениями посредством, я бы сказал, комбинации между имажинацией и инспирированной нравственностью, то вы начинаете понимать ещё и нечто другое, тогда вы начинаете понимать, в чем состоит противоречие между так называемой природной каузальностью, природной необходимостью и элементом, в котором человек живёт, как в своей свободе. Поскольку с нашими моральными импульсами мы можем жить только в элементе свободы. Мы смотрим наружу во внешнюю природу. Подавляющим образом действует на воззрение на природу, которое образовалось в последние три-четыре столетия то, что называют необходимой связью между последующим и предыдущим, то, что называют общей причинностью. Так природа, включая и человеческое

существо, представляется так, будто всё подчиняется природной необходимости. Но тогда с человеческой свободой выглядело бы плохо; тогда мы не могли бы действовать иначе, как под принуждением природной необходимости. Свобода была бы невозможна, если бы мир был таким, каким его хочет видеть последние три-четыре столетия полюбившееся всем естественно-научное воззрение.

Но, достигнув той точки зрения, которую я только что описал, точки зрения вне человеческого тела, всё то, что пронизано необходимостью, представляется вам неким природным телом. И это природное тело во всех возможных местах выделяет природную душу, природный дух. Природное тело является, как бы, тем, что выброшено, отброшено становящимся миром; природный дух, природная душа - это то, что прорастает в будущее.

Так же, как когда я вижу перед собой труп, этот труп не имеет уже никакой возможности следовать чему-либо, кроме необходимостей, которые заложило духовно-душевное, которое жило в нём, так же и то, что подобно трупу во внешней природе, не имеет в себе никаких побуждений, кроме необходимостей. Но в каждой точке прорастает то, что перерастает в будущее. Наше естествознание просто привыкло наблюдать этот природный труп и поэтому видит везде только необходимость. К ней должна присоединиться духовная наука. Она повсюду будет видеть прорастающую, растущую жизнь.

Таким образом, человек, с одной стороны, помещён в природную каузальность, а, с другой стороны, помещён в то, что также присутствует, но не содержит каузальности, а содержит нечто такое, что тождественно с внутренне пережитом элементом свободы. Этот элемент свободы мы переживаем так, как я описал это в своей «Философии свободы», когда мы поднимаемся к внутренне прозрачному чистому мышлению, которое, однако, является, собственно, истечением нашей волевой деятельности. Более подробно вы сможете прочитать об этом в этой моей «Философии свободы».

Таким образом то, что мы достигаем, приобретая возможность познания за пределами человеческого тела, несёт нас в мир, где противоположность между природной необходимостью и свободой становится объяснимой. Мы учимся познавать свободу в самом мире. Мы учимся чувствовать себя в мире, в котором существует свобода.

Когда я описываю вам что-то подобное этому, я описываю это не для того, чтобы показать лишь содержание того, что я описываю, а я хотел бы описать вам то, что я представляю, по той причине, что я хочу показать, как человек входит в определённое душевное состояние, когда он пронизывает себя познаниями, вынесенными из таких областей, когда он оживляет себя такими познаниями.

Подобно тому, как мы, скажем, переживаем какое-то радостное событие, становимся наполненными радостью, как некоторые люди, которые выпивают определённое количество мозельского вина, полностью проникаются настроением, которое исходит от мозельского вина, так и всё целиком состояние души может быть охвачено чем-то реально-спиритуальным, пронизывающим человека. Когда же состояние души охватывается чем-то, чем оно охватывается только во внешней жизни, но и тогда лишь, как бы, в качестве тени? Когда по отношению к моральным обязательствам становится активным категорический императив или становится активной совесть. Но содержание этой совести становится теперь ясным, и оно (это содержание) также принимает форму других нюансов чувств. Поскольку, что, собственно, происходит, - будь человек сам духовный исследователь, или он принимает своим здравым смыслом то, что даёт ему духовный исследователь, и позволяет осесть этому в своей душе, - что же тогда с человеком происходит? Он соединяется с тем, с чем можно соединиться только тогда, когда он выходит из себя, когда он отчуждается от самого себя. Вы не найдете лучшего, более реалистичного определения любви и чувства любви, чем то, что можно описать как состояние души, которое охватывает вас, когда вы бестелесно проникаете в сущность внешнего мира. Если нравственные императивы иначе действуют как принуждение, то они могут быть облечены в такую форму, что они появляются пронизанными тем же настроением, которым должно быть пронизано духовно-научное знание. Эти нравственные импульсы, эти моральные императивы можно узнать из душевного

настрой при занятиях духовной наукой; эта мораль может быть согрета тем, что должно жить в духовной науке в высшем смысле: любовью.

Это я, в свою очередь, попытался показать в своей «Философии свободы», а именно, что самое достойное побуждение для моральной деятельности - это любовь. В рамках современного духовного развития об этих вещах уже шла речь, более инстинктивно, чем это может быть сегодня, когда мы можем, если захотим, быть продвинутыми в духовной науке. Кант когда-то говорил о принуждающем долге, о, я бы сказал, подчиняющем категорическом императиве, не позволяющем вмешательство какой-либо симпатии. То, что делается, исходя из морального долга, делается потому, что так надо. Поэтому Кант сказал: Долг, ты, возвышенное, великое имя, поскольку ты не несёшь с собой ничего, что означало бы заискивание или что-то ему подобное, а только строжайшее подчинение. - Шиллер находил это строжайшее подчинение долгу не достойным человека. И против этого кантианского высказывания он привёл то, что так прекрасно, так великолепно выразил в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека».

Достаточно взять лишь небольшую эпиграмму, которую Шиллер написал против этого строго, жёсткого кантианского понятия долга, и тогда у нас будет важный контраст относительно нравственной жизни: «Я с удовольствием служу друзьям», - говорит Шиллер, - «но я всё же делаю это из своей склонности. И меня часто мучает червь сомнения, что я недостаточно добродетелен». Он имеет в виду, что в кантианском смысле нужно было бы служить друзьям без удовольствия, подчиняясь долгу. Но то, что наделяет человеческую жизнь достоинством, так это только исполнение того, что абсолютно монументально парой слов высказал Гёте: «Долг, - это когда человек любит то, что он приказывает себе сам». - Но настрой для того, чтобы любить то, что приказываешь себе сам, может быть разожжён только из такой конституции человеческой души, которая достигается в получении знаний духовной науки.

Таким образом, когда человек углубляется в духовную науку, - не параллельно с жизнью, как проповедь морали, - в ней развивается сила, непосредственно действующая нравственную волю. Тогда появляется основа морали. Тогда появляется то, что вливает в человека моральную любовь. Духовная наука не проповедует любовь, духовная наука, если она принимается с полной серьёзностью, в её полной силе, обосновывает мораль, но не давая слова морали, а давая силу для добродетельной любви, для любящей добродетели.

То есть, духовная наука - не просто теория, а жизнь. И когда человек усваивает духовную науку, то это не просто размышления, а нечто вроде принятия жизни, как при дыхании. Вот что эта духовная наука хотела бы делать для современной цивилизации в области нравственности, что она должна для неё делать. Поскольку в старину, как я указывал позавчера, тоже была духовная наука, но инстинктивная. Откуда взялась эта духовная наука древней восточной мудрости, развивавшаяся тысячи лет назад? Она была приглушённым, сновидческим соединением себя с миром. Она вышла из человеческих инстинктов, из человеческой жизни побуждений. Эта духовная наука была инстинктивной. Люди всматривались в природу посредством, своего рода, ясновидения. И это ясновидение было связано с их кровью, была связана с их внешней телесностью. С этой кровью, с этой внешней телесностью, однако, были связаны также их тогдашние нравственные побуждения. Оба приходили из одного источника. Человечество - я говорю это в эти дни постоянно - проделывает некое развитие и думает, что мы можем быть такими же людьми, как тысячу лет назад; Это подобно вере в то, что взрослый человек может быть таким же, как ребёнок. Но мы не можем больше стоять на точке зрения примитивного ясновидческого искусства древнего Востока или древнего Египта. Мы добрались до галилеизма, коперниканства. Мы дошли до того воззрения, которое восходит в интеллекте. В тех древних восточных воззрениях интеллект ещё не был развит. Но зато мы должны черпать импульсы нашей нравственной деятельности тоже из духа, а не из инстинктов.

Самым плохим является то, что люди, говоря об идеалах или жизненных импульсах, всегда всё абсолютизируют. Когда сегодня появляется какой-нибудь партиец или мечтатель-

теоретик, желающий основать тысячелетний рейх, он говорит: я хочу для человечества того или иного, - и он считает, что то, что он говорит, должно быть хорошо для всего человечества во все грядущие времена и на всей Земле. Будто это хорошо в абсолютном смысле. Кто действительно понимает жизнь развивающегося человечества, тот знает, что хорошо, что годно для мировоззрения, соответствует лишь определённому времени, что нужно знать природу этой эпохи. Я уже часто говорил в предыдущих лекциях: Антропософски ориентированная духовная наука, о которой я здесь говорю, не претендует быть чем-то абсолютным. Но она считает, что из сердца настоящего и ближайшего будущего она говорит человеческим душам о том, в чём эти человеческие души нуждаются в настоящем и в ближайшем будущем. Но эта духовная наука очень хорошо знает: Когда через пятьсот лет снова кто-то будет говорить о великих загадках мира и делах человечества, он будет говорить другим тоном, другим образом, поскольку в этом смысле нет ничего абсолютного, ничего длящегося вечно.

Мы активны в жизни именно потому, что можем соответствующим образом воспринимать её в её жизненности, в её метаморфозах, также и там, где мы стоим внутри неё. Легче абстрактно выдвигать абсолютные идеалы, нежели сначала узнать свою эпоху и затем из сущности этой эпохи говорить о том, что ей подходит. Тогда, когда с принятием духовно-научных импульсов, человек, как я это описал, пронизывается тем, что приходит к нему от духа, он узнаёт, что он, как человек, является духом, душой, тогда он узнаёт, что он проживает мир как дух и как душа. И тогда он будет воспринимать любого другого человека как духа и душу. Нечто огромное, я бы сказал, возникнет, когда это станет в человеческой жизни духовной наукой, пронизывающим эту человеческую жизнь настроем, так чтобы человек с полным сознанием воспринимал другого человека, как загадку, которую нужно разгадать, поскольку через каждого человека он заглядывает в бесконечное, в духовные глубины и бездны.

И то, что тут образуется из этого действительного видения других людей как духа и душу, будет давать социально-нравственные силы, которые должны будут создавать основу для решения жгучих социальных вопросов нашего времени. Я не могу себе представить это иначе, нежели так, что те, кто прозревает всю сущность социального вопроса и в то же время позволяет действовать на себя сегодняшнее состояние человечества, страдают от определённых душевных мук. Мы живем во время, когда социальный вопрос требует определенного решения. Одновременно мы живём в то время, когда души тех, кто призывает к социальному порядку, пронизаны антисоциальными побуждениями, когда многим требования социального оформления жизни кажется противоположностью того, что живёт в человеческих душах в качестве антисоциальных импульсов. Можно выдвигать самые лучшие программы, можно составлять себя наилучшие представления о том, что надо сделать для решения социального вопроса, - путь к решению можно найти только тогда, когда среди людей будет виден, будет чувствоваться дух, если люди будут подходить друг к другу, уважая, защищая, почитая, любя дух и душу в своих ближних, а не просто то, что видят в этих ближних сегодня. Поэтому в своей книге «Основные пункты социального вопроса» я требовал обособления духовной жизни от прочей социальной жизни, чтобы эта духовная жизнь могла стоять на своём собственном основании, независимо от государственных и хозяйственных импульсов, имея возможность следовать только человеческой природе. Только такая свободная духовная жизнь будет распространять среди людей настоящие социальные побуждения, социальное понимание и социальный настрой. Также и социальная нравственность зависит от того, что люди примут в свою душевную конституцию то, что может стать с ними в следствии того, что говорится, исходя из исследований духовной науки.

И то, в чём человек должен покоиться как в некоем ценном и достойном целом, чтобы он чувствовал себя не просто одиноким мировым странником, а членом мирового целого, - религиозный элемент, - его, вероятно, в том смысле, в каком в нём нуждается современный человек, также можно разжечь только посредством того, что будет достигнуто как настроение в следовании духовной науке.

Те события мирового порядка или человеческого развития, на которые смотрят религиозные чувства, присутствуют тут как факты. Как факт стоит тут, например, Мистерия Голгофы. Как факт стоит то, что разыгрывалось в начале нашего времяисчисления как становления Христа в Иисусе. Надо отличать этот факт, этот объективный факт, от того, каким образом человек приближается к пониманию, видению такого факта. Во времена начала распространения христианства, оно могло протекать в рамках того образа мышления, которое перешло ещё из древнего Востока; то, что как событие произошло в Палестине, понималось в представлениях пришедших из древних времён, из первобытных человеческих воззрений. В продолжении столетий те люди, которые могли быть честными и искренними, понимали событие Голгофы с помощью таких представлений. Но вот пришло время, когда появился галилеизм, когда Джордано Бруно таким замечательным для человеческого восприятия образом преодолел пространство, показав, что то, что там, наверху, представляется нам голубым небосводом, является лишь тем, что живёт в нас самих, является границей, которую ставим мы сами, в то время как в далеко уходящем море космоса существует бесконечное количество звёзд. Пришло всё то, что принёс Коперник, что было привнесено в новое мировоззрение внешними людьми, которые жили вплоть до сегодняшних дней. В это время люди внутренне привыкли к другому видению мира, нежели то, посредством которого христианство понимали вначале. В это время должно было также быть обретоено новое отношение к религиозным основаниям человеческого развития. Речь идёт не о том, чтобы как-то поколебать факты, лежащие в основе религиозного развития человечества. Но речь идёт о том, чтобы обратиться к современной человеческой совести так, чтобы современный человек смог бы понять событие Христа, исходя из своей душевной конституции, как он и должен это делать.

Наиболее честно и благоговейно подходят к религии те, кто говорит: Новый путь к старым фактам нужно искать и на религиозной почве. Антропософски ориентированная духовная наука станет лучшей подготовкой для того, чтобы понять христианство или другие религиозные содержания современным образом. Те же, кто нечестен с религиозной жизнью, этого не признают, поскольку они хотят сохранять пути к основам религиозной жизни, которые сегодня человек, если он уважает воззрения своего времени, уважать не может.

В Новое время мы дошли до материализма. Конечно, к этому материализму привели люди различного рода; но среди этих людей есть и такие, кто сохранил определённые старые жизненные привычки в человеческом развитии, жизненные привычки, направленные на то, чтобы предоставить верованиям монополию на всё то, что говорится о духе и душе. Благодаря тому, что только эти верования имели право решать, чему надо верить относительно духа и души, вышло так, что естественная наука проводила исследования без духа. Естествознание полагает сегодня, что оно приобрело свой вид, благодаря тому, что оно при своих исследованиях природы исключает дух. Нет, исследования природы стали такими потому, что раньше было запрещено исследовать природу с духом, поскольку относительно духа и души могла выносить суждение только церковь. И сегодня эта привычка просто продолжается, и при этом ещё провозглашается, что это является непредвзятым научным суждением.

Взгляните хотя бы на тех исследователей, которые в смысле материалистических исследований заслуживают самой высокой похвалы, таких, например, как священник-иезуит и исследователь муравьев Васманн (Wasmann), - превосходный материалистический исследователь в области природных исследований, исследователь, который, однако, также не позволяет влиться ни капле духа из того, что есть догма. Тут дух и душа должны оставаться снаружи. Поэтому: внешняя наука — материалистична. Ни в малейшей степени носители исповедуемых религий не являются основателями современного материализма. Как бы парадоксально это ни звучало сегодня, это правда: естествознание сделалось бездуховным из-за того, что Церковь не позволила ввести дух в изучение природы. Другие просто переняли это как привычку. Антропософски ориентированная духовная наука должна снова внести в научное исследование дух. Я хотел бы сказать ещё раз: Эта духовная наука не стоит

на той почве, что дух, как в материализме, должен лишь посещать, наносить краткие визиты, чтобы человек мог убедить себя в том, что существует некий дух, - нет, эта духовная наука хочет показать, что в большом и малом, во всем материальном, повсюду есть дух, что всегда и повсюду можно проследить этот дух. Но, благодаря тому, что антропософски ориентированная наука всегда и повсюду в самом материальном исследует дух, доказывается, что материальное, как нечто самостоятельное наряду с духом, существует так же мало, как существует, как нечто самостоятельное, лёд в воде. - Лёд - это преобразованная вода, замороженная вода, материя - это дух, уплотнённый дух. Надо только правильным образом объяснить это в отдельном. Показывая, что повсюду, где есть материя, где есть внешняя жизнь, господствует дух и приводя человека к тому, чтобы он соединился с этим духом, антропософски ориентированная духовная наука даёт сегодня также и импульсы к действительному религиозному углублению.

Ног на этом поле переживаются разные вещи. Смотрите, вот переживание одного, даже вполне доброжелательного человека. Он говорит: духовную науку, как её даёт Штайнер, я проверить не могу; возможно, она содержит в себе какие-то истины, но её нужно держать подальше от любой религиозной жизни, поскольку религиозная жизнь должна представлять собой непосредственное отношение, непосредственное единство человека с Богом, вне всякого познания. И теперь этот человек говорит очень странную вещь: В наше время, говорит он, у нас слишком много религиозного интереса, религиозного переживания, люди всегда хотят лишь пережить что-то религиозное. Они хотят иметь религиозный интерес. В религии этого не нужно. В религии нужно только непосредственное единение человека с Богом. Прочь, говорит этот церковник, со всем этим религиозным интересом, со всем этим религиозным опытом.

Что ж, непредубежденный человек должен сегодня сказать, что если люди ещё и вздыхают по неясному религиозному переживанию, если они ещё пробуждают в себе смутный религиозный интерес, то это, как раз, начало того стремления, того пути, который я сейчас вам описал, чтобы найти себя в религиозном элементе. Тот, кто честен и искренен с религиозной жизнью, должен уловить это побуждение религиозного интереса, религиозного переживания. Вместо этого этот церковник осуждает религиозное переживание, религиозный интерес. Сегодня спрашивают, где это настоящее религиозное понимание, у тех, кто говорит таким образом, или у тех, кто пытается говорить так, как говорил сегодня с вами я. Тут, однако, надо узнавать людей по их плодам.

Один человек, который также является церковником, но, правда, к тому же ещё и университетским профессором, в одной из своих лекций попытался недавно опровергнуть антропософски ориентированную духовную науку. Двое моих юных друга были на этой лекции и имели также возможность участвовать в дискуссии по её окончании. Поскольку сложилась такая ситуация, эти два молодых человека, хорошо воспринявшие импульсы духовной науки, привели слова из Библии, чтобы доказать, насколько то, что есть в Библии, если оно правильно понято, согласуется с тем, что должна в этой области сказать антропософски ориентированная духовная наука. И председатель, который был настоящим церковником, не смог придумать ничего лучшего, как в один момент сказать: Христос здесь неправ! Ему можно было бы возразить: Так ты веришь в Бога, который заблуждается! Хорошенькое церковное настроение. Сегодня из него распускаются странные цветы. Религиозное чувство подлинно лишь тогда, когда оно переходит в истинно нравственную жизнь. Правда, тогда приобретаетась странный опыт. Так, из того, что можно сказать в самых общих чертах, то, что я нахожу сейчас в целом ряде немецких газет относительно социальных последствий этой антропософски ориентированной духовной науки, является ложью от начала и до конца. Но люди находят это сегодня совместимым с моралью, правда, в то время, когда в качестве морального следствия религиозной практики, скажем, может произойти следующее. Не так давно в одном городке один каноник, то есть, церковник католического рода, читал лекцию об этой представленной здесь духовной науке и в конце её сказал: Убедись из противоборствующих текстов, какое мировоззрение представляет этот

человек, поскольку его собственные тексты и тексты его последователей вы читать не должны. Папа Римский запретил их читать католикам.

Совет познакомиться с чем-то нежелательным из самых злобных текстов противников, это моральное следствие многих религиозных практик современности. Неудивительно, что из таких глубин жизни на мир выплеснулось то, что мы пережили за последние пять лет. Или не было ли это выплеском на поверхность лжи и человеконенавистничества, и много другого, что, однако, коренилось, и коренится ещё сегодня, в глубине человеческих душ? Не должен ли факт пережитого дать повод серьезно задуматься о том, не нужно ли основательное переучивание? Не всплыло ли сейчас на поверхность всемирно-исторического что-то вроде всемирно-исторической безнравственности? Или это религиозное настроение, которое изживало себя в мире последние пять лет? Настроения, у которых не было столетий, тысячелетий, для работы над совершенствованием человечества, - сегодня вы видите их плоды! Теология девятнадцатого века уже ничего не знает о духовности события Голгофы. Эта духовность, этот божественный Христос в человеке Иисусе, будет вновь открыт на пути антропософски ориентированной духовной науки. Оттуда он снова войдёт в души людей, чтобы побудить их не только проповедовать мораль, но и утвердить в них правильные побуждения, правильные импульсы моральной деятельности и работы в мире. Не очевидна ли необходимость обновления, строительства? Не выявляется ли эта необходимость, когда мы смотрим на события последних пяти-шести лет, не видны ли плоды того, что в продолжении столетий жило в глубинах и теперь вышло на поверхность? Не является ли это доказательством того, что необходима основательная религиозно-моральная работа?

В этой работе, необходимость которой должен признать сегодня каждый беспристрастный человек, если он не спит со своей душой посреди великих событий времени, хотела бы принимать участие антропософски ориентированная духовная наука. И тот, кто хочет её критиковать, кто хочет её проклинать, должен вначале поставить основной вопрос: хочет ли она честно сотрудничать на благо реального прогресса человечества? - И когда он добросовестно познакомится с ней, чтобы быть в состоянии составить о ней своё мнение, только тогда станет ясно, в какой мере эта антропософски ориентированная духовная наука имеет право на такое сотрудничество. Поскольку она хотела бы честно и искренне работать над необходимым прогрессом, над необходимым переосмыслением и переучиванием человечества.

Не-дух и дух в современности и для будущего
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ
Цюрих, 17 марта 1920 года

Среди хоть в какой-то степени адекватных суждений, высказанных о нынешнем хаотическом положении в мире, одно из самых значительных, несомненно, принадлежит англичанину Джону Мейнард Кейнсу (Keynes), который в своей книге «Экономические последствия Версальского мирного договора» дал оценку современной общей мировой ситуации. К такому суждению Кейнса, несомненно, побуждают также и внешние обстоятельства. Во время войны он был назначен в английское казначейство и имел возможность, - разумеется, исходя из полученного им при этом опыта, - составить себе основу для соответствующего суждения. С другой стороны, он был среди эмиссаров, среди

участников создания самого Версальского мирного договора. Однако уже в июне 1919-го года он покинул этот пост. И эта отставка, а также выводы, к которым он приходит в своей книге об экономических последствиях мирного соглашения, являются, как раз, тем, что проливает существенный свет на то, как эта личность относится к нынешнему мировому положению. Кейнс, ведь, был также одним из тех, кто поначалу, вероятно, ещё на пути к Версалю, в приехавшем из Америки и встреченном с такой великой славой Вудро Вильсоне видел что-то вроде пророка и регулятора современного мирового положения. Он основательно отклонился от этого суждения. И тот, кто, как и я, ещё во времена, когда огромные толпы людей провозглашали Вудро Вильсона чуть ли ни освободителем мира, здесь, в Швейцарии, - я делал это и с этой трибуны, - открыто высказывал, что бессодержательные и абстрактные рассуждения Вудро Вильсона и его манифесты не могут способствовать реальному восстановлению разрушенной цивилизации, тот сегодня, наверное, имеет право указать на такое основополагающее суждение. Кейнс описывает в своей книге то, что касается этой личности, я бы сказал, с интенсивной пластичностью. Он описывает, как Вудро Вильсон приезжает в Версаль, как он принимает участие в собраниях, то, как медлителен он в своём мышлении, как он везде, так сказать, плетётся позади. В то время как другие в своих суждениях уже ушли далеко вперёд, он ещё топчется вокруг того, что было сказано пять, шесть или десять предложений назад, - то есть, прямо-таки человек, страдающий медлительностью мышления. Образно описывается и многое другое относительно личности этого мнимого освободителя мира.

Но Кейнс убедительно говорит также и о других видных личностях, принимавших участие в составлении этого мирного соглашения. Он описывает Клемансо (Clemenceau) как человека, который фактически проспал все развитие европейского человечества с семидесятых годов, который, собственно, не хотел ничего другого в этом мирном договоре, кроме как в определенном смысле вернуть мир к тому, что существовало в Европе в семидесятых годах. И затем он не менее наглядно и образно представляет Ллойда Джорджа как, собственно, превосходящего всех остальных, как обладавшего определённым инстинктом чувствовать, что думают, делают и хотят окружающие его люди. И из всего этого видно, как трудно сегодня даже такому остроумному наблюдателю, как Кейнс, шаг за шагом прорываться через нагромождение фактов к формированию суждения. Ведь, это то, что всё больше и больше способствует хаотизации нынешней мировой ситуации, что, как раз, ведущие личности бессильны перед обстоятельствами, вынесенными в последние десятилетия общественной жизнью на поверхность, что они никак не доросли до тех огромных требований, которые ставит сегодняшний день. Именно это показывает его упомянутая здесь книга и его суждения. Из этого видно, что всё то, что в виде разрушительных сил действует в мире, никак не может быть приведено в порядок теми, кого публичная жизнь привела к лидерству. И когда Кейнс увидел, что из этой конференции не может выйти ничего, что привело бы к здоровому и стабильному дальнейшему развитию европейской цивилизации, он в самом начале переговоров подал в отставку. И то, как он теперь выстраивает свое суждение, чрезвычайно важно. Собственно, в настоящее время, на основе суждений, основанных на таких документах надо только сформировать что-то действительное. Суждение Кейнса, я бы сказал, рассчитано. Что-то сказать в настоящее время могут только те личности, которые обладают определённым чувством и инстинктом, из ещё имеющихся сил некоторым образом трезво просчитывать будущее. Прислушиваться к ним есть особая причина, поскольку, ведь, наибольшее число сегодняшних суждений основано на каких-либо национал-шовинистических или иных предрассудках, в то время как число тех, кто позволяет диктовать суждение объективным образом, исходя из языка самих фактов, очень невелико. К ним принадлежит Кейнс. Он делает обзор того, что, прежде всего в отношении экономики, может выйти из того, что сварили в Версале эти три выше упомянутые ведущие личности, что действительно постепенно должно произойти в экономической жизни европейской цивилизации, если не произойдет ничего другого, кроме того, что будут действовать силы, которые тогда проявились в Версале. И Кейнс рассчитал, -

я говорю это прямо и настаиваю на этом, - Кейнс рассчитал, что из этого мирного соглашения не может следовать ничего другого, кроме экономического разорения Европы. Разумеется, экономическое разорение Европы должно быть связано с духовным и политическим разорением.

Таким образом, эта книга об экономических следствиях Версальского договора достаточно интересна, уже благодаря этому своему содержанию. Но в определённом смысле концовка делает его ещё более интересным. В этом финале Кейнс открыто признается, что он действительно понятия не имеет, что нужно делать или хотеть, чтобы выбраться из хаоса, в который мы вступаем. И когда он делает это признание, он говорит, собственно, нечто чрезвычайно важное, обобщая это важное в одном единственном предложении. Он говорит, что можно только надеяться, что какое-то спасение европейской цивилизации произойдёт в результате соединения всех входящих в рассмотрение сил в новую душевную конституцию и в новые имажинации.

Мои многоуважаемые присутствующие, это говорит человек, которые стоял внутри тех обстоятельств, который был призван в них участвовать, который своими рассуждениями показал, что он является человеком, умеющим трезво рассчитывать в самом широком плане. Эту новую душевную конституцию, это объединение всех сил для нового взгляда на силы, действующие в общественной жизни человечества, - где их найти? Как прийти к ним?

Что ж, мои многоуважаемые присутствующие, потребуется только некоторое беспристрастие для того, чтобы признать, что первым шагом должно быть совершенно непредвзятое исследование существенного в современной общественной жизни; постановка вопроса: Каковы же, собственно, действенные силы в этой общественной жизни современности? В более ранних лекциях, которые я здесь имел честь читать, я указывал на то, какого рода историческим рассмотрением мы должны быть обязаны, чтобы прийти к действительно действующим силам в жизни человечества. Тут, прежде всего, надо видеть определённые симптомы, благодаря которым становится ясно, что действует в глубинах человеческого развития. И поэтому я хотел бы указать на нечто, что, пожалуй, принадлежит к самым выдающимся силам, работавших над делом разрушения, - я хотел бы указать, как раз, на основу нынешнего мировоззрения, правда, в том виде, в каком она развивалась в ходе последних трёх-четырёх столетий. Я не хотел бы пробудить мнение, будто мировоззрение, зародившееся в каком-то одиноком центре, могло распространиться и повлиять на каждую отдельную душу, и что общественные обстоятельства, как бы, возникли из такого мировоззрения. Это совершенно определено не так. Но подобно тому, как общественные обстоятельства вырастают из воли, из чувства, из сердечной жизни, из мыслей общего состояния человека, так и мировоззрение вырастает из этого общего состояния человеческой жизни, а именно, человеческой души. И подобно тому, как по какому-то симптому можно видеть, каким в целом является человек, каким он является во всём своём проявлении, во всей своей деятельности, так, если теперь, как бы, взглянуть на симптом мировоззрения, можно видеть, что является определяющим в проявившемся в наше время мировоззрении. И это определяющее характеризуется в особенности тем, что всё то, что не пришло в наше мировоззрение через традиции прошлых времён, развилось на почве естественной науки, которая хочет строить свои знания исключительно на основе внешнего материального наблюдения. Что же показывает это естественно-научное мировоззрение, если рассмотреть его глубже?

Пожалуй, правильно о нём судить может только тот, кто может им восхищаться. И в предыдущих лекциях я, без сомнения, достаточно сильно выразил это своё восхищение научным мировоззрением. Настоящее рассмотрение никак не призвано бороться с этим, научным мировоззрением, которое является, безусловно, в высшей степени оправданным в своей области. В отношении своих технических и экономических последствий этот естественно-научный взгляд привёл к великим плодам цивилизации для человечества. Но предположим, что сегодня нашёлся бы какой-нибудь дух, - что едва ли возможно, во-первых, из-за большой области естественно-научных знания, во-вторых, из-за его специализации, - но

предположим, что сегодня нашёлся бы дух, который охватил бы весь объём естественно-научного взгляда от математики и механики до биологии, вплоть до того, что можно получить сверх биологии для психологии человека: такой дух несомненно смог бы обрести очень важное понимание в определённых областях природного творчества и природного бытия. Только, если бы такой дух с полной ясностью задавал себе всеобъемлющий, великий человеческий вопрос: что, собственно, такое человек в своём собственном существе и всём своём отношении к миру? - тогда, как раз, тот, кто твёрдо стоит на почве естествознания, кто в состоянии справедливо судить о возможностях естественно-научного познания, должен был бы сказать: Ответа на эти вопросы о человеческом существе и об отношении человека к остальному космосу естественно-научное мировоззрение дать не может. Для новейшего физического естественно-научного знания этот вопрос остается без ответа. Как человек в своём внешнем физическом развитии прошёл путь от низших животноподобных форм до сегодняшнего человеческого облика, - об этом уже существуют великолепные подходы к познанию. То же, чем является человек в своём отношении к духовным мирам, - от этого эти подходы к познанию уводят человека далеко прочь. Кто не сможет это признать, тот не сможет вынести суждение и о том, из каких внутренних побуждений действует современное человечество, организуя общественные дела или также разрушая общественные организации. Поскольку даже если мы не всегда можем сознавать то, что мы сознательно думаем о существе человека и его положении в мире, даже если мы не всегда можем сознавать, какие мысли мы лелеем в этом положении, эти мысли, как бы бессознательны, как бы инстинктивны они ни были, действуют в наших чувствах, в наших волевых решениях. Поэтому они всё же становятся творцами всей общественной, духовной, политической и экономической жизни. Тот, кто хочет правильно смотреть на вещи, обратит также внимание на то, как действуют хозяйственные отношения, поскольку они всё же осуществляются людьми, а люди, в свою очередь, действуют, исходя из своих душевных импульсов, также, как и мировые хозяйственные отношения представляют собой отображение того, что человек способен ощущать по отношению к себе и к миру. Таким образом, мы должны сказать: выросло научное мировоззрение обо всём том, что является внечеловеческим. О самом человеке оно не способно сказать ничего. Оно компетентно в получении знаний в областях, которые являются внечеловеческими. Но как эти знания, которые мы обретаем как человеческие существа, связана с тем, что мы должны позволять вливаться в социальную жизнь, вообще в совместную жизнь человека с человеком и в группы людей, из наших идей, из наших внутренних душевных импульсов? Можно ли принять какие-то импульсы из тех областей, которые лежат вне человека, для человеческой деятельности, для человеческого сосуществования? Лучший способ показать, что это невозможно, - это наблюдение за отношением человека к языку.

Ведь, в языке, по сути, живёт всё то, что ведёт человека к человеку. Посредством языка мы господствуем также над хозяйственной жизнью. Посредством языка мы регулируем внешние политические и духовные отношения. Но тут существует нечто в высшей степени замечательное, что, к сожалению, часто недостаточно основательно рассматривается. Если мы попытаемся использовать наш язык для естественно-научного познания, то мы, собственно, никогда не сможем сделать ничего другого, как слова, обороты речи, а также всё, посредством чего мы выражаем законы природы, те законы природы, которыми мы восхищаемся сегодня как великим прогрессом современного человечества, - мы не сможем сделать ничего другого, как то, что мы сформировали в словах как выражение для внутренних душевных состояний или отношений в человеке, распространить на природу. Такие тонко чувствующие духи, как Гёте, замечали это. Поэтому Гёте сказал: Человек совершенно не понимает, насколько он антропоморфный. - Когда мы говорим: Один эластичный шар сталкивается с другим, - и из этого мы выводим законы "эластичного" столкновения в физике, то мы, по сути, исходим из того, что мы имеем в значении слова для столкновения, которое мы осуществляем в собственном организме. И любой, кто хочет провести надлежащее исследование, увидит, что всё, что может быть применено, от языка до

естественных наук, имеющих дело с нечеловеческим, должно рассматриваться с точки зрения человека. И тот, кто хочет это правильно исследовать, увидит, что всё то, что в языке может быть применено к науке, которая имеет дело с внечеловеческим, должно браться из человека. Как же у нашего языка появилось содержание? - Он содержал бы в себе очень мало, если бы мы могли только подражать мычанию коровы и другим звукам животных. Как же наш язык пришёл к какому-то содержанию? Кто в состоянии непредвзято рассматривать ход истории человечества, тот обнаружит, что всё содержание языка возникает от того, что во времена, которые, правда, лежат далеко позади нашей цивилизации, человечество обладало определённым инстинктивно-духовным знанием, - я говорю: обладало инстинктивно-духовным знанием с естественными элементарными сопереживаниями (*Nachempfindungen*), которые поднимались в человеческой душе. С волевыми импульсами, с образным представлением, которое изживалось в мифах, в мифологии, человек приходил к духовным видениям, и из этих духовных видений образовывалось душевное содержание, которое затем становилось содержанием его языка в новое время, величие которого состоит в том, что оно некоторым образом с презрением смотрела на то, что эти инстинктивные духовные способности давали человеку в прежние времена. В это новое время, когда человек поднялся в отношении естествознания, - в это новое время слова не получили никакого нового содержания. И, как раз, в последние 2-4 столетия одно стало исторически значимым: Наш язык, все языки нашего цивилизованного мира утратили своё старое содержание. В них не могло влиться никакое новое содержание, поскольку в это время стало великим простое познание природы, - то есть, то, что не может дать такое содержание. И во время, которым в других отношениях мы должны восхищаться, разыгрывалось то, что можно назвать очищением цивилизованных языков от их прежних духовных содержаний.

Чем стали цивилизованные языки, благодаря тому, что они потеряли своё прежнее инстинктивное содержание и, благодаря тому, что естественная наука не смогла дать им какое-то новое содержание? - Они стали тем, что в наше время достигло определённого пика. Они стали тем, что превратилось в фразу, и во истину не тем, что имело бы смысл только в одной ой области, а тем, что осуществляет сегодня мировое господство, когда сегодня говорят о фразе. И те четыре-пять ужасных лет, которые позади нас, показали это мировое господство фразы в его высшей точке. Сегодня мы живём под господством фразы. Какое же есть лекарство от этого мирового господства фразы? Единственно и только - приобретение нового духовного содержания, сознательного духовного содержания. Прежнее духовное содержание, инстинктивно приобретённое прежним человечеством, которое делало язык суммой слов, а не фраз, ушло; в него привязанное к настоящему человечество больше верить не может. Должно быть завоевано новое сознательное духовное содержание.

Это то, мои многоуважаемые присутствующие, к чему совершенно сознательным образом стремится антропософски ориентированная духовная наука, чьим представителем является дорнахское здание: сознательное обретение духовного знания в дополнение к естественно-научному знанию, которое даёт такие великолепные суждения обо всём внечеловеческом, - с той же мыслительной ясностью, логической строгостью, с той же научной добросовестностью, обретение духовного знания, которое теперь сможет ответить на великие вопросы о существовании человека и его месте в остальном космосе. Но перед тем, как продвинуться к такому знанию, надо признать, что, хотя этому внешнему естественно-научному методу и надо сегодня подражать, но сам он не может привести к духовному познанию. Для того, чтобы прийти к духовному познанию, необходимо, чтобы человек сегодня проявлял, прежде всего, те внутренние способности, которые должны произрастать, как раз, на почве имеющейся здесь в виду антропософски ориентированной духовной науки. Я представил, как человек может прийти к таким познаниям посредством своей собственной душевной жизни, например, в своей книге «Как достичь познаний высших миров» и во второй части своей книги «Очерки тайноведения». Правда, тогда необходимо одно - и я это здесь уже неоднократно подчеркивал, - чему он отдаётся сегодня лишь с большим нежеланием. Необходимо то, что я хотел бы назвать интеллектуальной скромностью. Ведь,

современный человек так гордится своим интеллектуальным развитием. Интеллектуальная скромность проявляется только тогда, когда вы говорите себе, например: Предположим, какому-нибудь, скажем, пятилетнему ребёнку дали томик с лирикой Гёте. Что ему делать с этим томиком стихов? Скорее всего, он его порвёт или будет с ним играть. Совершенно точно, он не извлечёт из этого томика то, что может извлечь взрослый и то, для чего, собственно, этот томик предназначен. Вначале у ребёнка шаг за шагом должны быть воспитаны способности, которые смогут позволить ему воспринимать то, что содержится в этом томике правильным образом. Для такого развития детских способностей кое-что делается сегодня в человеческой жизни. Но к тому, что человек, когда он становится взрослым и оснащённым способностями, которые сегодня могут быть приобретены в нормальной, внешней, чувственной человеческой жизни, может стоять перед миром, как пятилетний ребенок стоит перед томиком лирических стихов Гёте, к тому, что он должен сначала развить свои душевные способности, взяв это развитие в свои руки, чтобы из того, что ему доступно в мире, извлечь что-то, что можно сравнить с тем, что ребёнок извлекает из томика лирических стихов Гёте только когда он вырастет, то есть, когда ему исполнится, скажем, лет двадцать пять, - к этому современный человек в своей интеллектуальной гордыне привыкать не хочет. Но для действительного человеческого познания, для того, чтобы, наконец, исполнить аполлонийское высказывание «Познай самого себя», прежде всего, необходимо взять развитие своих способностей в свои руки. Как это возможно в деталях, - это будет предметом завтрашней лекции.

Сегодня я хочу только подчеркнуть в общих чертах, что, благодаря определённому обращению с мышлением, о котором я буду говорить завтра, человек способен усилить своё мышление так, чтобы оно больше не исходило пассивно из явлений, а схватывалось внутренне, как бы, через волю, становилось активным, становилось более интенсивным, чтобы оно выступало так, чтобы человек посредством внутреннего опыта в непосредственном переживании знал: теперь мышление стало духовно-душевым видением. В то время как при обычном мышлении человек зависит от своего ментального аппарата, своего тела, своей нервной системы, и в то время как он, как раз, тогда, когда несколько развивает это мышление, видит эту зависимость более точно, он также знает, что, когда мышление соответствующим образом, описанным в указанных книгах, усиливается, оно освобождается от тела, становится деятельностью, которая уже больше не осуществляется посредством инструмента тела. Определённые медитации, которым отдаются с той же объективностью, с которой проводят какой-то эксперимент в химической лаборатории или наблюдают за звёздами в обсерватории, усиливают это мышление и освобождают его от инструмента тела. Для того, чтобы такое мышление использовалось для действительного видения мира, необходимо развитие воли. Только когда это развитие воли, посредством внутренней медитации, разовьётся в пронизанное волей мышление, независимое от тела, возникает духовное познание, сознательное духовное познание, которое, в свою очередь, может дать человеку то, что когда-то ему давало инстинктивное духовное познание: содержание для его речи, содержание для языка. Для того чтобы человек почувствовал в себе импульсы для того, чтобы из самого себя давать содержание своему языку, человеческое развитие в определённом смысле было приостановлено, прекратилось прежнее инстинктивное духовное познание, и на его место встало внешнее познание природы, которое не могло дать языку никакого содержания. Но человек по знакам настоящего должен узнать, что посредством сознательной внутренней духовной работы, посредством преобразования своего мышления в душевное видение, он должен обрести самопознание, познание человека, и только посредством этого может возникнуть то, что снова даст содержание нашему языку, что может устранить мировое господство фразы.

Такое познание, однако, в то же время даёт видение того, что внешний мир, когда мы наблюдаем его нашими чувствами, когда мы вырастаем в него в ходе нашей жизни между рождением и смертью, - что это внешнее наблюдение не может дать нам собственно духовное, что это собственно духовное содержание, вносится в мир нами, что мы приносим

его сами, когда через рождение спускаемся из духовных миров - как уже было сказано, эти вещи мы более подробно обсудим завтра - в этот физический мир, что когда мы говорим о духовном содержании, мы должны смотреть на то, что вносят люди, что развивается постепенно от года к году только через инструмент нашего тела. Не то, что подступает к нам как всё более и более богатое содержание мира во внешнем опыте, помещает дух в действительность, а то, что мы, как человеческие индивидуальности, вносим в мир через наше рождение. Просто люди боятся сегодня того, что вносит в мир сам человек. Они боятся, поскольку они полагают, что если они сделают это, то это приведёт к фантастике. Правда, есть методы, позволяющие избежать такой фантастики. Кто видит, что, по сути, всё духовное содержание должно исходить из человеческой индивидуальности, тот легко признает, что благотворное развитие этой духовной жизни может произойти лишь тогда, когда человеку будут даны все возможности для развития, когда в своём духовном развитии, в проявлении и раскрытии своего духа, он не будет зависеть ни от каких внешних сил, которые действуют только здесь, в физическом мире. Поскольку с появлением чисто естественно-научного познания, того познания, которое даёт знания только посредством внечеловеческого, возникла и столь же органически с ним связанная зависимость духовной жизни не от того, что человек приносит в мир через рождение, а от того, что устанавливает внешняя государственная жизнь, от того, что делает из человека экономическая жизнь. В то же самое время, когда выросли естественные науки, мы видели, как выросло могущество государства, благодаря тому, что оно простирало свои щупальца на всё то, чем является духовная жизнь; оно начало организовывать школьную жизнь, с другой стороны, для жизни тех личностей, которые смогли войти в это духовное поле, стала решающей экономическая жизнь. Но всё это шло рука об руку с тем, что человек потерял возможность рожать из самого себя духовное содержание, давать своим словам духовное содержание. Поэтому в эпоху естествознания развилась зависимость духовной жизни от политических, от экономических сил, и под их влиянием развилось мировое господство фразы.

Это первый член в работах на разрушение современных организациях: мировое господство фразы, лишённая содержания речь. Когда человек не в состоянии вложить в слова духовную субстанцию, которую он черпает непосредственно из своего соединения с духовным миром, слова должны становиться фразой, слова должны постепенно привыкать в человеке к тому, что человек, как бы, позволяет себе быть лишь несомым механизмами языка. И это мы видим, к сожалению, слишком явным только в Новое время: то, что с первобытной мощью вырывается изнутри духовно-душевного человека, что, как бы лишь разгружается в языке, - это исчезает. Жизнь в механизмах речи становится всё более и более интенсивной, достигнув в последние годы своего пика. Поскольку люди цивилизованного мира, разговаривая друг с другом, говорили, прямо или посредством давления, собственно, ни о чём, и пока слова разыгрывались только в своём механизме, развивались те хаотические силы, которые вели к разрушению.

Я очень хорошо знаю, что в настоящее время имеется мало склонности вдаваться в эти интимности человеческой жизни, когда речь заходит о причинах теперешнего хаоса. Но тот, кто не хочет вдаваться в эти интимности человеческой душевной жизни, не сможет составить себе никаких ясных понятий и ясных суждений относительно этих причин. Также и в общественных делах гармония вместо хаоса воцарится не раньше, чем в людях, посредством духовного углубления, посредством действительной духовной науки, вновь не возникнет стремления дать своим словам полное содержание. Поскольку то, что, правда, вначале выступает в научной области, что рождается в научной области, вторгается в прочие жизненные привычки, становится задающим тон в общественной жизни. И тот, у кого есть чувство для наблюдения за жизнью, видит, что в повседневной жизни, в конце концов, разыгрываются лишь последние следствия того, что является характерным там, где возникают мировоззрения. Однако, люди уже давно не хотят по-настоящему обращать внимание на отношения, которые при этом выступают. Когда-то здесь, в Швейцарии, был

деятелен один буйный дух (polternder Geist)⁴, крикун, - я специально называю его крикуном, чтобы вы могли видеть, что я его не переоцениваю, - Йоханнес Шерр (Johannes Scherr). Своим буйным тоном и буйным суждением он многое испортил, хотя в том, что он публично говорил, были и здравые мысли. В шестидесятых, семидесятых годах прошлого столетия он сделал очень важное суждение, основанное на действительно интенсивном наблюдении за исторической, общественной жизнью. Он сказал: Если материалистический не-дух (Ungeist), который опирается только на то, что человек видит и переживает во внешнем мире, если он будет продолжать господствовать, то он также вселится во всё, что человек делает в отношении внешних общественных вопросов; он войдет в экономическую и финансовую жизнь, и разовьется социальная структура, которая в конце концов приведёт к тому, что надо будет сказать: Абсурд, ты победил!

Мои многоуважаемые присутствующие! Таких людей слушать не хотят. Не было услышано и это суждение Йоханнеса Шерра. Но теперь, пятьдесят лет спустя, тот, кто смотрит на всё то, что связано с, так называемой, катастрофой мировой войны, должен будет сказать: Слова этого наблюдателя за миром Йоханнеса Шерра, которые завершаются фразой: «... что надо будет сказать: Абсурд, ты победил!» - эти слова сбылись! Поскольку этот Йоханнес Шерр хорошо видел, как из человеческой жизни постепенно выжималось то, что является духом, как на место этого духа вступил материалистический недух, и из этого наблюдения он смог сделать настоящее предвидение. А именно, мир не знает, что то, что вначале является лишь мировоззрением, лишь теорией, по сути, через два поколения становится моральным, публичным действием, становится поступком. О, на определённые взаимоотношения в мире, надо было бы обращать гораздо больше внимания! Надо было бы составлять себе об определённых вещах гораздо более основательное суждение, реальное суждение!

Здесь был деятелен также и один философ, Авенариус. Он родственен по духу с Махом, у которого, в свою очередь, совсем недавно здесь, в Цюрихе, работал один студент⁵. Эти люди сделали определённые выводы из нынешнего материалистического не-духа на мировоззренческом поле, - я называю его «не-духом», поскольку простое познание природы не может влить в наш язык никакого субстанционального содержания. Эти философы, Авенариус и так далее, сделали мировоззренческие выводы из материалистического не-духа времени. Философия, которую они выработали, и весь стиль их жизни, вполне бюргерские. Разумеется, никто не будет смотреть на этих людей как-то иначе, нежели как на бравых бюргеров государства. Но сегодня надо было бы отметить нечто другое. Сегодня следовало бы, исходя из фактов, изучить вопрос: Какова государственная философия Ленина и Троцкого? Какова государственная философия большевиков?⁶ - Это философия Авенариуса, Маха! Это не просто временная связь, что часть этих людей училась здесь, в Цюрихе, это внутренняя фактическая связь, что то, что живёт в человеческих душах как мировоззренческие мысли в одном поколении, в третьем поколении становится делом. И по этим делам можно увидеть причины, как они играют в мире. Но сегодняшнее человечество

---

⁴ polternder Geist — шумный (шумящий), суматошный дух. Отсюда и слово «полтергейст» («Poltergeist») - домовый, барабашка (прим. пер.)

⁵ Речь идёт о Фридрихе Адлере (1879-1960), ведущем теоретике австромарксизма и стороннике эмпириокритицизма; он пытался дополнить марксизм «махистской философией». 21 октября 1916 года он застрелил премьер-министра Австрии графа Штюргха, был приговорен к смертной казни и освобожден в 1918 году. Позже он был одним из лидеров «Социалистического рабочего интернационала».

⁶ Рудольф Штайнер опирается здесь на эссе Николая А. Бердяева «Политическая и философская правда», опубликованное в Берлине в 1918 году в труде «Политическая душа России» под редакцией Элиаса Гурвича. В России эта статья появилась еще в 1909 году в сборнике «Вехи». На стр. 93 немецкого издания среди прочего сказано: «Тогда они (русская интеллигенция, прим. ред.) даже перешли к трудноперевариваемому Авенариусу, поскольку эта самая абстрактная, <чистая> философия Авенариуса без её знания и ошибок внезапно была неожиданно была представлена как философия «большевизма». См. также Рудольф Штайнер, «Основные социальные требования нашего времени в изменившемся времени», Библ.-№. 186, 9-я и 10-я лекции и 3-я лекция «Духовно-научное рассмотрение социальных и педагогических вопросов», Библ.-№. 192, и «Социальный вопрос», Библ.-№. 328, лекция от 25 февраля 1919 года.

хочет иметь лишь абстрактные суждения и не понимает, что то, что выводится логически, ещё не является фактическим суждением, фактическим заключением, что необходимо действительно духовным взглядом посмотреть на реальные отношения, на действительные отношения, а затем на кажущимся образом непохожее, бюргерское (буржуазное) мировоззрение Авенариуса, которое, однако, будучи вышедшее из материалистического не-духа, ожило в том, что на корню разрушает всё человеческое общество, что ведёт к погребению всей европейской цивилизации.

Это, в свою очередь, показывает, что это мировое господство фразы действует не в какой-то одной узкой области. Это нечто такое, что как основная сила всей нашей общественной жизни пронизывает все, и, прежде всего, духовные, области нашей жизни. И не наступит никакого оздоровления, пока духовная жизнь не эмансипируется от того, что явилось основой этой фразеологии, - пока духовная жизнь не эмансипируется от внешней политической или правовой жизни, от экономической жизни, и будет строиться исключительно на том, что производит из себя сам дух, то есть, на том, что производит отдельный человек из того, что он через рождение из мира духовного приносит в физический мир. Единственный путь к духовному содержанию - это преодоление мирового господства фразы. И в тесном союзе с фразой находится нечто другое. Поскольку фраза не соединяет слово с содержанием, в эпоху фразы - это слово с лёгкостью становится носителем лжи. От фразы ко лжи - прямой путь. Отсюда и господство, победное шествие лжи в последние 4-5 лет, которое, в свою очередь, играет такую большую роль в разрушительных процессах, к которым мы будем приближаться всё больше, если место не-духа не займёт дух!

Что ж, мои многоуважаемые присутствующие, так обстоит дело в одной области общественной жизни, в области духовной жизни. Но есть ещё и другие области. Однако, все они в определённом отношении зависят от духовной жизни. Если в духовной жизни будет господствовать фраза, бессодержательная речь, то и то, что выходит из этой речи, а именно, то, чему в связи с речью можно научиться в социальном обществе, не годится для того, чтобы выразить себя в чувствах, в ощущениях. Но то, что развивается в социальной жизни в чувствах, ощущениях, что зажигается во взаимоотношениях человека к человеку, когда один человек вчувствуется в другого, - это поведение, нравы (Sitte), это то, что, исходя из социального общества, становится привычным поведением (Gewohnheitssitte). И только из этого привычного поведения может исторически развиваться право. Но это право может развиваться только тогда, когда в ощущения, которые имеют место при взаимодействии человека с человеком, вживается не фраза, а в эти ощущения вляется наполненное содержанием слово, несущая мысли речь. И в эпоху фразы нельзя также соответствующим образом разжечь ощущения между человеком и человеком, могут возникнуть лишь внешние отношения человека с человеком. Следствием этого является то, что в эпоху, когда в области социальной духовной жизни развивается фраза, в области социального чувства вместо непосредственно субстанционального отношения человека к человеку развиваются конвенции (соглашения), развиваются бессодержательные отношения человека к человеку, которые, в лучшем случае, могут регулироваться внешними договорами, так что этот бред с договорами распространяется даже на взаимоотношения между народами, поскольку до элементарного проживания того, что может произойти от человека к человеку, не доходит. Это время конвенций делает лишённой содержания вторую область нашей общественной жизни: оно иссушает совместную жизнь людей, как фраза духовной жизни иссушает душевную жизнь.

Это и есть то, что также ведёт к просто внешнему человеку, а не к рожденному из внутреннего человека праву. Поскольку это право может разгореться только тогда, когда несущее мысли слово течёт из головы к сердцу. Как действительное право, которое только и может развиваться в общественной жизни, принадлежит действительной духовной жизни, наполненной субстанциальным духом, так и конвенция принадлежит духовной жизни, живущей в фразе. Этим мы охарактеризовали две области нашей современной общественной жизни.

Третьей областью, из которой исходит общественная жизнь, является человеческая воля. К сознательному волеию, к волеию, которое помещает человека в человеческое общество так, что этот человек вносит в общество то, что вытекает из самой человеческой природы, - к такому волеию прийти нельзя, если этим волеием не движет действительное субстанциональное духовное содержание. Фраза неспособна вызвать действительно сознательное волеие. Как духовная жизнь становится фразой, если она зависит от внешней государственной или правовой жизни, зависит от внешней хозяйственной жизни, как сама правовая жизнь приходит к конвенциям, если она питается только фразой, так область хозяйственной жизни, область внешней человеческой совместной жизни, вместо того, чтобы поддерживаться действительной жизненной практикой, если воля не направляется духом, поддерживается просто рутинной жизни. Поэтому, наряду с фразой и конвенцией, в эпоху, из которой развилось наше настоящее, в области жизни и в области внешнего представления жизни, в области экономической жизни, мы повсюду видим рутину.

То, что под этим имеется в виду: что наша хозяйственная жизнь находится под господством рутины, - возможно, будет ясно после того, как я скажу: Соответствующее действительности наблюдение за нашей общественной жизнью показало, что в области хозяйственной жизни должен прекратиться тот хаос, который господствует в настоящее время, когда каждый хочет заработать, исходя только из собственного эгоизма, и никто не знает, какое место его собственное производство занимает в общем производстве. Только если мы поймём, что хозяйственная жизнь, постепенно пришедшая к хаосу, может быть оздоровлена только посредством того, что различные профессиональные и жизненные области будут ассоциированы друг с другом, что люди родственных отраслей будут также интегрированы друг в друга, так что возникнут ассоциации от профессии к профессии, что возникнут ассоциации между потребителями одной профессии с производителями этой профессии, короче, что наша хозяйственная жизнь получит структуру, так что организованные внутри себя производители объединятся со своими потребителями, чтобы отдельный человек, стоящий в какой-то профессии как потребляющий или производящий, мог видеть, как его потребление и производство включены в какой-то хозяйственный кругооборот, - только тогда, когда человек живёт в такой организации, когда наша хозяйственная жизнь будет основываться на ассоциациях, только тогда отдельный человек будет видеть, *что* именно он вносит в хозяйственную жизнь через то, что он производит, или то, как он воздействует на хозяйственную жизнь через то, что он потребляет. Тогда отдельный человек будет не только знать, как вести себя с тем или иным образом в ситуации какой-либо рутины жизни, тогда он будет знать, что то, что он делает, принадлежит общему процессу хозяйственной жизни человечества. Тогда он будет действовать, исходя из совсем других побуждений. Тогда над тем, что он делает, господствует не поверхностная рутина, а жизненная практика, которая даётся лишь тогда, когда с ней можно связать идею, когда человек экономически помещает самого себя в общий организм человечества. Благодаря тому, что завоевала себе место жизнь фразы, что во взаимоотношениях людей стала господствовать конвенция, люди не находят возможности таким образом ассоциироваться, они отстраняются от задач, в которых они стоят, превращаются в простых рутинёров. И эта рутина распространяется от отдельной механической деятельности к механизму всей нашей общей организации и всей нашей финансовой экономики. Время, наполненное фразой, становится временем рутинёров. И эти рутинёры приводят к той катастрофе, которая проявляется на поверхности того или иного, но которая в глубине своей указывает на причины, лежащие в области, которую я сейчас охарактеризовал.

Если мы так беспристрастно, без симпатии и антипатии проверим то, что господствует над современной жизнью, то мы должны будем сказать: в области духовной жизни господствует фраза, в области правовой жизни - конвенция, и в области экономической жизни — рутина. К оздоровлению могут привести только силы, которые я позволю себе представить вам завтра, то есть, когда на место фразы выступит субстанциональный дух, наполненная видимым духом речь, которая может появиться только в опирающейся на саму

себя духовной жизни, выносящей то, что человек должен вносить во внешнюю жизнь, которая не хочет господствовать над этой духовной жизнью так, как природные законы, открываемые посредством внешнего опыта. На место конвенции того, что устанавливается внешне, должно вступить живое взаимодействие, которое может возникнуть, когда на строго демократической почве все совершеннолетние люди выступают за то, что является общечеловеческими вопросами, что человек приносит в мир не посредством своего рождения, а что развивается только в совместной человеческой жизни среди совершеннолетних людей. Из рутины, которая остаётся держаться за преходящие объекты хозяйствования, настоящая жизненная практика может развиваться только тогда, когда человек, исходя из свободных от фразы, наполненных мыслями слов, придёт к такому мировоззрению, что он будет знать: он должен создавать ассоциации, которые убеждают, проявляют то, что то, что действует на почве хозяйственной жизни, является чем-то большим, нежели то, что появляется с помощью машин, что оно является членом в общем процессе человеческого развития на Земле. Внутри него нельзя оказаться, если стоишь как рутинёр у своей машины, в своей фабрике, в своём банке или ещё где-то, внутри него можно оказаться только тогда, когда от одного человека к другому будут протягиваться нити ассоциаций, когда один человек будет узнавать от другого, как он в своём потреблении, в своём производстве, связан с ближайшими к нему социальными организациями. Тогда из взаимодействия этих людей, в этих ассоциациях возникнет нечто такое, что в их хозяйственной жизни является большим, чем может давать эта хозяйственная жизнь. Человек должен хозяйствовать, но при этом он тогда всем своим человеческим существом поднимется над преходящим к вечному. И из своей хозяйственной жизни он тогда будет узнавать, что, как раз, будучи практиком здесь в жизни, он в этой практике проходит обучение, результаты которого он может пронести за врата смерти.

Таким образом, как раз, исходя из более духовно ориентированного наблюдения за современной жизнью, за самыми характерными областями господства, фразы, конвенции и рутины, возникает необходимость работы в направлении трёхчленности социальной жизни, в направлении оздоровления нашей духовной жизни посредством её самостоятельности, в направлении оздоровления нашей правовой жизни, которая может быть освобождена от конвенции только в том случае, если будет происходить живое демократическое общение между всеми достигшими совершеннолетия людьми, и в направлении оздоровления хозяйственной жизни, когда посредством самостоятельности хозяйственной жизни рутина упраздняется в пользу действительной жизненной практики. Но это может произойти только если один человек соединяется с другим ассоциативно; поскольку только посредством этого социального взаимодействия из того, что может достичь в хозяйствовании отдельный человек, возникает нечто поднимающее всё человечество над самим собой от простой материи к духу. В области духовной жизни фраза означает не-дух; конвенция означает не-дух в области государственной, правовой жизни; рутина означает не-дух в области хозяйственной жизни. На место не-духа должен вступить дух. То, что он это может сделать, какими силами он это может сделать, - это я позволю себе описать завтра. Поскольку только если место фразы займёт несущая мысли речь, а вместе с ним и дух, истинная духовная жизнь, только если место конвенции займёт наполненная человеческим чувством правовая жизнь, и только если место хозяйственной рутины займёт пронизанная духом, пропитанная ассоциациями экономика, - только тогда вся наша общественная жизнь может быть исцелена от того, чем она больна сегодня, и, надо сказать, от чего она придёт к своей гибели, если не произойдёт никакого процесса исцеления.

Сегодня мы замечаем, что, к сожалению, преобладают фраза, конвенция, рутина. Мы видим результат: хаос. Для будущего нам нужны несущее мысли слово, наполненный субстанцией дух, получающееся из взаимодействия всех совершеннолетних людей живое право. Это дух вместо не-духа в этом месте. В области хозяйственной жизни мы нуждаемся в исходящих из духа ассоциациях, нуждаемся в ликвидации рутины посредством истинной, несомой духом экономики. В области хозяйственной жизни это означает смена не-духа

современности на дух для будущего. И только так мы можем подняться от пессимистических настроений, - которые вполне оправданы, исходя из наблюдений за сегодняшней внешней жизнью, - к определённым надеждам на будущее; чтобы мы основывались вовсе не на том, что могло бы быть подброшено нам откуда-то в виде надежды на будущее, а полагались на собственную человеческую волю, которая, исходя из своей силы, из своей выносливости, из своего огня, хочет добиться, из настоящего для будущего, победы духа над не-духом.

[Следует краткое обсуждение].

Заключительное слово после дискуссии

Вначале, рассуждения первого выступающего господина сводились к тому, что он указывал на некий интернациональный язык как на нечто объединяющее человечество. Поскольку этот вопрос требует действительно подробного пояснения, я не хотел вдаваться в «про» и «контра». Но я предполагаю, что те, кто стремится основать такой интернациональный язык, имеют на это определенное право. Известно то, что было испробовано и сделано в этом направлении. Правда, в том, как этот язык использовался до сих пор, ничего объединяющего пока не проявилось, поскольку такой язык должен был бы найти совершенно иные пути к людям, чем он находил до сих пор, если он должен иметь какое-либо действительно практическое значение. Но я совсем не хочу говорить против такого языка. Поскольку, видите ли, я знаю, что то, что в наше время возникает искусственно, несёт в себе также характерные свойства всего того, что может произвести наше время, - нечто понятнейшее, нечто интеллектуальное. И я не могу не признаться, что мне всё же кажется, что то, что нас сегодня уничтожает, интеллектуализм, анти-элементарное, было существенно деятельным также и при попытках создания этого интернационального языка. Я очень хорошо понимаю точку зрения тех, кто говорит: Что же будет с той первичностью человеческого самооткровения в поэзии, в речи, которая действительно внутренне связана с человеческим существом, если мы распространим такой абстрактный язык среди всего человечества? С другой стороны, я также слышал действительно прекрасные стихи на эсперанто, и должен сказать, что уже попытался добиться определённой объективности в этом вопросе.

Всё то, мои многоуважаемые присутствующие, что я представлял вам сегодня, никак не связано с вопросом о таком языке. Поскольку, если, скажем, гипотетически предположить, что в среде человечества удалось бы распространить такой язык, то он также не содержал бы в себе ничего, кроме фразы, если мы снова не придём к оживлению субстанционального духа. Ведь, абсолютно безразлично, обтачиваем мы фразу на английском, немецком, французском, русском или на эсперанто. Важно найти возможность внести субстанциональный дух в русский, немецкий, английский, французский языки и в эсперанто. И это один из вопросов, который мы сегодня обсуждали.

Таким образом, как я уже сказал, я не хочу ничего сказать против усилий тех, кто гонится за таким абстрактным языком. Я думаю, что одна точка зрения могла бы быть не совсем бесплодной, если бы удалось создать международный язык для того, что действительно живёт, например, в международной экономической жизни, что тогда была бы, как раз, дана возможность освободить другие языки для собственно духовной жизни, которая, ведь, всегда должна исходить из индивидуальности, что может быть только если они смогут развиваться совершенно индивидуально, - как дух вообще должен развиваться индивидуально, - если им не мешать какими-либо желаниями завоевания и господства со стороны политических властей. Однако, я полагаю, что надежды эсперантистов и подобных им людей стоят ещё на гораздо более слабой почве, чем надежды тех, кто верит, что если только собрать вместе достаточно большое число людей для участия в обновлении нашей духовной жизни, исходя из действительного духа, то наступит лучшее время, разумеется, не совершенное. Кто понимает действительность, не может принадлежать к тем, кто надеется на земной рай. Я

думаю, что первые стоят всё же на более твёрдой почве действительности, чем приверженцы интернационального языка.

То, что было выдвинуто вторым участником дискуссии, было, по сути, своего рода, интерпретацией того, что я сказал в одной из частей своего выступления, и я просто хотел бы заметить, что, когда мы сегодня говорим о подобных вещах, исходя из таких оснований, попытка представления которых была сделана в моей сегодняшней лекции, мы не должны забывать, что тогда нельзя относиться к людям так, будто можно просто подойти к ним и сделать лучше посредством наставлений. В качестве чисто образовательном я часто использовал в публичной жизни образ: Если передо мной печь, то я могу сказать: Смотри-ка, печь, это твоя обязанность обогревать комнату, твой категорический императив. Я могу теперь продолжать свою проповедь, причём, на совершенно кантианском основании, - но в комнате теплее не станет. Если же я, молча, просто положу в печь дрова и зажгу их, то печь без всякой проповеди обогреет комнату. Так дело обстоит и с людьми. Если речь идёт о всём человеке целиком, если речь идёт не о чём-то, что может вызвать в этом человеке какой-то теоретический отзвук, то проповедь приносит мало пользы, поскольку тут, ведь, идёт речь, прежде всего, о нахождении человека в некоем социальном целом. А человек в социальном целом есть нечто другое, нежели отдельный, индивидуальный человек. Если потребовать от отдельного, индивидуального человека, чтобы он, посредством концентрированной мыслительной жизни, что-то сделал для улучшения человечества, то это будет возможно только если такая концентрированная мыслительная жизнь плодотворно развивалась. А это, в конце концов, возможно только в свободной духовной жизни. Подробнее вы сможете ознакомиться с этим в моей книге «Основные пункты социального вопроса». Таким образом, сегодня речь идёт не столько об исследовании того, что приносит пользу отдельному человеку, сколько о том, что нужно ввести в человеческий социальный организм, чтобы могли развиваться отдельные люди.

В девяностых годах, в 1894-ом году, я впервые опубликовал свою «Философию свободы». В ней, как результат одного из духовных мировоззрений, находится также определённая этика, опирающаяся, как раз, на индивидуального человека. Там указана предпосылка, - и эту предпосылку должен учесть каждый, кто принимает проблему свободы серьёзно и в соответствии с действительностью, - что действительно тогда, когда возможно иметь интуиции, которые обуславливают действительную человеческую свободу, тогда из этого отдельного человека могло бы выйти и то, на чём можно было бы основываться в социальной совместной жизни. Но эту социальную совместную жизнь нужно постоянно иметь в виду. Поэтому я позволю себе сказать, что «Основные пункты социального вопроса» в определённом смысле являются дополнением к моей «Философии свободы». Как моя «Философия свободы» исследует то, откуда приходят силы свободы для отдельного человека, так мои «Основные пункты социального вопроса» исследуют то, каким должен быть социальный организм, чтобы в нём мог бы свободно развиваться отдельный человек. И это, по сути, два больших вопроса, которые должны занимать нас сегодня в публичной жизни. Действительный ответ на этот вопрос в то же время сможет внести некоторый свет в хаос.

Я хотел бы отметить, что сегодняшнюю и завтрашнюю лекцию я построил таким образом, чтобы сегодняшняя лекция должна была бы быть скорее критикой времени, которая указывала бы на то, что в настоящем содержится из того, что было до сих пор, благодаря чему, это настоящее стало таким, каким мы его видим, направляемым к хаосу и оснащённым ужасными разрушительными силами. Завтра я хотел бы показать, что нужно сделать, чтобы жизнь народа и жизнь цивилизованного человечества вообще смогла выйти из этого хаоса. Я хотел бы показать, как могут быть освобождены силы, которые лежат в человеке, а именно, в совместной человеческой жизни. Поэтому то позитивное, на что, по-видимому, хотел указать последний оратор, проявится в моей завтрашней лекции больше, чем в сегодняшней. Только надо было указать, как раз, на то, от чего именно мы боимся, чтобы на этом познании настоящего могло быть построено познание воли, которое необходимо для благотворного развития в будущем.

Но в заключении я хотел бы всё же упомянуть ещё кое-что. Тот, кто серьёзно относится к вопросам современности, не должен в традиционном смысле быть сторонником чего-то, вроде "тысячелетнего царства" и тому подобного, не должен считать, что мы можем основать здесь рай на Земле, но должен понимать, что всякая действительность может развить только те условия существования, которые ей соответствуют, что человек в жизни между рождением и смертью может прийти к «Да» в этой жизни только тогда, когда он в состоянии постоянно дополнять то, что является несовершенством в физическом, перспективой духовной жизни. Одна из величайших ошибок нашего времени состоит в том, что большое количество людей хочет найти всё, что делает жизнь достойной жизни, в простой внешней жизни. И именно так формулируются сегодня социальные вопросы: Какой должна быть внешняя жизнь, чтобы она давала человеку всё то, что он приблизительно представляет себе в качестве рая? Тот, кто ставит вопрос так, никогда не получит ответа. К истинному, настоящему ответу можно прийти только тогда, когда человек наполнен чувством действительности. И о том, что может дать такое чувство действительности как ответ на этот великий вопрос настоящего, я позволю себе тогда говорить завтра.

Духовные силы в искусстве воспитания и в народной жизни

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 18 марта 1920 года

Вчера я позволил себе описать, как в упаднических явлениях нашего времени действуют три разрушительных силы: мировое господство фразы, мировое господство конвенции, мировое господство рутины. И уже вчера я попытался сказать о том, что на место фразы должна снова вступить наполненная мыслью речь, пронизанная духовной субстанцией мысль, которая может проживать себя в социальной жизни человека посредством языка. И в связи с этим я попытался показать, как на место конвенции, как раз, благодаря оживлению духовной жизни, должно вступить то, что также может возникнуть только из живого взаимодействия в демократическом смысле живущих друг с другом совершеннолетних людей. И я попытался показать, как на место простой рутины, бездуховной рутины, должна вступить пронизанная духом практика.

Если вначале охарактеризовать все эти вещи только со стороны, то они кажутся, собственно, касающимися лишь поверхностных фактов нашей современной жизни. По сути же, они проникают, как раз, к тому, что, с одной стороны, коренится в самом интимном человеческого существа, а, с другой стороны, проживается в самых значительных, самых охватывающих и решающих для жизни социальных фактах.

Также ещё вчера я указал на то, как на примере определённого симптома надо искать одну из основных причин нашей теперешней, пронизанной так многими разрушительными силами цивилизации. Я обращал внимание на то, что последние три-четыре столетия именно научное знание составляло основу нашего мировоззрения, мировоззрения, стремящегося установить нечто новое. Всё прочее, что есть в нашей социальной жизни, является традиционными импульсами для мировоззрения. То, что зреет как новое, что последние три-четыре столетия действительно движет людьми, - это вопрос: Каким образом из естественно-научных основ человеческого познания вытекает мировоззрение? Не удивительно, что под давлением сформировать таким образом некое мировоззрение, возникли именно те силы человеческой душевной жизни, которые подходят для того, чтобы вызвать к жизни такое

мировоззрение. В эти последние столетия сформировался совершенно определённый вид мышления и совершенно определённый вид воли, действие которых в наше время достигло определённого пика. Ведь, научное исследование природы вновь и вновь подчеркивает, что для него, для его добросовестного метода, важно исследовать мир фактов так, чтобы в него не втекало ничего сверх того, что есть в самих фактах, чтобы в него не втекало ничего из того, что исходит от человека, от самой человеческой личности. Напрасно такие духи как Гёте, который видел, к какой однобокости может привести простое, отделённое от человека естествознание, обращал внимание на то, насколько непозволительно отделение необходимого для всеохватывающего познания мировоззрения от человека, что даже внешние физические факты должны рассматриваться в связи со стоящим в этом мире человеком. Правда, с другой стороны, можно всё же сказать, что этот отделённый от человека способ рассмотрения, в свою очередь, отпраздновал свой великий триумф, сделав мир техники таким, каким он является сегодня. Но всё это могло возникнуть только под влиянием определённого вида мышления; того мышления, которое отдаётся либо тому, что природа предлагает наблюдению сама по себе, либо тому, что может представить эксперимент. Понять язык самих фактов - вот идеал такого мышления.

В это мышление из этого мало что вливается, - кто, наряду с духовной наукой, добросовестно, методично занимался также естествознанием, тот знает, что такое человеческая воля, знает о том, что нас импульсирует, когда мы внешним образом исполняем наши задачи в жизни, когда мы входим в соприкосновение и в связи с другими людьми, другими словами, помещая себя в суть социального. Да, великие триумфы естествознания и техники стали возможны только потому, что человек научился мыслить так, чтобы на его мышление как можно меньше влияла его воля. За последние три-четыре столетия под влиянием этого факта развилась, можно сказать, своего рода мыслительная привычка.

С таким мышлением можно прекрасно познавать в области минерального мира, можно ещё познавать в области растительного мира, уже намного меньше в области животного мира, - как я уже указывал вчера, - и совершенно ничего нельзя познать относительно истинного существа человека. И то, что рядом с этим, я бы сказал, лишённым воли мышлением, не развилось никакого другого мышления, - это некоторым образом имеет свою причину в боязни всего того, что входит в наше мышление, когда человек из самого себя, по своей воле, придает этому мышлению его структуру, его организацию. На этом пути, посредством человеческой воли в мышление могут войти фантастика, произвол. И снова и снова указывается на то, насколько фантастичными кажутся мировоззрения некоторых философов, которые, несомненно, вложили в свое мышление человеческую волю, по сравнению с надёжными результатами, к которым пришли естествоиспытатели, которые позволяют говорить только тому, что сообщает им сама природа, или эксперимент.

Было неизвестно, что можно проникнуть мышление человека волей так, что при этом вполне обученном, несущем волю мышления, любой произвол исчезает так же, как он исчезает при том мышлении, которое занято только внешними фактами или экспериментами. Чтобы найти такое проникнутое волей мышление, необходимы, однако, совершаемые с энергией, заботой и терпением внутренние душевные упражнения. Сюда относится то, что человек, желающий стать духовным исследователем и проникнуть в духовный мир, из которого только и может вытекать знание о человеке, снова и снова в продолжении долгого времени, с внутренней душевной методичностью удерживает мысли, с помощью которых он не развивает ничего иного, кроме внутренней воли, что он с помощью этих мыслей развивает такую волю, какую иначе он развивает только во внешнем мире. Во внешнем мире человек любит, ненавидит, принимает ту или иную деятельность, отвергает ту или иную деятельность. Во внешнем мире человек имеет дело с тем, о чём можно просто иметь мнение. Он имеет дело с тем, что содержит в себе кризисы. То, что он тут, во внешнем мире, познаёт посредством своей воли, или то, что его одолевает, если он хочет стать духовным исследователем, он должен внести в мир своих мыслей, и постепенно он заметит, что эти мысли становятся действительно несущими волю силами, пронизанными внутренней

закономерностью. Только то, что я только-что сказал на первый взгляд абстрактно, вы должны принять таким образом, что работа, которая этим характеризуется, внутренняя душевная работа, является такой работой, которая занимает много времени и которая воистину не менее методична, пусть и в духовной области, чем всё то, что мы выполняем с помощью самых точных инструментов для наших химических или физических экспериментов. Как точно проводит свои эксперименты химик или физик, так духовный исследователь проводит то, что является рассмотрением одной мыслью другую, воздействием одной мысли на другую. Благодаря этому он приходит к тому, что абстрактное мышление, образовавшееся в последние три-четыре столетия, как раз, под влиянием естественно-научного исследования, поднимается до уровня внутренне живого мышления, до мышления, которое является скорее рассмотрением картин духовного рода, нежели обычным абстрактным мышлением. Это одна сторона того, что должно быть сформировано для действительного познания человека, поскольку невозможно использовать для этого познания человека, которое должно быть познанием духа, то абстрактное мышление, то рассмотрение духа, которое празднует свой великий триумф в естествознании. Только это мышление, которое полностью на своём месте в естествознании, имеет, особенно в социальной жизни, в самом широком смысле определённые, я бы сказал, невозможные результаты. Чем более абстрактным становится наше мышление, тем более самонадеянным (rechthaberisch) оно становится в отдельном человеке. Конечно, если человек применяет мышление, которое развивалось в течение последних трёх или четырёх столетий, он становится очень критическим, он становится ответственным, он становится методичным. Но всё же в отношении своей социальной интеграции во всё человечество, или в часть этого человечества, человек становится самонадеянным. Понаблюдайте, и вы увидите, если будете придерживаться того мышления, которая сделала науку великой: человек привык всегда быть правым - и другой человек тоже прав! И люди, что было бы крайностью, по сути, вообще не могли бы больше ничего сообщать.

Не живём ли мы, как раз, в этом состоянии? Не находит ли сегодня тот, кто прошёл через полный проверок жизненный опыт и десятилетиями занимавшийся этими проблемами, и вынужденный, исходя из сегодняшнего человеческого образования, излагать эти проблемы в нынешних, привычных формах духовно-научных понятий, - не находит ли он повсюду молодых людей, которые приходят со своим максимум полутора десятком лет опыта и говорят: Это моя точка зрения, я так думаю, я противопоставляю это вашему богатому опыту. И, в конце концов, если взять это абстрактно, этих новичков в жизни, которые могут логически думать так же хорошо, как умудрённый опытом старец, нельзя даже упрекнуть в неправоте, поскольку то, что составляет нерв нашего теперешнего научного познания, по сути, не привязано к развитию человека, это нечто такое, что приобретается с достижением определённой степени взрослости. Итак можно сказать: это абстрактное мышление, этот интеллектуализм, достигший сегодня высокой степени совершенства, даёт каждому то, что он, собственно, хочет сообщить всем остальным, но что все остальные уже знают, исходя из самих себя. В социальной жизни человек хочет поделиться с другими. Но он не может этого сделать, поскольку другие не склонны принимать его сообщения, а, в лучшем случае, противопоставить ему свою точку зрения.

То, что делает великой естественную науку, неприменимо в социальной жизни, поскольку посредством неё человек даёт, хотел бы дать то, что, собственно, никто не хочет принимать, поскольку он считает, что он уже это имеет. Кто правильно обдумает то, чем является действительное основное направление всей нашей сегодняшней душевной жизни, тот многое из того, что действует сегодня в нашей социальной жизни в качестве разрушительных сил, что разъединяет людей вместо того, чтобы их сближать, должен будет увидеть отчасти в том, что я сейчас охарактеризовал как особенность и социальное следствие абстрактного, подходящего, как раз, для естествознания мышления.

Духовная наука выведет за пределы этого мышления, поскольку она культивирует то, что в обычном сегодня мышлении остается бессознательным, поскольку она вводит в это

мышление волю, - как раз, то, что остается бессознательным, - поскольку она развивает волевое мышление. А из волевого мышления может следовать действительное познание человека. Но это только один элемент.

Другим является то, что именно под влиянием этого способа мышления, сложившегося в научном мировоззрении, человек пришёл также к противопоставлению лишённого воли мышления и лишённой мысли воли. Сегодняшний человек, по сути, состоит из этой двойственности, из того душевного элемента, который нельзя описать никак иначе, как лишённое воли мышление, и из другого душевного элемента, который надо обозначить, как лишённую мысли волю. Духовно-научное познание, так же, как оно пытается вести в мышление волю, пытается привести человека, желающего стать духовными исследователем, к тому, чтобы он относился к своим собственным действиям, к результатам проявления своей собственной воли с такой же объективностью, с какой он иначе относится только к внешним фактам. Вставая на путь духовного исследователя, человек должен стать усердным наблюдателем того, что он сам делает, что он сам хочет. Он должен себя, прежде всего, как бы, поднять над самим собой как нечто более высокое, чем он сам. И это более высокое существо должно наблюдать за человеком во всём, что он делает, как иначе наблюдают только внешние природные или экспериментальные факты. Поскольку тогда человек учится развивать мысли относительно того, что особенно в последние три-четыре столетия, особенно в определённых радикальных кругах, находится под влиянием и побуждается только самыми личными эмоциями. Человек учится распознавать в своих мыслях то, что, собственно, обычно увидеть нельзя, что остаётся полностью в бессознательном.

И, поскольку человек распадается на эти два элемента, мы видим сегодня разделёнными, с одной стороны, абстрактное естественно-научное познание, обращённое только на внечеловеческое, и, с другой стороны, социальные импульсы, действующие просто как личные инстинкты. Мы видим, как естествознание достигло определённых высот, как из воспитания, которое определяется этим естественно-научным мышлением, сейчас, например, на Востоке, - и Востоком, к сожалению, не ограничится, - хотят получить основания для социальной жизни людей, как этот Восток, однако, демонстрирует, что с этой естественно-научной социальной политикой нельзя организовать ничего, кроме дичайших человеческих инстинктов, организовать так, что такая организация должна привести человечество к гибели.

Эти вещи связаны с тем, что развилось в последние столетия, и в этой связи их и надо рассматривать. Только тогда, когда в мышлении будет культивироваться воля, как я указал, затем в воле будет культивироваться мышление, - более подробное описание вы сможете найти в моей книге «Как достичь познаний высших миров», во второй части «Очерков тайноведения» и прочих книгах, - только тогда, когда будет основана такого рода духовная наука, способная проникнуть в действительное существо человека, такая наука не будет бессильно стоять перед целостной человеческой личностью. Да, наша сегодняшняя наука совершенно бессильно стоит перед всей человеческой личностью, поскольку то мышление, в которое не импульсируется воля, - это занятие только человеческой головы, это интеллектуализм, который не может дать никакой силы для жизни. Духовное познание, которое постепенно формируется в некое мировоззрение на тех основаниях, которые я сейчас могу лишь затронуть, духовная наука является тем, что охватывает не только человеческие мысли, человеческий интеллект, но и всю человеческую личность. Поскольку она вышла из несущего волю мышления, она вносит это человеческое мышление в социальное общество, и поскольку она вносит мысли в волю, она может возбудить в человеке мысли, которые производят истинную жизненную практику, - не просто рутину, а жизненную практику, которая может основываться только на идеях, на несущей дух воле.

Такое духовно-научное мировоззрение, мы нуждаемся в нём сегодня, прежде всего, на почве той духовной жизни, которая является важнейшей для общества, мы нуждаемся в нём на почве искусства воспитания. И именно в искусстве воспитания можно исследовать внутреннюю истину того, что я охарактеризовал как принципы духовной науки. В уже

упомянутой «Вальдорфской школе», созданной под эгидой нашего друга, господина Мольта, в Штуттгарте, была сделана попытка основать педагогику как искусство воспитания на духовно-научной основе. Эта школа не хочет быть мировоззренческой школой. Неправду говорят те люди, которые утверждают, что она хочет быть школой, в которой вместо старого мировоззрения в ребёнка будет вноситься антропософски ориентированная духовная наука. Как раз, в этой школе об этом речи мыть не может, а речь идёт о том, что то, что имеется здесь в виду под духовной наукой, может касаться воли человека, может пронизывать его действия, и что то, что в других мировоззрениях остаётся только мыслями, идеями, в антропософски ориентированном духовно-научном мировоззрении может быть схвачено методическим образом. Поэтому при этой Вальдорфской школе речь идёт не о том, чтобы внести в ребёнка какое-то содержание, а о том, чтобы наша духовная наука была в ней методом, была тем, что даёт основу для обучения учителя, воспитателя, основу для действия и воления учителя.

Сюда относится также то, что эта педагогика, это искусство воспитания основано на действительном знании человека. Действительное знание человека даётся только методами, которые я сегодня охарактеризовал в качестве введения. Тут знакомятся с тем, как, исходя из внутреннего душевно-духовного, в становящемся человеке, прежде всего, различаются определённые эпохи. Эти эпохи в человеческом существе являются тем, от чего сегодня часто поверхностно отмахивается даже наука, которая должна была бы мыслить очень точно. Ведь, у ребёнка видны определённые процессы, выступающие примерно в семь лет при смене зубов. Но тот, кто вглядывается в человеческую природу глубже, видит также, как в это время смены зубов в ребёнке происходит полная метаморфоза всей его душевной жизни. В то время как в первую эпоху, от рождения до семи лет, всё, что ребёнок делает, к чему ребёнок склонен, чувствует себя способным, вытекает из принципа имитации, подражания, из вчувствования во всё то, что происходит в его окружении, со сменой зубов, приблизительно в семь лет у ребёнка начинается эпоха, когда все его внутренние способности ориентируются на авторитет. Будто, благодаря само собой разумеющейся элементарной жизни, ребёнок до семи лет, вплоть до движений рук, вплоть до оборотов речи, делает то, что делают взрослые в его окружении. Он полностью вплетён в то, что исходит даже из того, что невидимо присутствует в мыслях и представлениях окружающей среды. Начиная с седьмого года, ребенок нуждается в своём окружении в том, кому он может верить: кто в определённом смысле знает, *что* правильно; он нуждается в авторитете. Как бы сегодня не ополчались на авторитет, необходимо учитывать, что с семи лет до приблизительно возраста полового созревания, авторитет является тем, под чьим влиянием должен находиться человек, если он хочет развиваться здоровым. Поскольку период от смены зубов до полового созревания, то есть, приблизительно до четырнадцати лет, - это вторая эпоха развития ребёнка. Я говорю «приблизительно», поскольку здесь речь идёт не о какой-то игре цифр, а о важных отрезках, которые являются преобразованиями, метаморфозами жизни. Приблизительно к четырнадцатому году человек становится половозрелым. Тогда происходит полное преобразование его душевной жизни, тогда появляется то, что даёт ему внутреннюю способность самостоятельного суждения, противопоставлять себя миру с тем, что возникает внутри него как суждение, в то время как с семи до четырнадцати лет правильным является наличие рядом с ним авторитета, на которого он может равняться.

Далее, как раз, период между сменой зубов до полового созревания является временем, когда ребёнок воспитывается и обучается в начальной школе. Но и в это время также можно различать определённые эпохи, - подэпохи. То, что, исходя из самого внутреннего существа человека, господствует над ребёнком как стремление к подражанию до семи лет, ослабевая, но проявляясь ещё вполне отчётливо, продолжается ещё после семи лет, вплоть до девятого года жизни. И тот, кто с помощью духовной науки приобретёт живое чувство того, как в каждом отдельном ребёнке проявляется этот переход от способности к подражанию к потребности в авторитете во всём процессе обучения и воспитания, тот в каждом ребёнке, даже если у него более старший класс, сможет увидеть собственную воспитательную

проблему. Поскольку такой человек как воспитатель и учитель, не сможет отдаться какой-то стандартной педагогике, - педагогике, которая устанавливает абстрактные принципы, скажем, исходя из интеллектуализма: надо воспитывать так-то и так-то, - нет, тот, кто стал учителем через духовную науку, видит в растущем ребенке то, что в каждой отдельной вещи, которую он создает, видит художник: всегда что-то новое. Тут нет абстрактных педагогических принципов, а есть живое вчувствование в ребенка, творчество, исходя из самого ребенка, разгадывание загадки того, что скрыто в ребенке, что хочет выйти через телесность как нечто духовно-душевное. Поскольку своеобразие при познании духа, которое должно найти своё применение в искусстве воспитания, заключается в том, что это познание духа возвращает человека к непосредственной жизненности. При интеллектуализме, при абстрактном познании этого не происходит. Если я понял что-то абстрактно, то я это понял и несу дальше в жизнь. Тогда я, в лучшем случае, вспоминаю о том, чему я уже научился. При познании духа это не так. Тот, кто сделал хотя бы некоторые шаги в этом познании духа, знает, что это познание духа не даёт того, что можно просто вспомнить. Знание духа даёт так же мало из того, что можно было бы просто вспомнить, как то, что я ел и пил сегодня, может дать мне нечто, что я могу только вспоминать завтра и в последующие дни; человек не может быть удовлетворен как человек, если он должен только вспоминать то, что он ел четыре недели назад. Но как человек, который принял абстрактное знание, он доволен, вспоминая то, что он учил или усвоил четыре недели назад. С познанием духа это не так. Духовное познание входит в человеческое существо, спускается вниз, переваривается и должно быть снова оживлено, и таким образом входит в явления жизни.

Если бы кто-то был великим духовным исследователем в свои сорок лет, и он не продолжал бы живого обращения с тем, что он познаёт, то в отношении духовно-душевного содержания он умер бы с голоду, как тот, кто в сорок лет прекратил бы есть. Абстрактное знание, которое сделало великим естествознание, может быть удовлетворено явлениями. Они для него закончены. Духовное знание приводит человека в живые отношения с его окружением, должно постоянно обновляться, если не хочет умереть, становится подобным жизни так же, как в более низкой области еда и питьё.

Из подобного высказывания мир должен понять, насколько радикально отлично это духовное познание от того, о котором сегодня думают, что оно является единственно возможным. Но представьте себе это духовное познание пронизывающим всё то, что хочет делать воспитатель и учитель, таким пронизывающим их деятельность, их мысли, как железо пронизывает, оживляя, нашу кровь, - представьте себе настрой, который исходит из такого духовного познания и которой знает: ты должен особым образом прикасаться к каждому отдельному индивидууму, ты не можешь ничего знать заранее, ты должен стоять перед каждым ребёнком, как перед новой загадкой, - только это даст действительную педагогику, полную жизни педагогику. Сегодня много говорят о том, что надо воспитывать индивидуальность. Даются также всевозможные прекрасные абстрактные принципы для этого, - посредством них нельзя достичь ничего. Что-то достичь для того, что требуется в наше время жизни, можно только основанием педагогики как искусства. Эта педагогика как искусство в каждый момент всматривается в новое в человеке, она забывает науку знаний, как человек искусства отбрасывает всю эстетику и прочее, если он хочет создать нечто позитивное. Чем помогут нам все принципы о прекрасном, если мы хотим придать какую-то форму глине! Тот, кто знает, что такое художественное творчество, подтвердит это. Чем нам помогут все педагогические правила, когда мы должны начинать разгадывать разгадывать духовно-духовное в ребёнке? Тут речь идёт о том, что мы как педагоги становимся художниками. Мы можем стать таковыми, когда духовная наука проникнет в нашу цивилизацию как её живая часть. Но тогда мы также увидим, как в период между седьмым и девятым годами, когда чувство подражания и чувство авторитета уравновешены, - как тогда мы должны развивать волю, как мы тогда не должны делать слишком сильный акцент на интеллект ребенка. Тогда непозволительно давать ребёнку, прежде всего, нехудожественное, - то, что установлено человеческой конвенцией. Непозволительно давать ребёнку как

конвенцию то, что обращается только к интеллекту. Это также и форма букв, это также письмо, чтение. Всё это, как мы это сегодня имеем, поскольку не находимся больше во времени древнего образного письма, основано на человеческой конвенции. Мы должны уйти от этого. Поэтому в Вальдорфской школе пытаются, чтение и письмо - вначале письмо, - выводить из художественного. Там вначале пытаются чертить, а также рисовать, такие формы, из которых потом можно выстраивать формы букв: то есть, вначале художественное, а потом интеллектуальное. Но чтобы то, что, собственно, желанно в этом возрасте, могло развиваться правильным образом, всё должно быть направлено на это художественное обучение. И теперь, когда мы уже несколько месяцев преподаём в этой Вальдорфской школе, теперь мы видим, что действительно можно работать, исходя из художественного, как это действительно возможно, прежде всего, в музыкальном, вокальном, в эвритмическом, в одушевлённом пластическом искусстве - поскольку это для ребёнка ещё эвритмия, - как можно во всём этом дать ребёнку то, чего требует его природа, чего хочет его природа, но в то же время сделать художественное чувство гибким, сделать художественное чувство склонным художественным образом воспринимать весь мир. Затем, когда приблизится девятый год, где человек может устанавливать отношения между Я и внешним миром, можно экспериментальным образом направить его на то, что является описанием природы, тогда можно из художественного вызвать научное.

Однако всегда надо учитывать, – как бы странно, как бы ни банально это ни звучало, но это надо сказать, – что человек есть человек. Так называемый почасовой план, которое мы часто имеем сегодня, не принимает во внимание тот факт, что человек есть человек. Нет ничего более непедагогичного, чем учить ребёнка в течение трёх четвертей часа одному, а затем в течение трёх четвертей часа чему-то совершенно противоположному. Три четверти часа религии, три четверти часа арифметике, три четверти часа правописанию и так далее. В Вальдорфской школе мы всё пытаемся извлечь из законов, которые сами высказываются из душевно-духовного ребёнка. При этом, конечно, необходимо, заниматься чем-то, например, арифметикой, три, четыре, пять-шесть недель, - единственно и только арифметикой, без почасового плана, и только достигнув определенного понимания, переходить к чему-то другому. Это становится концентрацией обучения. В конце учебного года всё, что входит в рассмотрение, может быть резюмировано путём повторения. Но почасовой план - это, собственно, враг любого настоящего искусства воспитания.

И таким образом, чтобы достичь нечто не только в отношении воспитывающего и обучающего сопровождения ребёнка, приходят к тому, чтобы вычитывать необходимость этого почасового расписания из развития самого ребёнка. Когда я прочёл для учителей Вальдорфской школы педагогический курс, который должен был подготовить их для их задач, тогда я, прежде всего, обращал внимание на выработку почасового плана, который является, собственно, просто результатом того, что нужно ребёнку в возрасте от шести-семи до восьмого-девятого года, от девяти лет до двенадцати, от двенадцати до полового созревания. Вычитывать из того, что элементарно развивается в человеческой природе, то, что надо делать, можно, только год за годом обретая, с помощью духовной науки, чувство и понимание существа человека, и тогда, вступая в классное помещение, можно этим глубоким педагогическим чувством прочесть, что говорят лица сидящих перед тобой детей. Таким образом, делается попытка, - я могу дать вам сейчас, конечно, только наброски этих вещей, без описания подробностей, - посредством духовной науки, внести непосредственную жизнь в одну из важнейших социальных областей, в искусство воспитания.

Все абстракции, всё то, что делает успешной технику, не приносит плодов там, где речь идёт о сведении людей вместе. Действительное искусство воспитания должно искать свои истоки в духовной науке. Оно сможет это сделать только тогда, когда в смысле трёхчленности социального организма духовная жизнь будет освобождена от государственной, освобождена от экономической жизни. Собственно, только потому, что в вюртембергском школьном законе ещё была дыра, в которую можно было проскользнуть, можно было поместить в эту дыру Вальдорфскую школу как свободную школу, в которой действительно можно действовать в

соответствии с педагогически-художественными принципами. Для того, чтобы принять духовную науку, нет необходимости становиться духовным исследователем. Как нет необходимости быть астрономом или химиком для того, чтобы принять современную астрономию или современную химию, а для этого нужен только здравый смысл, так же нужен только здравый смысл и для того, чтобы принять то, что выводит на поверхность из глубин души духовно-научный исследователь. Но если проникнуться тем, что познается, исходя из несущих волну мыслей, из несущей мысли воли, то обретается и необходимый жизненный энтузиазм, которого недостает нынешнему спящему человечеству и который должен появиться, если должно стать лучше.

Пока достаточное количество людей энергично не потребует того, что необходимо для нового строительства, само оно из какого-либо угла не появится. Нынешнее человеческое развитие предрасположено достигать великих жизненных целей жизни волевым образом, исходя из сознательной воли, мы достаточно долго проводили ту политику, которая всегда дипломатично смотрит на то, что ... [пробел], и после чего говорят: так будет и дальше. Сегодня люди видят, что с каждым днём становится все хуже; каждый день они заново верят, что то, что наступило, таким и останется. Нет ни малейшего представления о том, что в процессе упадка должна быть признана сила подъёма. И так же, как и в искусстве воспитания, в жизни народа тоже надо искать силы, способные привести к новому строительству. Так же и здесь это могут быть только те силы, которые исходят из духа, из познания духа, из видения духа. Ведь, в нашей социальной жизни, в нашей народной жизни, мы стоим перед теми двумя элементами души, на которые я указывал! Абстрактное мышление, которое есть, собственно, у каждого человека, - независимо от того, вырос ли он из мастерской сапожника, является ли он сыном сапожника или ... [пробел], когда это доводится до стадии мышления. Это мышление независимо от личного, исходя из этого мышления человек имеет свою точку зрения. Но все эти точки зрения, собственно, не нужны, поскольку каждый человек имеет право на свою точку зрения, и с этой точкой зрения он мог бы жить в этом мире один. Если каждый имеет «свою точку зрения», если никто не может сказать что-то другому, то нет никакой необходимости жить вместе.

Но что является особенным в духовном познании, так это то, что оно полностью уходит от этих «точек зрения», от того, чтобы стоять на этих точках зрения, что оно, собственно, становится чем-то таким, что делает человека чувствительным к жизни, к настоящей школе. Для того, кто знакомится с духовной наукой в том смысле, в каком она понимается здесь как антропософски ориентированная духовная наука, в каком она представлена дорнахским зданием, для того каждый отдельный человек, с которым он сталкивается в жизни, становится интересной проблемой. Сам ребёнок, что, ведь, важно, как раз, в искусстве воспитания; ребёнок становится интересной проблемой. И точно так же, как в физической жизни человек чувствует голод в отношении внешней природы, как он должен быть единым с внешней природой, так и духовный исследователь чувствует потребность иметь дело с тем, что имеют в виду другие люди, что думают, чувствуют и хотят другие люди. Духовная наука в самом широком охвате сближает нас с людьми.

Сегодня духовный исследователь, прежде всего, может сказать: когда он читает другие мировоззрения, тогда он позволяет им действовать на себя иначе, чем это делают другие люди. Он меньше спрашивает о том, что является заблуждением или истиной, поскольку об этом чаще всего выносятся решения, исходя только из собственной точки зрения, а об этой точке зрения я, как раз, уже высказался. Но каким бы большим ни было предполагаемое заблуждение, производимое тем или иным человеком в мышлении или действии, то, что представляет нам человек, является дополнением нашего собственного существа, когда мы проникаемся духовной наукой. Как естествоиспытатель имеет потребность в проведении эксперимента, так же духовный исследователь имеет потребность контакта с другими людьми. Когда он основывает мировоззрение, оно становится социальным импульсом, поскольку оно не разъединяет людей, а объединяет людей; поскольку оно, в свою очередь, вносит индивидуальную жизнь в то, что иначе является лишь абстрактной точкой зрения,

которую каждый может иметь перед каждым. Духовный исследователь может раскрывать тайны маленького ребенка, который может только лепетать, или ещё вообще не может лепетать, уже элементарно из его взгляда. Он принимает откровения из всего человеческого. Посредством этого то, что может сказать духовная наука, если её только включить в человеческую жизнь, становится импульсом к социальному сосуществованию людей. Как естественно-научное познание изъяло из человеческого языка мысленное содержание, как оно создало фразу, так духовная наука, наоборот, внесёт в наш язык живую духовную субстанциальность, и, благодаря тому, что эта духовная наука ведёт человека к человеку, наш язык станет самым важнейшим социальным средством для улучшения в будущем.

И, как раз из-за того, что познание, с одной стороны, стало таким, воля стала зависеть от простых эмоций, от простых личных инстинктов, как я описывал это сегодня. Благодаря тому, что духовная наука извлекает своё содержание из несущей мысли воли, то, что она может дать человеку, является основанием для более далеко идущих интересов, нежели может дать просто личное чувство, просто личный эгоизм. Ведь, что в конце концов стало решающим в социальной жизни за последние три-четыре столетия? Решающим стал эгоизм. Если мы не можем подняться [пробел] к человеческому, посредством познания, если это человеческое не может в нас проникнуть, то мы можем проявлять в социальной жизни только эгоизм. Но в тот момент, когда у нас есть духовная жизнь в своей самостоятельности, и, благодаря этому, эта самостоятельность может быть основана в искусстве воспитания, которое я сегодня представил в набросках, и в тот момент, когда мы проникнем нашу волю идеями, мы сможем найти путь человека к человеку в нашей экономической жизни, сможем из профессиональных союзов, из объединения потребителей и производителей создать ассоциации, сможем создать в социальном организме экономическую структуру, которая строится, как раз, из того, что один человек может научиться у другого, что один человек может узнать у другого. Благодаря этому, жизненная рутина превратится в жизненную практику. Чем более внутренним образом рассматривается человеческая жизнь, чем больше рассматривается сама человеческая жизнь, тем больше из каждого угла проявляется необходимость в трёхчленности социального организма. И, как, с одной стороны, хозяйственная жизнь становится плодотворной, благодаря проникнутой идеями воли, с другой стороны, духовная жизнь [пробел], так и то, что разыгрывается между человеком и человеком, - в настоящее время оно разыгрывается, собственно, только как конвенция, причём настолько, что конвенцию хотят иметь даже в форме Лиги Наций (Völkerbundes) между народами, - будет живым элементом в государственной правовой жизни, которая должна стоять как самостоятельный член в трёхчленном социальном организме, наряду с самостоятельной духовной жизнью и самостоятельной хозяйственной жизнью. Но в то же время вы видите на примере искусства воспитания, как духовная наука захватывает народную жизнь, социальную жизнь, какой должна быть эта духовная наука, чтобы на её основании могла быть построена структура трёхчленного социального организма. О, до чего дошли в последнее время под влиянием двух описанных душевных элементов! Тут, с одной стороны, мы имеем, я бы сказал, выходящее за пределы всей человеческой индивидуальности абстрактное мышление, которое одинаково для всех людей, достигших способности к этому логически абстрактно-интеллектуальному мышлению. А поскольку оно одинаково для всех, необходимо также, чтобы то, чего человек всё же не может достичь как абстрактный человек, чего он хочет достичь в социальном обществе, было построено на подчеловеческом, на просто инстинктах, на эгоистических инстинктах. И, таким образом, мы видим, как во время дарвинизма, когда в животном мире заметили, хотя и тут лишь ограниченную, борьбу за существование, получилось так, что естествоиспытатели захотели стать социальными политиками, социальными учёными, и теперь захотели узаконить, как само собой разумеющееся, борьбу за существование и в человеческой жизни. И это даже правда, что в человеческой жизни разворачивалась бы борьба за существование, если бы в социальной жизни могли действовать только инстинкты эгоизма. И [эту борьбу за выживание хотели] установить также Ленин и Троцкий; они лишь организуют эгоизм. Это знает каждый,

кто понимает сегодня человеческую жизнь. Всё остальное будет лишь маской. Мы уже сегодня видим внутреннюю неправду ленинизма, который обещает людям золотые горы, сокращенный рабочий день и при этом уже пришёл к внедрению 12-часового рабочего дня, поскольку это оказывается необходимостью в рамках механизма, который хотят ввести.

Но то, что присутствует в жизни человека как абстрактное мышление, одинаковое для всех людей, никогда не сможет сказать «да» этой борьбе за существование, оно всегда будет недовольно этой борьбой за существование, оно всегда будет стремиться к гармонии, к преодолению борьбы за существование. Но если нам не удастся влить в абстрактный интеллектуализм действительную духовность, то мир абстракции будет слишком слаб, чтобы убрать эгоизм из общественной жизни. А, с другой стороны, эгоизм останется беспощадным, если в него не влить то, что может принести только духовное познание, духовное видение. То, что сегодня выступает в человеке дуалистическим образом, с одной стороны, абстрактный интеллектуализм, с другой стороны просто господство инстинктов, может найти равновесное состояние только тогда, когда оба смогут проникнуться духом. Если мысли одухотворены, они становятся принадлежащими индивидуальному человеку и делают этого индивидуального человека тем, кто не только хочет обладать правом, кто не только может дать то, что не хотят другие, а кто должен постоянно иметь дело с другими людьми, должен постоянно вести с другими людьми диалог, как бы, на языке мыслей, вместо языка фразы. Но он будет вестись, только исходя из духовной жизни, построенной не только на памяти, но, подобно голоду и жажде, на ежедневном обновлении, на метаморфозе жизни, которая должна постоянно обновляться, как если бы она тоже уже доросла до высшего. Это может происходить только тогда, когда инстинкты будут пронизаны мыслями, которые возникают так, как я это сегодня описал. Тогда человек в рамках своей хозяйственной ассоциации сможет хотеть то, что выходит за пределы отдельного человека. Тогда хозяйственная жизнь может быть одухотворена. Везде, где сегодня прикасаешься к миру, когда заглядываешь в соответствующую действительности жизнь, возникает потребность в том, к чему можно стремиться как трёхчленности социального организма. Это не утопия. Утопией трёхчленность называют только те люди, у которых отсутствует чувство действительного, кто сам является утопистом и потому всё, что не соответствует их утопиям, называют утопией.

То, что преподносится миру как импульс трёхчленного социального организма, берётся из всей полноты жизни. Но это также показывает, что эта полнота жизни сегодня требует проникновения тем, что может быть живо ухвачено в духовном видении. Это духовное видение необходимо человеку. И пока не будет познано, что человек, - это не просто природное существо, нельзя будет прийти к решению сегодня настолько насущных социальных проблем. Уже много лет назад, когда теоретический материализм находился в своём расцвете, люди, которые уже могли предвидеть, что этот теоретический материализм должен привести и к практическому материализму, противились этому материализму. Но нельзя всё же сказать, что люди, ставшие теоретическими материалистами, как Геккель и ему подобные, тоже не были умными людьми. Тут мы сталкиваемся со странным явлением, когда материалистами стали действительно светлые головы. Почему? Они стали материалистами, поскольку мышление, которое в ходе последних трёх-четырёх столетий развилось как абстрактное мышление, - что становится ясным, как раз, для духовного исследователя, - должно быть объяснено материалистически. То мышление, которое сделало великим естествознание, привязано к инструменту мозга, к инструменту человеческого тела. Это мышление прекращается со смертью. Только если мы вольём в наши мыслительные операции волю, если мы позволим себе руководствоваться не только наблюдениями за природой и экспериментом, если мы проникнем наше мышление тем, что поднимается из воли, - только тогда возникнет нечто такое, что может быть свободным от тела, что является действительно душевно-духовным. Материализм прав для того мышления, которое стало великим, как раз, в последние три-четыре столетия и достигло своей высшей точки сегодня. Это объясняется материалистически. Умнейшие люди во второй половине 19-го столетия стали материалистами только потому, что, в конце концов, перед ними стояла загадка: Как

обстоит дело с обычным мышлением, которое достигло такой высоты, как раз, в естествознании? Это должно быть объяснено материалистически. Материализм, в своём роде, полностью прав, и никто не может быть спиритуалистом в смысле антропософски ориентированной духовной науки, если он не знает, что материализм в своей ограниченной области прав. Тот же, кто теперь ставит вопрос: материализм или спиритуализм? - тот стоит на ложном пути. Поскольку у материализма есть своя область, и надо понимать, что если человек хочет спасти душевно-духовное, то он должен выйти за пределы того мышления, которым он так горд сегодня. И точно так же никогда не сможет возникнуть действительно желаемый социальный порядок, если человек хочет основать этот социальный порядок, только исходя из обычных эгоистических эмоций, поскольку последние могут основать только борьбу за существование, а не ленинскую социальную мечту. Основать настоящий социальный порядок человек сможет, лишь вливая в эту социальную жизнь духовно-душевное, как это было сегодня описано, и как это стимулируется в нём тем мировоззрением, которое исходит от духовного видения. Тогда человек узнает и сможет доказать жизнью то, что имел в виду Гёте, когда направлял свой взгляд на природу человека и спрашивал себя: Как, собственно, человек стоит к природе? - Гёте говорил себе: Когда мы охватываем взором всё, от чудесных звёзд наверху до всего того, что представляет собой природу вокруг нас в различных царствах, мы должны смотреть на человека, противостоящего этой природе, на то, как он принимает эту природу, как он преобразует её, как он творчески позволяет ей возникать в себе как нечто новое, как некую более высокую природу, которая является духовно-душевной, душевно-духовной. Гёте так прекрасно выражает это, когда говорит:

«Когда человек ставится на вершину природы, он видит себя снова как целостную природу, которая, в свою очередь, должна произвести вершину в себе самом. Для этого он поднимается, пронизывая себя всеми совершенствами и добродетелями, призывая выбор, порядок, гармонию и смысл, и, наконец, поднимаясь к созданию произведения искусства, которое занимает блестящее место, наряду с другими его делами и произведениями». И дополнением к этому высказыванию является другое, стоящее в книге о Винкельмане, где находится и предыдущее, где Гёте говорит: «Когда здоровая природа человека действует как целое, когда он чувствует себя в мире как в некоем огромном, прекрасном, достойном и ценном целом, когда гармоничное удовлетворение дарует ему чистое свободное наслаждение; тогда вселенная, если бы она могла чувствовать себя, возликовала бы, достигнув своей цели, и восхитилась бы вершиной своего собственного становления и бытия. Ибо к чему все старания солнц, планет и лун, звезд и млечных путей, комет и туманностей, настоящих и будущих миров, если в результате не будет бессознательно наслаждаться своим существованием счастливый человек?»

Из такого настроения, который ведёт человека через природу, над природой к самому себе, к душевно-духовному, только из такого настроения может возникнуть то, что должно строить нашу социальную жизнь. Но это произойдет лишь тогда, когда человек, посредством своей воли, направит свой взор на то, что может дать ему исследование самой духовной жизни.

Поэтому надо будет сказать: Не во внешних институтах и их преобразовании должны мы видеть то, что сможет вести нас дальше. Преобразование внешних институтов всё же не приведёт ни к чему новому. К новому что-то может привести только тогда, когда человек то, что в настоящее время склоняется в нём к разрушению, найдёт внутри самого себя. Поскольку всё внешнее, что возникает в жизни человека, делается самим человеком, делается внутренним существом человека. Мы можем продвинуться вперёд только посредством изменения своих мыслей. Поэтому лучше будет не раньше, чем достаточно большое количество людей наберётся мужества для переобучения, для изменения своих мыслей. И, наконец, то, что однажды может прийти к человечеству в виде созидательных сил, должно появиться из мужества для подъёма к истинному духу, чтобы он, как я уже сказал в конце вчерашнего дня, смог постепенно, но действительно устранить не-дух.

[следует дискуссия]

Заключительное слово

Мои многоуважаемые присутствующие! Мне, собственно, нечего сказать особенно важного относительно замечаний господина Б., поскольку он говорил, например, о том, как, исходя из абстрактного мышления настоящего судят о том, что можно было бы сказать, как раз, исходя из мышления, оплодотворённого духом. И поэтому я хотел бы добавить здесь несколько слов для тех уважаемых слушателей, которые могли неправильно понять то, что я сказал об учебном плане.

То, что я сказал об учебном плане, - это то, что надо работать в направлении концентрации. Я не говорил, что при этом не должно быть никакой смены (Abwechslung). Не говоря уже о том, что, ведь, можно спорить, должна ли эта смена делаться, скажем, для арифметики после трёх или пяти недель, лучше то или иное, - это чисто дидактический вопрос, который нельзя решать агитаторским образом, а только прагматично. Не говоря об этом: в обучении надо работать в направлении концентрации, то есть, чтобы был проработан определённый объём материала, без всякого почасового учебного плана, чтобы действительно в продолжении трёх-шести недель прорабатывался определённый материал, без того, чтобы он прерывался чем-то другим. Разумеется при этом полностью учитывается посещаемость ребёнка. Чтобы вы не поняли меня неправильно, я хотел бы описать для вас то, что происходит в одном из классов Вальдорфской школы. Возьмём пятый класс начальной школы (fünfte Volksschulklasse). С тем же успехом я мог бы взять и первый класс. Тут обучение начинается несколько минут после восьми утра. В первые два часа вы концентрируетесь на том, что иначе рассредоточено по обычным школьным предметам по учебному плану. Так что в первые два часа, до приблизительно нескольких минут после десяти, вы сосредоточенно работаете над тем, что вы обычно считается содержанием школьного предмета. Так что за это время, скажем, достаточно большое количество недель вы занимаетесь арифметикой, потом, опять несколько недель, языком и так далее. Затем происходит то, что делает концентрацию возможной, делая её определенным образом; уже самых маленьких детей учат иностранным языкам, французскому и английскому, так что даже в первых классах проводится обучение иностранному языку. И это производит большое впечатление, когда видишь на уроках эту мелкоту, которая действительно с большой радостью всего за несколько недель добивается существенных успехов в изучении иностранного языка. Тут действительно работают в направлении использования языка. В первом классе это делается уже пять-шесть недель; тогда до одиннадцати часов обучают французскому, до двенадцати - английскому. Затем дети идут домой. И иногда в послеобеденное время - дети достаточно свободны, и это тоже относится к смене деятельности, что они снова приходят, - когда они приходят снова, у них пение музыка, эвритмия, одушевлённая физкультура. На уроках этой одушевлённой физкультуры осуществляются не просто физиологические движения, которые тоже имеют место, а пронизанные духом движения. В эвритмии даётся, как бы, немая речь. Дети чувствуют себя при этом очень хорошо. А в праздники часто проводятся эвритмические представления, и тогда видно, как всё это живет. Так что о том, что нет никакого разнообразия, присущего природе ребёнка, не может быть и речи. Когда же говорится: Если детям становится скучно, надо делать что-то другое, - да, мои многоуважаемые присутствующие, в этом, как раз, и состоит задача, чтобы детям никогда не было скучно! Дети могут покапризничать максимум один раз, если их что-то не устраивает, но от скуки - об этом надо позаботиться - они страдать не должны. И так как я дважды в течение длительного периода времени посещал школу и, собственно, всегда держал урок в своих руках, я смог сам увидеть за это короткое время, как таким образом можно привносить в урок жизнь.

Мои многоуважаемые присутствующие, если мы хотим основать равноправие не на словах, а на деле, то нам не следует возбуждать себя болтовнёй об различии предпринимателя и рабочего, которое существует сегодня, не смотря на всякую болтовню;

оно просто существует как факт, и разговорами это сегодня пока устранить нельзя. В случае Вальдорфской школы речь идёт о том, что ребёнок пролетария сидит рядом с ребенком предпринимателя. Дети воспитываются в полном единстве, и тут равноправие устанавливается практически! Разговорами и агитаторской болтовнёй о том, что не должно быть «предпринимателей» и «рабочих», ничего добиться нельзя, но и те, и другие должны иметь равные права. Короче говоря, болтовнёй этот вопрос не решить, а решить его можно единственно и только, благодаря тому, что мы будем ставить цели и концентрироваться прежде всего на действительном решении социального вопроса. Тем, что там, где речь идёт о деле, мы всё забалтываем агитационными фразами, нельзя сделать ни шага к улучшению! То, что сегодня важно, так это различать дело и болтовню. Если мы не будем различать болтунов и тех, кто хочет что-то сделать, мы не добьёмся ничего, но зато болтуны заболтают любой социальный порядок до смерти. Прекрасными речами в наше время ничего не достичь, в том числе и тогда, когда эти речи исходят из равноправия. Равноправие должно быть установлено, - просто болтать о равноправии бесполезно.

Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, другой вопрос: Разве сегодня у экономически угнетенного не должны быть созданы материальные предпосылки для того, чтобы иметь возможность принимать духовное? В последнем или предпоследнем номере журнала о «Трёхчленность социального организма», который выходит в Штутгарте, я, как раз, написал статью⁷: «Идеи и хлеб», - чтобы противодействовать распространённому предубеждению, что если со стороны сытых, а также тех, кто сегодня ещё способен быть сытым, постоянно вновь и вновь говорится: Для решения этого социального вопроса не нужно делать ничего другого, как только то, чтобы люди работали. Легко сказать! Речь идёт о том, чтобы люди видели цель, видели смысл в своей работе! Но, с другой стороны, ничего не принесёт и постоянное утверждение: Вначале надо дать людям хлеб, а затем они уже будут расти духовно, или можно будет заботиться о том, чтобы они росли духовно. Ведь, работа, которая ведёт к тому, чтобы производился за хлеб, это духовная работа. Надо организовать, надо как-то привести то, что вырабатывается, в какую-то структуру, в социальную структуру, иначе хлеба не будет. Если сегодня в Центральной Европе распространяется страшный голод, то эта волна голода - хотя, разумеется, и раньше было ненамного лучше, это мы сейчас обсуждать не будем, - возникла не потому, что вдруг пропал хлеб, а потому, что люди, благодаря военной катастрофе, пришли к социальному порядку, в рамках которого хлеб не вырабатывается, в рамках которого не действуют никакие идеи, позволяющие вырабатывать хлеб. Идеи, которым народ поклонялся до 1914 года, который были ведущими, за последние пять-шесть лет доведены до абсурда, они отброшены. Нам нужны новые идеи! И если не решатся сказать себе: Нам нужны новые идеи, с помощью этих новых идей будет организован социальный порядок, благодаря которому будет производиться хлеб; если на это не решатся, тогда дальнейшее развитие в будущем будет далеко не здоровым.

Очень странно, как, я бы сказал, в отдельных случаях получается так, что люди не хотят признать, как обстоит дело в действительности. Одним из таких людей, вероятно, самым радикальным был до 1914-го года князь Кропоткин⁸. Когда он снова вернулся в Россию, то вскоре было слышно: Да, если бы нам только получить хлеб от Запада, было бы намного лучше! - А кроме того, доносились слухи, что он пишет некую «Этику». Видите, это, как раз, то, что приведёт нас к гибели, что люди, которые, с одной стороны, имеют материальную жизнь, с другой стороны, абстрактную духовную жизнь, и что из этой абстрактной духовной жизни ничего не втекает в действительную материальную жизнь. Дух показывает себя не благодаря тому, что ему поклоняются, а он проявляется в своей способности владеть и

---

⁷Упомянутая статья впервые появилась в журнале «Трёхчленность социального организма», № 37, март 1920 года, издаваемом «Союзом для трёхчленности социального организма». Библ. № 24.

⁸Князь Петр Кропоткин (также: Кропоткин), 1842-1921; Представитель «коммунистического анархизма». Кропоткин хотел упразднить частную собственность и государство и построить общество на принципе «взаимопомощи» в добровольных ассоциациях. Среди прочих, он написал книгу «Взаимопомощь в развитии», Лейпциг, 1904 год, и «Этика», 1922 год, на немецком языке, 1923 год.

организовывать также и материю. Плохо именно то, что наши верования привели нас к тому, что мы хотим, чтобы они давали нам просто приятное содержание после окончания работы, или, самое большее, директиву на первой белой странице главбуха, где сказано: «С Богом», - хотя то, что там получается с «дебет» и «кредит», совсем не соответствует тому, что там стоит как «С Богом»! Но явления упадка нашего времени показывают себя в том, что мы утратили способность находить переход к материальной жизни от того, что мы исповедуем духовно, что даже господствует настрой, которое говорит: Ах, не путайте материальную жизнь с духом! Дух - это нечто возвышенное, его нужно держать подальше от материальной жизни! - Нет, дух не для того, чтобы его держать подальше от материальной жизни и не для того, чтобы за воротами фабрики, в лучшем случае, иметь его в качестве воскресной послеобеденной сенсации, пусть и в благородном виде, а дух здесь для того, чтобы его брали с собой на фабрику, чтобы машины были ориентированы на дух, чтобы рабочие были организованы согласно этому духу. Дух здесь для того, чтобы он пронизывал материальную жизнь! И мы направляемся к гибели потому, что этого нет, потому что наряду с бездушной, стоящей под господством простой рутины материальной жизни мы имеем абстрактную духовную жизнь. Пока дух не станет настолько сильным, что он сможет господствовать над материей, лучше не станет. Не чуждый материи, не чуждый миру дух, - это тот дух, к которому хочет привести духовная наука, а тот дух, который может владеть людьми, который находится не только тогда, когда человек счастлив иметь возможность покинуть фабрику, но тот дух, который с радостью берут с собой на фабрику, чтобы каждый отдельный шаг там делался в свете этой духовной жизни.

Те, кто хочет иметь дух в том смысле, который имеется здесь в виду, хотят иметь воистину не непрактичный дух, они хотят иметь дух, который должен в мире не только болтать, не только говорить что-то, что может порадовать в свободное время, а дух, который, благодаря тому, что он владеет материей, организует жизнь, может тесно соединиться с этой жизнью. От этого духа, то есть, от его восприятия, будет зависеть то, хотим ли мы, - если будем его отрицать, - всё глубже и глубже погружаться в несчастье, или нет. Сегодня надо решать между этими «или-или». Чем больше людей решат подобраться к этому деятельному духу, тем лучше это будет для человечества в будущем.

Это то, что я хотел бы ещё добавить к моим сегодняшним словам.

Трёхчленность и современное положение в мире

ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 19 марта 1920 года

Перед статистически-народнохозяйственным обществом кантона Цюрих

То, что можно было бы назвать социальными программами или чем-то подобным, гудит сегодня в воздухе в бесконечном количестве, вызываемое больше, чем когда-либо, теми силами, которые ведут к разрушению. Недостатка в предложениях относительно того, как из этого разрушения должно развиваться новое строительство, собственно, нет. Если всё же среди этих разнообразных предложений в связи с необходимостью времени хочет проявиться то, что можно назвать идеей трёхчленности социального организма, то это происходит, прежде

всего, исходя из того видения, что этой идеей трёхчленности социального организма даётся нечто такое, что, если ухватить её внутреннюю сущность, никак не может быть поставлено в один ряд с программными предложениями, или социальными идеалами в абстрактном смысле. То, что я хотел бы вам здесь предложить, должно быть насковозь проникнуто сознанием того, что, ведь, сегодня для всех подобных вещей существует большая опасность впасть в утопию. Достаточно задуматься о том, что, по сути, - хотя это здесь или там в европейском мире ещё недостаточно замечается, - всё то, что считалось прочным в имеющемся экономическом, правовом, духовном порядке, подлежит определённому процессу разрушения, и что этот процесс разрушения вполне ясно проявился в ходе последних четырех-пяти ужасных лет европейской цивилизации.

В такое время нельзя строить на том или ином, что уже есть, на том, что сохранило свою действительность. Ведь, за последние несколько лет самые прочно стоящие институты довели себя, так сказать, до абсурда. И тут, разумеется, недалеко мысль строить, так сказать, на совершенно новом фундаменте. Это можно сделать, только если строить, исходя из мысленного фундамента, и тут вскоре становится очевидным, что найти основания, которые делают возможным успешное строительство, нелегко. Поскольку поначалу кажется, что у тебя нет никакого ориентира в том, можно ли как-то осуществить то, что ты хочешь. А всё, что с самого начала не может проявиться посредством своего содержания, что не может полностью вписаться в действительность, является утопичным.

Как раз, опасности утопичности идея трёхчленности социального организма хотела бы избежать, и она хотела бы её избежать тем, что она, по сути, не предлагает ничего такого, что называется социальным пониманием жизни, что называется социальной программой, а хочет указать на то, как люди могут взаимодействовать в общественной жизни, чтобы силам разрушения могли противопоставить себя силы нового строительства, силы нового развития.

Я бы сказал, что то, о чём призывают другие, должно возникнуть только согласно идее трёхчленности, если однажды сможет состояться такая совместная работа людей и групп, которая захочет говорить об идее трёхчленности социального организма. Стоя на этом основании, человек не занимает позицию, что он какой-то всеведущий, что он пророк, который может указать на то, как должно поступать то или иное учреждение в будущем для спасения человечества, он просто хочет призвать суждение людей, которым есть что сказать, таким образом, чтобы это суждение, благодаря совместной работе людей, могло стать также фактической реальностью.

Повод к возникновению этой идеи о трёхчленности социального организма у того, кто сейчас позволяет себе говорить с вами, лежит, собственно, в далёком прошлом. Его следует искать в десятилетиях жизненного опыта, относящегося к социальным условиям в самых различных регионах Европы, но особенно в Центральной Европе и тех частях Центральной Европы, которые, как раз, своей судьбой в последней великой военной катастрофе показывают, как то, что было до этого социальной структурой человечества, цивилизованного человечества Европы, исходя из самого себя, стремилось к чему-то новому, как оно не доросло до тех сил, которые, я бы сказал, хотят сегодня выйти из недр человечества на поверхность. Если непредвзято рассмотреть историческую жизнь, особенно в последней трети 19-го столетия, в годы 20-го столетия, предшествовавшие 1914-ому году, то вполне можно увидеть, как то, за что так догматически держались, не смотря на то, что во многих областях Европы оно потрясено, сегодня всё же всегда рассматривается как нечто такое, чего нельзя касаться, - единое государство, которое охватило в продолжении последних трёх-четырёх столетий все области общественной жизни, - собственно, больше не соответствует высоким требованиям человечества, неспособно одновременно охватывать духовную жизнь, государственно-политическую или правовую жизнь в узком или также в более широком смысле, и экономическую жизнь. Поэтому у тех, кто последними имел дело с идеей трёхчленности, возникла мысль заняться, как раз, этим и поставить вопрос: Какой вид должно принять государство, которое до сих пор рассматривалось как необходимая целостность, по отношению к трём основным областям человеческой жизни, по отношению

к духовной области, к политико-правовой области и области экономической? И теперь, до того, как я перейду к, своего рода, обоснованию, я позволю себе в коротком наброске представить, как должна мыслиться совместная работа людей, чтобы задачи, вырастающие из трёх основных областей жизни, решались людьми действительно, исходя из этой социальной структуры. Ведь, по сути, эти три области были объединены только в последние три-четыре столетия. Достаточно только вспомнить, что с развитием средневековых отношений, вплоть до Нового времени, школы и университеты не были институтами государства, а они были институтами церковных или прочих общин, которые развивались рядом с начинаниями государственной жизни. Только в ходе последних трёх-четырёх столетий сформировался взгляд, что единое государство должно распространить свою власть также, например, и на школы, университеты и тому подобное. Точно так же можно сказать, что и хозяйственная жизнь поддерживалась стоящими под хозяйственными импульсами корпорациями; ею руководили те личности, которые образовывали объединения, исходя только из хозяйственных побуждений. И, в свою очередь, только в ходе последних трёх-четырёх столетий государство распространило свою власть и на хозяйственную жизнь; таким образом, это слияние духовной жизни, правовой жизни и экономической жизни является тем, что возникло в полной мере, собственно, только в Новое время, хотя зачатки этого, разумеется, - поскольку, ведь, всё в исторической жизни людей проявляется заранее, - возникли то там, то тут, уже раньше.

Напротив, идея трёхчленности социального организма хотела бы каждую из этих трёх областей поставить на самостоятельную почву. Она исходит из того, что в ходе новейшей истории на поверхность исторического становления, я бы сказал, из глубины человеческого чувствования и восприятия, с внутренней необходимостью возник определённый импульс. И это, - я думаю это нельзя отрицать, даже ещё оставаясь таким ограниченным, - не смотря на всё, что происходит сегодня в общественной жизни, это мощный импульс к демократии. Этот импульс выступает как нечто элементарное в человеческом развитии. Можно сказать: Как у отдельного человека в определённую эпоху его жизни выступает, скажем, половое созревание, так в развитии европейского человечества, подготавливаясь с 15-го столетия, выступает тенденция к демократии.

Если попытаться выяснить, что же самое существенное в различных формах, требуемых для демократического сосуществования людей, то, в конце концов, это то, - по крайней мере, это оказывается единственно возможным, - что дела государства должны выполняться, исходя из совместной деятельности и совместных суждений всех людей, достигших совершеннолетия, которые в этой совместной работе, в этом совместном суждении рассматриваются как равные, так чтобы каждый выступал перед другим как равный, равноправный в своём суждении, равноправный в своём вкладе, который он должен внести в социальную жизнь, а также равный во всём, что он должен требовать от этой социальной жизни. Это пока абстрактное демократическое требование. Оно становится конкретным, благодаря тому, что с ним в новейшей исторической жизни человечества соединяются важнейшие ощущения и чувственные импульсы. Можно также сказать, что эта демократическая тенденция внедрилась в политическую структуру Европы, самым разнообразным образом борясь с тем, что пришло из феодальных и других общественных порядков. Этот демократический импульс оказался вписанным в формы, в большей или меньшей степени, оставшиеся от старины. Но стремление к этому выражено в новейшей истории ясно. Поскольку государства не могли каким-то образом уклониться от того, чтобы прибавить к своим прежним силам демократическую силу, - даже если некоторые и делали это, я бы сказал, спустя рукава, - они распространили этот демократический принцип также и на области духовной и экономической жизни.

Но теперь, благодаря этому, в развитии современного человечества, в общественной жизни в целом возникло существенное противоречие. Именно тот, кто серьёзно и честно относится к реализации демократического побуждения, должен, собственно, замечать это внутреннее противоречие в современной общественной жизни. Это противоречие, которое я

хотел бы охарактеризовать следующим образом: Духовная жизнь, вплоть до её важнейшей части, школьной жизни, не может развиваться из чего-то другого, кроме способностей людей, которые индивидуально весьма различны. В тот момент, когда хотят распространить уравнительную демократию на то, что хочет расти отдельно в индивидуальной форме для расширения и процветания духовной жизни, - в этот момент эта духовная жизнь всегда должна каким-то образом страдать, всегда должна чувствовать себя каким-то образом подавленной. Поэтому я полагаю, что, как раз, тот, кто честно относится к этой демократической тенденции, и считает, что повсюду, где демократия только может быть в общественной жизни, она должна быть, тот должен сказать: Тогда из всего того, о чём договариваются все совершеннолетние люди как равные, надо исключить то, о чём могут иметь соответствующее суждение воистину не все достигшие совершеннолетия люди как равные. Доводя эту мысль до её самых крайних следствий, проверяя также, действительно ли учитывается всё, что при этом входит в рассмотрение, приходишь всё же к тому, чтобы сказать: Как раз, стремясь к демократизации современной государственной жизни, надо вычищать всю духовную жизнь из этой государственной жизни, из политико-правовой жизни.

Духовная жизнь должна быть поставлена на собственное основание. Она должна быть настолько прочно поставлена на своё собственное основание, что те, кто, например, преподаёт, от начальной школы до высших ступеней обучения, были в то же время управляющими системы воспитания и образования, чтобы управление воспитанием и обучением было связано со всей каким-то образом организованной духовной жизнью целостного социального организма. Только когда - я хотел бы говорить конкретно - тот, кто стоит в школе и обучает, будет выполнять свои обязанности только в том объёме, чтобы у него в то же время оставалось время для управления образованием от низшей до высшей ступени, только когда будут созданы такие институты, в которых те, кто должен работать в духовной жизни, особенно учить и воспитывать, не будут иметь отношения ни к чему другому, кроме обучения и воспитания, когда весь духовный организм будет самостоятельной единицей, поставленной на саму себя, только когда в области духовной жизни смогут быть раскрыты все человеческие силы, - только тогда духовная жизнь сможет развиваться во всей своей плодотворности. Это, похоже, по крайней мере в некой абстрактной форме, указывает на необходимость отделения духовной жизни, которая должна строиться на своих собственных принципах, на своих собственных импульсах, от всего демократического.

Но точно так же, как должна быть отделена от просто государственной жизни духовная жизнь, с другой стороны, должна быть отделена также и хозяйственная жизнь. Правда, тут мы вступаем в область, в которой сегодня можно найти меньше противников, нежели в случае с духовной жизнью. В духовной жизни, особенно в школьной системе, за последние три-четыре века стало принято считать просвещённым всякого, кто рассматривает власть государства над школьной системой правильным, кто не может себе даже представить, что можно вернуться к самостоятельности духовной жизни, не впадая в клерикализм и тому подобное.

В экономической жизни всё, по сути, аналогично. В то время как духовная жизнь имеет дело с тем, что заложено в человеке как способность, что должно развиваться свободно, что человек вносит в физическое бытие, так сказать, через своё рождение, экономическая жизнь имеет дело с тем, что должно строиться на опыте, что должно строиться из того, во что человек вращается, когда оказывается со своей профессиональной деятельностью в определенной хозяйственной области. Поэтому в экономической жизни не может быть решающим то, что исходит из демократической жизни, а решающим может быть только то, что исходит из профессиональных и деловых подоснов.

Как проявляются эти профессиональные и деловые подосновы? Собственно, не через какого-либо рода корпораций, какого-либо рода организаций, которые так популярны сегодня, а единственно и только через то, что я хотел бы назвать ассоциациями. Так, чтобы эти ассоциации образовывались из людей, которые осваиваются в профессии, становятся

действительно знающими и компетентными в области экономической жизни. Не благодаря тому, что людей организуют, а благодаря тому, что они объединяются вокруг дела, которое образуется в отдельных отраслях хозяйства, объединяются, исходя из связей между производителями и потребителями, между профессиональными и хозяйственными отраслями. Тогда даже получается - об этом вы сможете подробнее узнать из моих книг — определённый закон, насколько большими должны быть такие ассоциации, какой вид они принимают, из-за чего они могут быть вредными, если они станут слишком большими, из-за чего они могут быть вредными, если они станут слишком мелкими. Вполне можно основать хозяйственную жизнь посредством создания таких ассоциаций, когда всё, что делается в социальной структуре в рамках таких ассоциаций, исходя из чисто экономических импульсов, поставлено только на деловое и профессиональное основание. Там каждый в какой-то мере знает, к кому он может обратиться, если он знает как он, посредством социальной структуры ассоциаций, связан с другим, как он должен таким образом провести свой продукт через цепь ассоциаций и тому подобное.

Конечно, поскольку я должен быть краток, я могу здесь, обрисовать лишь принципы этих вещей. И так, я бы сказал, должна самостоятельно, исходя из своих собственных сил, организоваться духовная жизнь, так чтобы те, кто ею занимаются, в то же время управляли ею; и точно так же, исходя из своих собственных точек зрения - хозяйственная жизнь, так чтобы те, кто заняты в хозяйственной жизни, объединялись на основе принципов хозяйственной жизни. Если хозяйственная жизнь будет самостоятельна, то то, что может быть основано только на суждении всех совершеннолетних людей, окажется содержанием третьего члена социального организма, собственно государственной общности.

Я очень хорошо знаю, что многих людей охватывает ужас, когда им говорят об этой трёхчленности социального организма, которая должна оказаться необходимой для будущего. Но это происходит только по той причине, что обычно думают, что государство должно тогда рассыпаться на три части: Как эти три части должны тогда действовать сообща? - На самом же деле, единство будет обеспечено, как раз, благодаря тому, что эти три части будут приведены к своему полному раскрытию, так, как я обрисовал сейчас это в общих чертах, поскольку, ведь, человек как единство стоит внутри всех трёх этих членов. Он каким-то образом участвует в жизни духовного организма. Если у него есть дети, он интересуется духовным организмом через школу. Он как-то вписан в духовный организм своими духовными интересами. Поскольку, как совершеннолетний человек, он участвует в жизни демократической государственной системы, в своих поступках, в своей жизни он вносит в эту демократическую государственную систему также то, что он имеет в себе из духовного организма. Но то, что является общественным правом, общественной безопасностью, общественным благом и так далее, то есть, то, что касается каждого совершеннолетнего человека, - это развивается на почве единого государства. И в том настрое души, который развивается в непосредственном взаимодействии человека с человеком, он вступает, в свою очередь, в своей специальной области в хозяйственную жизнь, в которой люди связаны посредством различных ассоциаций, в которых он занят. То, что он имеет из духовной жизни, из государственной жизни, он вносит в хозяйственную жизнь, он оплодотворяет её этим, поддерживает, приносит право и духовность в эту хозяйственную жизнь. Сам человек образует единство между тем, что расчленено.

Мне часто возражали, что в таком случае можно было бы вернуться к тому, что в Древней Греции охватывало систему обеспечения питанием, военную систему и систему обучения⁹. Такое возражение только показывает, как поверхностно рассматриваются сегодня такие вещи. Поскольку речь идёт не о членении самих людей, не о разделении их на сословия, а о том, чтобы трёхчленной была внешняя жизнь в своих институтах. Как раз,

---

⁹Эта формулировка исходит от Эразма Альбера (Erasmus Alberus) (1500-1553), подобным образом это делает и Лютер; он резюмирует то, что Платон сказал о сословиях в Politeia; см. «финикийский миф», согласно которому Бог добавлял при рождении золото правителям (мудрецам), серебро - их помощникам, страже, а железо и руду - крестьянам и ремесленникам (Politeia, II Книга, 414, нумерация Стефана).

потому, что человек находится внутри такого трёхчленного социального организма, возможно прекращение существования всех сословий, возможно возникновение настоящей демократии. На это для каждого непредвзятого человека с внутренней необходимостью указывает, как раз, развитие современных государств.

Разве мы не видим, что они, с одной стороны, должны учитывать необходимый импульс к демократии, но затем, в свою очередь, позволяют удушать эту демократию тем, что, разумеется, исходя из духовной жизни, способный в демократической государственной жизни имеет больший вес, нежели менее способный? В вещах, которые касаются способностей, это совершенно правомерно, например, в духовной области. Напротив, собственно демократическая государственная система должна содержаться свободной и чистой от таких подавляющих влияний особо способных личностей, поскольку должна быть область, соответствующая основным требованиям современного человечества, в которой действительно только то, что в равной степени касается всех людей, достигших совершеннолетия.

В особенности хозяйственная область показывает, сколь невозможно допустить, чтобы оказывало влияние то, что человек в силу своей особой природы приобретает как способность в экономической жизни. Возможно, это даст ему экономическое превосходство. Но это не должно стать социальным превосходством. Им оно не будет, только благодаря тому, что то, что является экономической властью, что остается в экономической жизни, никак не может стать политическим, правовым превосходством. Всё, что сегодня привело, как раз, к карикатуре на так называемый социальный вопрос, было бы преодолено, если бы мы позволили экономической жизни стоять на своей собственной почве, а демократической - и потому честной и достойной - государственной жизни, на своей собственной основе. Государства нового времени своим развитием учат нас, как необходим разворот человечества к таким принципам. И поэтому позвольте мне, помимо исторических импульсов, которые необходимо принять, чтобы указать на эту идею трёхчленного социального организма, вначале немного охарактеризовать ещё, я бы сказал, два субъективных источника, которые много лет назад дали мне импульс трёхчленности социального организма.

Одним из источников является то, что с помощью духовно-научного познания, которое я выбрал для представления своего взгляда на жизнь, об определенных условиях человеческого развития можно говорить иначе, нежели, исходя из распространенного сегодня материалистического научного мировоззрения. Это распространенное сегодня материалистическое научное мировоззрение, собственно, не может привести ни к какому реальному познанию исторического становления человечества, поскольку то, что мы сегодня называем «историей», по сути своей является более или менее *Fable convenue*¹⁰. Сегодня мы обходимся с историей так, - а затем хотим из этой истории чему-то научиться в отношении социальных и политических задач настоящего, - что мы представляем себе, что последующее в человеческом становлении всегда является следствием того, что было раньше, а это более раннее, в свою очередь, является следствием ещё более раннего и так далее. Действительное, основанное не просто на аналогиях сравнение всего становления человечества со становлением отдельного человека могло бы излечить от этого заблуждения.

Когда я вижу, как развивается отдельный человек, я должен сказать: То, что у него выступает в первые годы жизни, в середине жизни, в конце жизни, представляется не просто так, что я могу говорить о причине и следствии. Я действительно не могу сказать, что человек, достигший тридцати пяти лет, органически пережил только то, что является следствием пережитого в двадцать или двадцать пять лет, а мы видим, что при развитии человека, из его организма, из всего его органического бытия поднимаются определённые импульсы развития, силы развития, которые проявляются в определённые эпохи времени совершенно особым образом.

---

¹⁰ *Fable convenue* - нечто выдуманное, что держат за правду (прим. пер.)

Это говорится в отношении отдельного человека, для него есть эпохи жизни: когда приблизительно на седьмом году жизни происходит смена зубов, мы обнаруживаем, - если, конечно, имеем орган для восприятия этого, - что изменяется вся душевная жизнь ребёнка, что ребёнок из подражающего существа превращается в существо, которое имеет потребность в определённом авторитете, чтобы ориентироваться на суждения человека, в то время как до этого он подражал. Явное преобразование душевной жизни происходит, в свою очередь, и при половом созревании. Можно заметить преобразование душевной жизни также и для последующих эпох, если, конечно, для восприятия этого есть орган.

Как для отдельного человека имеет место не просто причина и следствие, а происходит, как бы, выплеск развивающих сил из глубины его существа, так же происходит и для всего человечества. И объективно изучая историю, мы обнаруживаем, - отметим сейчас только одно, - такой переломный момент в развитии цивилизованного человечества нового времени где-то в середине 14-го или 15-го столетия. Тогда, как раз, мы и обнаруживаем тот переход, который из элементарной необходимости развития, собственно, и позволил появиться современному человечеству с его потребностями. О, есть большая разница между тем, что человек считает правильным для достойного бытия, начиная с этого 15-го столетия, и тем, что считал правильным средневековый человек.

Душевная история, - мы ею, собственно, ещё и не занимались, - такая, как она может выйти из духовной науки, репрезентантом которой является наша постройка в Дорнахе, позволяет взглянуть на то, что я назвал демократическим принципом, как на нечто выступающее в человечестве нового времени так же, как смотрят на особенности, которые выступают в отдельном человеке, скажем, в возрасте полового созревания. Благодаря такому взгляду на тот факт, что современное человечество совершенно иное и что во всём человечестве, так же, как и в отдельном человеке должны учитываться принципы их развития, возникает сила убеждения, что демократия есть нечто такое, что нельзя остановить, но что, однако, поскольку демократия есть то, что вырастает из самого элементарного человеческого существа, надо добиться трёхчленности социального организма, чтобы то, что может быть организовано демократически, всё же вступило в развитии человечества в свои права. Это одно, - духовно-научный взгляд на импульсы развития человечества. Другое - наблюдение фактов жизни народов.

Тут, правда, я могу дать вам лишь отдельные примеры. Но всё же интересно на этих отдельных примерах видеть невозможность того, чтобы новейшие отдельные образования, исходя из своего единства, пришли к какой-то действительно жизнеспособной социальной структуре. Для того чтобы показать это, необходимо лишь указать на отдельные примеры. Вы поймете меня, если я как не швейцарец не буду приводить именно Швейцарию в качестве очевидного примера. Я только должен отметить, что то, что уже произошло в такой значительной степени в отдельных европейских государствах, постепенно будет происходить и в других, и что это очень недальновидно, когда люди продолжают настаивать: Ах, у нас всё по-другому, нам не нужно заботиться о том, что происходит где-то ещё.

Я выберу, пожалуй, в качестве примера Восток Европы, Россию, и не только потому, что Россия, из-за своей сегодняшней судьбы особенно значима для рассмотрения, но и потому, что Россия, согласно практическим политическим суждениям ведущих английских политиков, является также страной, которая наиболее ярко показывает, как разыгрывающийся в национальной жизни, я бы сказал, эксперимент, должен показать, какие потребности и какие невозможности господствуют в современной жизни народов. Позвольте мне выделить лишь некоторое из сущности этого русского народа.

Там, в шестидесятых годах прямо в центре знакомого вам русского абсолютизма, возник странный институт земства. Земские собрания, где представители земской жизни, то есть, люди, стоящие внутри хозяйственной жизни или прочих областей жизни в отдельных районах, собирались на определенные собрания для того, чтобы, я бы сказал, по типу совета или чего-то в этом роде, кантонального совета, совещаться по этим вопросам. Россия шестидесятых годов была наполнена такими земствами. Они совершали, собственно, очень

плодотворную работу; они работали вместе с с чем-то другим, что является традиционным для России: мирскими организациями отдельных деревенских общин, своего рода принудительной организацией хозяйственной жизни деревни. Тут, во-первых, в русской крестьянской организации мы имеем старо-демократические традиции, а в появлении земства мы имеем нечто новое, определенно тяготеющее к демократизму. Но тут проявляется нечто очень странное. И это странное становится ещё более бросающимся в глаза, если мы рассмотрим другое явление, которое имело место в России до того, как мировая катастрофа всё уничтожила или представила в ином свете.

В России имело место то, что люди самых различных отдельных профессий ассоциировались друг с другом, и возникали ассоциации от профессии к профессии - образовывали ассоциации банковские кассовые служащие, банковские курьеры. Эти ассоциации, в свою очередь, объединились в более широкие ассоциации. Тот, кто прибывал в Россию, встречался, собственно, не с отдельными личностями, а повсюду, где он имел какое-то дело, наткнулся на такие ассоциации.

Всё это вписывалось в прочую государственную жизнь абсолютизма. Если мы теперь изучим эти земства, ассоциации и даже сами мирские организации, мы кое-что заметим. Конечно, эти организации распространялись также и на некоторые другие области жизни, школьные институты и тому подобное, но там они не достигали ничего особенного. Всякий, кто займётся непредвзятым изучением этих ассоциаций, - поскольку, ведь, земства формировались, в конце концов, не в корпорации, а собственно в ассоциации, хозяйственники на селе объединялись с теми, кто стоял на заре промышленной жизни, и так далее, - даже если всё это приобретало такой характер, что выглядело как общественные институты, в действительности мы имеем здесь дело с ассоциациями, и все они делали добро. Но то, что они делали, они делали, собственно, только на почве хозяйственной жизни. И мы можем сказать: В этой России проявляется то странное, что возникает некая органическая система, основанная на институте ассоциаций. Далее оказывается, что русское государство не знает, что делать с таким начинанием. Таким образом, мы можем сказать: в то время как необходимость раннего капиталистического развития, как оно выступает в России, ведёт к созданию хозяйственных организаций, последние, исходя из внутренней необходимости, должны ставиться рядом с политическими учреждениями.

Теперь, в 19-ом и начале 20-го столетия, в России выступает другая странность. Да, определённо, абсолютизм основывает свои школы; но эти школы являются ни чем иным, как отражением потребностей абсолютистской государственной жизни. Теперь в России развивается духовная жизнь, более интенсивная духовная жизнь, нежели в западной Европе. Но как должна развиваться эта духовная жизнь? В полной оппозиции, да, в революционном бунте против всего, что представляет собой существо русской государственности. Видно, что это, собственно, единое государство раскалывается на три члена, хочет расколоться. Но не может. Как раз, на примере того, что это государство переживает, оно показывает нам всю невозможность спрессовать эти три основные области человеческой жизни в единое государство.

Это я также могу вам сейчас представить лишь в общем. Если в деталях изучить, как затем эти три члена русской государственной жизни вошли в мировую войну, как из этой мировой войны развилось вначале действительно безличное правление Милюкова¹¹, как затем под Керенским¹², правда, развилось нечто, что можно назвать преобразованием абсолютизма в некий демократический институт, но ещё с полной верой во всемогущество единого государства, тогда, как раз, из этого можно видеть, почему правление Керенского через короткое время должно было пасть, почему это стремящееся к демократии русское

---

¹¹Павел Николаевич Милюков, 1859-1943, русский историк и либеральный политик; возглавлял министерство иностранных дел Временного правительства с марта по май 1917-го после падения царизма.

¹²Александр Ф. Керенский, 1881-1970; в 1917-ом году он возглавил новое правительство эсеров. Однако после неудачного летнего наступления на Центральные державы, приведшего к полному распаду русского фронта, в ноябре он был свергнут большевиками во главе с Лениным и Троцким.

государство оказалось несостоятельным для того, чтобы хотя бы коснуться важнейших вопросов, хозяйственного вопроса, аграрного вопроса, поскольку в этом аграрном вопросе ассоциации русской жизни таковы, что с ними разрушается то, что, исходя из старого абсолютизма, пытается сделать демократия.

Конечно, всё это проявляется также вполне определённым конкретным образом. Нельзя в этом увидеть всё сразу. Но всякий, кто непредвзято взглянет на это развитие России, на ввержение её в невозможную социал-демократическую структуру, поскольку единое государство раздроблено невозможностью объединения трёх областей жизни, увидит, что, как раз, этот пример из Восточной Европы является очень важным, и что те дальновидные английские политики, которые рассматривали Россию как поле, на котором, как в некоем мировом эксперименте, показывается ход событий человеческого развития, вероятно, правы.

С таких точек зрения можно было бы обозреть всю Европу, и везде было бы видно, как единое государство постепенно распадается. Даже если в каких-то областях оно ещё кажется прочным, оно распадётся, потому что не может справиться с правильным взаимодействием этих трёх областей человеческой жизни. Только посмотрите, как в новое время, когда, например, политическое чувство, политический настрой, полностью заполняет внутреннее существо человека, как это политическое чувство не может господствовать над экономической жизнью. В этом отношении хорошим примером является Франция. От своей революции в восемнадцатом столетии Франция сохранила то, что теперь является настоящим внутренним демократическим чувством, даже если это демократическое чувство сочетается с большим консерватизмом в отношении семейной жизни. Если даже многое в этом демократическом напоминает мещанское патриархальное, то всё же в глубочайшей сущности французского настроения стремление к демократизму является, пожалуй, если не самым чистым, то по крайней мере наиболее сильно выраженным среди европейского человечества. Это демократическое чувство пытается обрести форму, прежде всего, в государственной жизни. Именно, благодаря этому формированию демократического чувства во французской государственной жизни, последняя, с одной стороны, была абстрактно расчленена на свои департаменты; но эти департаменты были, в свою очередь, снова объединены воедино. Всё это как плод Французской революции.

В этой структуре французского государства достаточно рассмотреть только одно: положение префекта департамента, и можно увидеть, насколько неорганично политико-правовой, государственный элемент связан с хозяйственным элементом. Префект с определённой точки зрения является, собственно, ни чем иным, как исполнительным органом парижского правительства. Парижское правительство имеет, я бы сказал, в своих многочисленных руках префектов различных департаментов. Но префект департамента, в свою очередь, должен быть связан с группой хозяйственных интересов своего департамента. Так что, когда во Франции проходят выборы, понятно, что префект будет руководить этими выборами, но результат их будет такой, какой он мог бы быть, если бы зависел от того, как префект относится к группам этих хозяйственных интересов.

Таким образом, мы видим, как функционируют партии во Франции, которые имеют свой курс, вероятно, также свои партийные лозунги, но что значение этих партийных лозунгов означают гораздо меньше реальности, чем то, что вырастает из экономических интересов департамента. В этом отношении изучение отдельных фактов французской жизни необычайно интересно. Как раз, во Франции видно, как правильное взаимодействие правовых государственных и хозяйственных институтов не может превратиться в некую общественную истину, поскольку государственный элемент не может справиться с хозяйственным.

Я сам, так сказать, десятилетиями путём непосредственного наблюдения изучал то, что с необходимостью должно было привести к падению, скажем, Австрии. Эта Австрия не могла погибнуть иначе, как каким-то образом. Ведь, когда пришла новая демократическая жизнь, тогда что-то вроде демократии надо было привнести и в государственную жизнь, в эту государственную жизнь, которая имела, прежде всего, свою духовную структуру, причём из-

за множества входящих в неё народностей настолько многообразную, что в Австрии было, собственно, тринадцать официальных языков, а, с другой стороны, сложнейшую хозяйственную жизнь, которая с одной стороны была обращена на Восток, а с другой стороны - к Германии и западной Европе, Италии и так далее. Таким образом, когда теперь нечто демократическое должно было войти в эту австрийскую государственную жизнь, это было организовано так, что сформировался некий Рейхсрат (Reichsrat), имперский совет. В этот Рейхсрат избирались четыре различные секции: курия торговых палат, курия крупных землевладельцев, курия городов, рынков и индустриальных мест и курия сельских общин. Если вникнуть в суть: в австрийский парламент были избраны сплошь представители экономических интересов, там они должны были формировать государство. Разумеется, они не делали ничего другого, как преобразовывали экономические интересы в государственные, и поэтому от действительного государства не возникло вообще ничего, а возник некий конгломерат экономических интересов, против которого затем восстала духовная жизнь различных наций, нечто, что, исходя из внутренних причин, должно было склоняться к своему расщеплению.

Мы можем наблюдать и другое, что является, однако, намного более интернациональным и универсальным, и мы тоже увидим, как всё, что рассматривается в новейшей человеческой жизни беспристрастно, имеет тенденцию к этой трёхчленности. Возьмите самое бросающееся в глаза из того, что появилось, возьмите, я специально не говорю социальный вопрос, а говорю социал-демократический вопрос.

Ведь, в России, поскольку старая государственная жизнь, когда она хотела демократизироваться, разделилась из-за невозможности объединить три области жизни так, как хотелось бы с точки зрения демократического взгляда на государство, - в России оказалось, что над русским народом нагромодилось нечто совершенно чуждое, и что то, что развивается теперь в России, само собой разумеющимся образом является тем, что неизбежно должно вести социальную жизнь, которой это касается, к гибели. Чего социал-демократия, социалистическое течение, базирующееся на марксизме, может добиться на практике, прежде всего для той демократии, в которой действительно нуждается самое сокровенное человека, как раз, показывает печальное состояние сегодняшней России, о котором уже сообщалось, что идеалы верующих в такие изменения рабочих осуществились таким образом, что теперь, под давлением обстоятельств, необходимо заменить восьмичасовой рабочий день на двенадцатичасовой, что вместо обычной организации, в которой рабочий надеется обрести свободу, создается военно-трудовой режим, который обещает быть гораздо более тираническим, чем когда-либо был прусский военный режим. Это плоды ленинизма, троцкизма!

Они и не могут быть другими. Они показывают, только самым радикальным образом, как из этого пролетариата, - поскольку, ведь, нынешняя русская власть среди многих миллионов русского народа охватывает лишь пару миллионов индустриальных рабочих, и, по сути, там сегодня наблюдается тирания немногих миллионов индустриальных рабочих, - развилось социал-демократическое движение. Благодаря чему оно развилось? Да, мы можем сказать: эта социал-демократия, которая особенно характеризуется тем, что она всю жизнь человечества выводит только из экономического производства, что всю духовную жизнь она рассматривает только как идеологию, как нечто, поднимающееся, как пар, над экономическим производством, - эта социал-демократия, как она могла возникнуть?

Эта социал-демократия, стоящая под марксистским влиянием, - я, разумеется, не имею в виду здоровый социализм, - это, собственно грех буржуазного течения, возникшего в Новое время, я мог бы также сказать, результат греха буржуазного течения. Поскольку, если вы посмотрите вокруг, если вы проследите развитие всего цивилизованного мира в Новое время, как я показал это на двух примерах, Франции и России, вы везде увидите: экономическая жизнь стала такой, что на ней отложила свою печать техника, которая оторвала человека от его прежней связи с профессией, поместила его к абстрактной, безразличной машине, в

безразличную фабрику, - и пролетариат, по сути, не узнал ничего иного, кроме экономической жизни.

В новейшее время необходимо было этот становящийся всё больше и больше пролетариат поместить в некую социальную структуру. Из того, что было привнесено в человечество историческим развитием, нельзя было приобрести нечто такое, посредством чего можно было бы выдумать единую структуру для тех, кто является руководителями в хозяйственной жизни, в духовной жизни и так далее, и для тех, кому приходится работать руками. На развитие новых сил из старых, как бы, махнули рукой. Из старых княжеских государств не возникло действительных учреждений, которых бы несла демократия. Таким образом, надо сказать, что то, чем, собственно, является современная социал-демократия, возникло благодаря тому, что правящие сословия, ведущие люди в истории Нового времени не смогли справиться с тем, что принесла с собой хозяйственная жизнь. А именно, организация государств осталась такой, что она не смогла охватить постоянно разрастающуюся хозяйственную жизнь. И это проявляется, как раз, в неспособности справиться с тем, что возникло в человеческих душах с возникновением пролетарского, - в том факте, что из того, что можно было бы себе представить в отношении государства, для возможной структуры социального организма не могло выйти ничего плодотворного.

И так можно было бы упомянуть ещё о многом, что показало бы вам, что действительно из того, что доступно наблюдению, следует необходимость постановки трёх главных областей жизни человека и человечества, каждую, на свою собственную почву.

Об этой необходимости, конечно, можно было говорить и до начала этой ужасной катастрофы, до того, как так в последние четыре-пять лет ясно проявились разрушающие силы. Но я не думаю, что во время до 1914-го года, когда люди жили только иллюзиями относительно того, что ощущалось как мощнейший подъем новейшего человечества, это человечество можно было бы как-то привлечь к пониманию этой необходимости. Теперь пришло время, когда люди нуждаются не только в теоретическом доказательстве наличия такой необходимости, но когда государства, особо столкнувшиеся с опасностью такой унитаризации, будут сметены в своем старом виде и поставлены перед необходимостью строиться заново.

Мы видим, как восточное прежнее русское государство было расщеплено перед необходимостью выстроить себя заново, но оказалось бессильным сделать это нужным образом, когда позволило овладеть собою тому, что никогда не могло вырасти из собственного народа, что было натянуто на этот народ в виде общего социалистического шаблона, применимого ко всему. И мы видим, например, в Германии, где неудачная революция, революция ноября 1918-го года, действительно позволяет видеть многое, - как из тамошних обстоятельств возникает только хаос, настоящий хаос. И самое бросающееся в глаза, я бы сказал, собственно разрывающее сердце в жизни сегодняшней Германии то, что повсюду, где можно встретить людей и поговорить с ними об общественных делах, эти люди показывают себя совершенно беспомощными. Почему же они показывают себя беспомощными? По той простой причине, что в душах людей прочно укоренился догмат о едином государстве, потому что ужасных учений последних четырёх-пяти лет было ещё недостаточно, чтобы люди искоренили из себя этот догмат. Я спрашивал некоторых отдельных людей, как так произошло, что они настолько погружены в сон, что никого невозможно привлечь к чему-то позитивному в направлении строительства. Люди спокойно признавались: Да, мы так-то и так-то долго были в окопах, мы не знали, будем ли мы ещё живы через неделю, нам уже постепенно становится всё равно, останемся ли мы ещё живы через неделю; так почему же нас должно заботить то, какие социальные учреждения возникнут за эту неделю? Люди погружаются в такое душевное настроение. И так говорили многие, действительно не просто кто-то один.

Конечно, обстоятельства времени многое объясняют, но чем-то большим, чем-то более значительным является историческая, чисто человеческая необходимость. Тут есть только или-или. И я полагаю, что и здесь уже можно было увидеть то, - поскольку действительно не

за горами условия, подходящие для того, чтобы обрушить свои волны на всю Европу, - что необходимо увидеть: то, что невозможно содержать в единстве эти три области жизни, духовную, государственную и экономическую. Надо увидеть необходимость постановки каждой из этих трёх областей на своё собственное основание.

Я очень хорошо знаю, сколько возражений можно привести против этой трёхчленности, исходя из старых воззрений. Но кто рассматривает текущую мировую ситуацию так, как её на отдельных примерах пытаюсь я, тот скажет себе: От всех других, более утопически окрашенных предложений, это предложение трёхчленности социального организма отличается тем, что оно не даёт какой-то программы, что оно не выступает с претензией на всезнание, а оно говорит: Если люди социально расчленили свою жизнь так, что их лучшее самостоятельно будет проявляться в свободной эмансипированной духовной жизни, то, в чём все совершеннолетние люди равны, будет проявляться в самостоятельной демократической государственной жизни, то, что должно развиваться, исходя из экономических оснований, будет проявляться в самостоятельной хозяйственной жизни, то, как раз, благодаря тому, что люди будут призваны к некой социальной деятельности, появится нечто вроде решения социального вопроса.

Поскольку я не думаю, что кто-нибудь, знающий жизнь, может согласиться с тем поверхностным взглядом, что социальный вопрос есть нечто такое, что возникло вчера, для чего надо только иметь какие-либо идеи или сделать какие-либо выводы из жизни, чтобы составить какую-то программу, и тогда социальный вопрос будет решён. Таких микстур много. Но импульс трёхчленности социального организма стоит не на этой почве всезнания. Он пронизан убеждением, что, хотя социальный вопрос и возник, его всё же вообще нельзя решить с сегодня на завтра или чем-то отдельным: он всегда останется в будущем, он всегда будет пронизывать нашу жизнь, и решение может состоять только в создании таких структур, которые постепенно будут вновь и вновь преодолевать новые, ежедневно возникающие проблемы. Вся жизнь в будущем будет состоять в том, что она будет являться каким-то видом решения социального вопроса.

На то, что будут работать отдельные люди, имея возможность естественным образом работать и выносить свои суждения в трёхчленном социальном организме, - на это надеется импульс для трёхчленности в том, что можно было бы назвать решением социального вопроса. Он не хочет решать социальный вопрос теоретически, он хочет дать людям возможность решить социальный вопрос во взаимодействии друг с другом, в совместном его решении. Но даже то, что можно выдвинуть как предложение, - сегодня я смог вам дать только набросок, - эту характеристику трёх областей социального организма, даже это никак не рассматривается носителями этой мысли как нечто, что могло бы быть какой-то догмой. Это единственное, что я хотел бы: чтобы это обсуждалось, чтобы как можно больше людей прониклись тем, чему учит необходимость сегодняшнего дня, чтобы из лучших сил человеческого существа делалось то, что может привести к созиданию.

Если со всех сторон будет вместе действовать такое количество доброй воли, то может возникнуть плодотворная дискуссия. А возникновение такой плодотворной дискуссии - это, собственно, то, что так важно для носителей мысли о трёхчленности социального организма. Если они верили, что не могли выступить до того, как разразилась нужда мировой катастрофы, - то теперь у них есть некоторый оптимизм; правда, я бы сказал, печальный оптимизм: что учителем должна стать эта постоянно растущая нужда, что, именно исходя из этой нужды, люди должны будут признать, что нечто подобное тому, что хочет выразиться сегодня, - я даже не хочу сказать, в том содержании, которое мы можем дать об этой идее трёхчленности социального организма, но в том импульсе, который мы хотим придать публичной дискуссии посредством этой идеи, - что такие вещи могут быть восприняты всерьёз. Всё ещё постоянно распространяется над европейским человечеством, вообще над современным цивилизованным человечеством, нечто вроде душевной заспанности, и даже если те, кто сейчас активно участвует в движении за трёхчленность социального организма,

уже сделали то или иное, исходя из своих убеждений, они знают: настоящее ещё только произойдет, когда достаточно большое количество людей займётся деталями этого дела.

Мы уже имели возможность в Вальдорфской школе в Штутгарте, основать свободную школу, где дети в возрасте между шестью, семью и четырнадцатью, пятнадцатью лет, в имеющей восемь классов начальной школе (Volksschule) обучаются, согласно принципам свободной духовной жизни, так что они вырастают в социальный порядок, исходя из этой свободной духовной жизни. Мы испробовали в этой области самые различные вещи, принимая во внимание также и хозяйственные, где мы хотели попытаться, с точки зрения трёхчленности, ввести различные области хозяйственной жизни, организовать и финансировать их с этой точки зрения; поскольку это, возможно, могло оказать убедительное действие в качестве примера, образца. Но для того, чтобы этот пример смог действовать в достаточной степени, для того, чтобы он вообще смог возникнуть, прежде всего необходимо было, чтобы в дискуссии относительно того, что, собственно, хочет импульс трёхчленности социального организма, принимало достаточно большое количество людей.

К этому и ни к чему другому я хотел бы вас немного подвигнуть, правда, в виде самых общих рассуждений, которые я мог представить за это короткое время сегодняшним вечером.

Следует дискуссия, в которой обсуждались различные вопросы, и высказывались различные возражения в отношении содержания лекции.

Заключительное слово

Собственно, я должен признать, что никаких реальных возражений не было. Я прекрасно понимаю, что относительно того, что я сказал сегодня вечером, можно поставить самые разные вопросы, и я полагаю, что невозможно в часовой лекции ответить на такой вопрос настолько исчерпывающе, что после этого нельзя будет задать ещё сотни и тысячи, а может быть, и больше вопросов. Поэтому я хотел бы сделать лишь несколько замечаний, которые, вероятно, вместо того, чтобы дать ответы на различные вопросы, на что, ведь, действительно потребовалось бы несколько дней, смогут, по крайней мере, что-то прояснить.

Во-первых, относительно того, что в конце сказал господин ведущий, что нет никаких ясных формулировок относительно того, что, собственно, эта трёхчленность хочет. Видите ли, в моей книге «Основные пункты социального вопроса» я попытался, насколько это было возможно, когда речь идёт о таком движении, которое, по сути, стоит лишь в самом своём начале, обсудить некоторые из этих проблем, например, уже представленную проблему циркуляции средств производства, которую я поставил на место неосуществимого обобществления средств производства, и так далее. В «Основных пунктах социального вопроса» вы найдёте больше таких подробностей, чем, возможно, предполагается. Я должен постоянно подчёркивать: То, как я понимаю этот импульс трёхчленности, он черпался, собственно, из всей полноты жизни, а эта полнота жизни имеет, собственно, измерения не только в двух направлениях, но и всегда также измерения в глубины, и тут не так-то просто придать абстрактным формулировкам какие-то контуры, как это, вероятно, хотелось бы, потому что сначала, конечно, должны быть разработаны отдельные проблемы. Я прошу всё же учитывать, что это движение стоит в самом своём начале, и что в конце моего сегодняшнего реферата, если его так можно назвать, я был, собственно, призван, как раз, к дискуссии. Я думаю, что что-то действительно плодотворное выйдет только из дискуссии.

Теперь я хотел бы всё же коснуться отдельных вопросов, по крайней мере в общих чертах. Существенное недопонимание между господином Доктором S. и мною возникло, как раз, потому, что я, ведь, не говорю, как это понял господин Доктор, о трёх парламентах. Я вижу существенное этой трёхчленности, как раз, не в том, что надо разделить сегодня единый парламент на три части, а в том, чтобы парламент в сегодняшнем смысле остался только для того, что может быть администрировано и, соответственно, ориентировано демократически, а обе другие области, как раз, управлялись бы не парламентским образом, а

управлялись бы тем, что соответствует им самим. Мне очень трудно обсуждать эти конкретные вещи в абстрактных понятиях. Поэтому я хотел бы дать ответ не сразу, а, как бы, выстраивая его постепенно.

Как раз, при создании Вальдорфской школы мне пришлось снова обстоятельно заняться всем тем, что, я бы сказал, является, как бы, срезом: результатом государственного управления системой образования. Не правда ли, эту Вальдорфскую школу я должен был компоновать с двух сторон. Одна состояла в том, чтобы положить в основу то, что, как я полагал, давало бы импульс вальдорфской школе просто из требований самой духовной жизни. С другой стороны, конечно, я не мог строить из воздуха. Это значит, я должен был создать школу, которая позволяла бы ученикам, покидающим её, например, в возрасте четырнадцати лет, или, скажем, в промежутке цикла, включиться в другую школьную жизнь. Поэтому я должен был, разумеется, заняться учебными планами. Тут я, естественно, столкнулся прежде всего с [государственными] учебными планами, - я приношу свои извинения, что должен углубляться в совершенно конкретные вещи, но я думаю, так вы поймёте меня лучше. Это учебные планы представляют собой установленное государством описание учебного материала, учебных целей и так далее. Другое дело, когда учитель как педагогический и дидактический художник может обучать тому, что должны получить дети с семи до четырнадцати лет, исходя чисто из сущности человека. Я убежден в том, что цели обучения для каждого года можно прочитать в самом развивающемся человеке.

Теперь я хотел бы, чтобы цели обучения ставили те, кто стоит внутри живого обучения, а не те, которые выбираются и становятся государственными служащими, которые таким образом переходят от живого обучения к демократии. То есть, я хотел бы, чтобы тем, что включает в себя духовную жизнь, управляли те, кто ещё находится внутри, кто созидает эту духовную жизнь. Таким образом, важно то, чтобы вся структура управления строилась на основе устройства самой духовной жизни. Не правда ли, мне, например, ещё сегодня приходится делать распределение, чтобы дети, окончившие три класса, имели возможность присоединиться снова, - чтобы иметь свободу в промежутке, - чтобы через последующие три года, в возрасте двенадцати лет, снова иметь возможность присоединиться. То есть, мне надо соответствовать внешнему.

Это сущность трёхчленности. Она повсюду стоит на реальной почве, должна повсюду работать, исходя из реального основания. Но если у тебя есть реальная почва, то тогда нет чего-то неопределённого. Духовная жизнь всё же есть, у неё всё же есть администрация, просто благодаря тому, что кто-то находится в одной позиции, а кто-то - в другой. Просто в этом отделении духовного от государственного я хотел бы, чтобы эта администрация формировалась иерархически, и я знаю, - разумеется, это нечто такое, что сейчас так быстро пояснить нельзя, - что иерархическая администрация полна различных несовершенств. Я знаю о том, какие возражения будут выдвинуты особенно доцентами, но может быть для таких переходов иногда даже необходимы большие несовершенства, чтобы прийти к совершенному, но здесь речь идёт о том, чтобы постепенно, исходя из чисто педагогических и дидактических и прочих условий духовной жизни, сформировать чисто дидактический орган духовной жизни, который управляется так, как это необходимо, исходя из фактов, - что, правда, только несколько абстрактным образом напоминает «республику учёных» Клопштока¹³, - и что нечто подобное в области духовной жизни действительно возможно, если только иметь добрую волю.

Я думаю, что тогда окажется очевидным, - позвольте мне здесь в качестве примера упомянуть нечто конкретное, - что педагогика, осуществляемая в соответствии с установлениями высшей школы, относится к наихудшим до сих пор дисциплинам, по крайней мере, в Центральной Европе. Как правило, ее навязывали какому-нибудь педагогу, который использовал её во вспомогательном предмете. В такой же республике учёных тот,

---

¹³В своей книге 1774-го года «Gelehrtenstaat» Клопшток (Klopstock) представил идею союза всех немецких писателей по образу друидского государства, «свод законов» которого должен был состоять из поэтики, разработанной Клопштоком.

кто проявит свою старательность, может быть отозван на три года, может преподавать педагогику, а затем вернуться к своему предмету.

Что же касается внешней организации, то я должен сказать, что до сих пор с нашей коллегией учителей в Вальдорфской школе в Штутгарте всё шло прекрасно. В самом начале там возник вопрос: Кто будет директором? - Разумеется никто: у нас есть равноправные учителя во всех классах, и один из-них, имеющий несколько меньше часов, чем другие, заботится об административных вещах. При этом уже заметно, что старательные учителя пользуются определённым авторитетом, естественным авторитетом, и формируется определённая иерархическая система. Но это не требует ответа на вопрос, который задавал господин главный судья L.: Кто отдаёт приказы? - а это происходит само собой. Я, конечно, уберегу себя от называния имён; но это происходит. Таким образом, в области духовной жизни ...

Как родители вмешиваются в работу учительской коллегии? Это, ведь, диктатура!

Профессионально-объективно! Конечно, по мне, это можно называть и диктатурой, - названия мне не важны. Это диктатура настолько, насколько решение принимает не отдельный человек. Раз, вы ученый, вы это легко поймете, если я скажу: правильности теоремы Пифагора не мешает то, что решает «диктатура», поскольку в этом есть определённая необходимость.

А что с религиозным обучением?

Тут речь идёт о том, что некоторые теоретические вопросы теперь переходят в дидактические. Что же касается религиозного обучения, как оно организовано в Вальдорфской школе, - при этом я не хочу сказать, что оно всегда будет так организовано, поскольку, вероятно, и там будет происходить развитие, - то речь идёт о том, чтобы оно было прежде всего, скажем, подходящим, или что-то в этом роде, чтобы, например, то, что я смог дать как педагогический и дидактический курс, выражалось только в методике, не в мировоззрении, а в проведении урока. Ни в коем случае Вальдорфская школа не должна быть школой мировоззрения. Этого можно было достичь только благодаря тому, что все мои предписания (Einrichtungen) относятся к педагогическо-дидактическому и оттуда работают. Дети родителей-католиков получают католическое религиозное обучение, дети родителей-протестантов получают протестантское религиозное обучение от своих, соответственно, католического и протестантского пасторов. Но имеется также большое количество пролетарских детей, а также детей антропософов, которые потребовали свободное религиозное обучение. И дети, чьи родители потребовали свободное религиозное обучение, получают от нас свободное, выходящее из наших убеждений религиозное обучение. Таким образом, в этом вопросе решает чувство истины в соединении с определёнными социальными движущими силами.

Конечно, в процессе становления вещи выглядят иначе, чем через какое-то время. Но, как раз, практика показывает, что можно двигаться вперёд без парламента для духовной области. Поэтому я не могу согласиться с «тремя парламентами», не могу ответить на вопрос, «если бы у Керенского было три парламента». . .»; в том-то и дело, что он должен был решить аграрный вопрос в своем парламенте и не сумел этого сделать. Например, я не вижу никакой причинной связи между трёхчленностью и тем, что было раньше, я просто хотел обратить внимание на то, что то, что было раньше, потерпело неудачу в трёх областях жизни, которые я не могу принять за две или четыре, или даже больше, потому что их всего три.

Доктор S.: Я это возражение серьёзно и не рассматривал.

Доктор Штайнер: Я так и понял! Я спрашиваю себя теперь, после того, как государству не удалось создать три парламента, которые оно формировало, как можно продвинуться вперёд посредством нового начала, не посредством причинной связи, хотя при этом должно остаться то, что хорошо. Вы видите, в том, что вы сказали, уже содержатся элементы ответов на ваши вопросы. Я не желаю никакого парламента и в области экономики; ради бога, никакой демократии в экономической области! Но не иерархический, а исходящий из самой вещи порядок.

Но эти области теперь расположены не просто рядом друг с другом, а, если вы прочтаете мои «Основные пункты», то найдете, что циркуляция средств производства по существу определяется также тем, что определено в духовном, так что духовное оказывает прямое влияние на хозяйственное. И, таким образом, очень многое в хозяйственной жизни, относительно его положения, определяется духовной организацией. Я хочу сказать, что, ведь, в духовной организации также будет идти речь о том, способен ли человек к тому или иному и имеет ли он для этого соответствующее образование; от этого зависит то, на какую хозяйственную позицию его можно поставить.

Это, конечно, должно происходить в совместной деятельности хозяйственного и духовного. Благодаря тому, что он способен к тому или иному, он будет подчинён кому-то другому, кто занимает какую-то другую позицию. Из этого не развивается иерархическое, и, в определённом смысле, также бюрократическое. Любой бюрократический парламент для хозяйственных институтов ведёт лишь к их уничтожению. Таким образом, существенным для меня является то, как организованы эти три члена, и потому нельзя сказать: каждый будет находиться в трёх парламентах; есть только один парламент, в котором может находиться каждый, который опирается только на способность суждения каждого совершеннолетнего человека. То есть, чтобы выделить самую важную область, скажем: все правовые вопросы. Правовые вопросы действительно таковы, что они, по меньшей мере, лежат в интересах каждого достигшего совершеннолетия человека, и, я бы сказал, разумеется, один достигший совершеннолетия человек обладает, как это было бы в идеале, не такими же способностями, как другой достигший совершеннолетия человек. Но зато, определенное среднее арифметическое всё же даёт соответствующее, относительно правовых вопросов. Тут надо было бы перейти к теории обоснования права вообще. Право основано, собственно, не на суждении, а на чувстве, на привычках, возникающих в результате взаимодействия живущих вместе людей. Об этом можно судить, когда об этом судят принадлежащие друг другу люди. Я не думаю, господин Доктор S., что отдельные люди нуждаются поэтому в нахождении верного права, но вместе они его найдут. Это делает демократия. Я вижу гораздо более важное во взаимодействии, нежели в отдельной личности. Таким образом, я хотел бы иметь достигших совершеннолетия людей в демократическом парламенте, и пусть они решают там преимущественно правовые вопросы, но по праву также и о благотворительных социальных учреждениях, поскольку там также может решать каждый, достигший совершеннолетия человек; но, разумеется, не о многих предметных и профессиональных вещах.

Теперь, восьмичасовой рабочий день, который является тем, что для трёхчленности социального организма вообще не может рассматриваться серьёзно, поскольку, что, собственно, значит восьмичасовой рабочий день? Должен без хвастовства признаться, что большую часть года я работаю намного больше восьми часов и ни в коей мере не нахожу это чрезмерным, и я не думаю, что можно установить такой восьмичасовой рабочий день без ущерба для нашей действительной социальной жизни. Поэтому в моих «Основных пунктах социального вопроса» вы найдете, что всё, что относится к рабочему времени, определяется в рамках демократического государства, и на основе этого затем заключаются договоры о распределении дохода, - не трудовые договоры, а договоры о распределении доходов между тем, что я называю руководством работ, и тем, что я должен называть рабочим.

То есть, в правовом парламенте?

В правовом парламенте определяется время и род работы. Здесь работник физического труда точно такой же, как и духовный работник, поскольку духовный работник не может отстаивать свои интересы. Можно, имея добрую волю, понимать друг друга, но нельзя предъявлять никаких требований, касающихся самой экономической жизни, нельзя регулировать экспорт и импорт по парламентским законам, а это надо изучать, исходя из экономических условий, исходя из предметно-профессиональных знаний. Благодаря тому, что я нахожусь в производстве двадцать лет, я имею и другой моральный кредит у своих ближних, по сравнению с тем кредитом, который я имел бы, находясь там всего год. В демократической жизни не важно, что я нахальный выскочка двадцати одного года, для того, чтобы судить о чем-то. В экономической жизни важно просто то, что учитывается жизненный опыт. Это просто необходимо для блага человечества.

Я намеренно задал вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Если бы был четырёхчасовой рабочий день, что может делать руководитель? Меня совершенно не волнует восьмичасовой рабочий день. Я тоже работаю больше. Я имею в виду регулирование рабочего времени.

Хорошо. Дело в следующем: Если демократический парламент вынесет решение о четырёхчасовом рабочем дне в хозяйственной жизни, то этого четырёхчасового рабочего дня будет либо достаточно для ведения хозяйства, либо недостаточно. Не правда ли, тогда речь пойдёт о том, чтобы каждый своим соответствующим совершеннолетию разумом осознавал, - перемена, кстати, тоже должна быть произведена демократически, - что перемена происходит демократическим путём, а не каким-то другим, не тем, что обладающий большей экономической властью может оказать какое-то давление. Таким образом, то, что является правовыми отношениями экономической жизни, принадлежит демократическому парламенту. Но, что такое экономический вопрос, и что такое не экономический вопрос? Можно сказать: Можно ли вообще отделить духовную жизнь от хозяйственной жизни? - Здесь правильно поставили вопрос о деньгах: всё что-то стоит. Вот почему в хозяйственной жизни я вижу ассоциации, возникающие из отдельных переплетающихся отраслей хозяйственной жизни, из смежных и не смежных отраслей, производства, потребления и так далее. Подробное описание этого увело бы нас слишком далеко.

Важно тут следующее: Различные люди, принадлежащие к духовной жизни, которые в своём управлении этой духовной жизнью являются тем, что я описал для духовной жизни; как участники хозяйственной жизни они образуют хозяйственных потребителей и являются членами, ассоциациями, которые принадлежат хозяйственному организму. Что я разделяю, - это жизнь; это не абстрактное разделение на три организма, а это жизнь, которая становится разделённой. Не правда ли, духовная жизнь действительно управляется иерархически, но экономическая жизнь всех тех, кто работает духовно, в хозяйственной жизни находится внутри ассоциаций. Так что в своём хозяйствовании учителя и так далее – также однозначно хозяйствующие субъекты, хозяйственные организации. И таким образом различные вещи действуют фактически через друг друга. И это, ведь, действительно можно проследить только в деталях; как, в конце концов, если вы хотите представить химию, вы не всё можете представить в одном уроке, а вы должны указать на то, что затем должно быть проделано по отдельности.

Но то, - чтобы ответить на вопрос главного судьи L., - что легче на определённые вопросы ответить просто достигшему совершеннолетия человеку, чем заниматься фактическими вопросами, это, я думаю, в конечном счёте очевидно. Некоторые социалисты - которые сегодня стали появляться действительно уже не десятками, а в шокирующем количестве, не так ли, когда им снова дали слово в Германии, - некоторые социалисты представили себе, как можно организовать отдельные отрасли и так далее, применяя то, чему они научились как политические агитаторы, к экономической жизни. Это, ведь, большое несчастье в сегодняшней политической дискуссии, что люди получили некоторую

подготовку, собственно, только в чисто политической борьбе, в выборах и так далее, но включиться теперь в хозяйственную жизнь не могут.

По сути, социалистические агитаторы в большинстве своём не имеют никакого понятия о хозяйственной жизни, а тем более об условиях хозяйственной жизни. Так возникли самые различные утопии относительно того, как можно структурировать то или иное. Я хочу, например, упомянуть о том, как отрасли промышленности, имеющие дело с тонким, мельчайшим соединении совершенно разных вещей, должны справляться со своим экспортом, если они должны быть организованы в соответствии с плановой экономикой Мёллендорфа¹⁴ или чем-то подобным. Здесь важно управлять определёнными вещами хозяйственной жизни не государственным образом, а, исходя из них самих.

Характерно, например, когда говорят: Сегодня школу выводить из государства нельзя, это никому не понравится, а в социалистическом государстве в этом уже не будет необходимости. - Тот, кто знает действительные обстоятельства, царящие в человечестве, а не те, что бродят в головах политических агитаторов, должен сказать себе: в социалистическом государстве это, как раз, и было бы необходимо! Тогда, прежде всего, было бы необходимо для блага людей, хотя бы школу убрать из того, что в этом социалистическом государстве, как оно представляется марксистам, предназначено для человечества.

Таким образом, я собираюсь, если имеется добрая воля, углубиться, как раз, в детали, - мне уже надоело постоянно отвечать на вопрос о трёх парламентах, - представить трёхчленность именно предметно, а не просто так, чтобы иметь просто три группы людей, три дома рядом друг с другом; это будут действительно не три дома. Если я буду правильно понять, то, вероятно, окажется, что в конкретных решениях, которые я уже приводил для отдельных вопросов, уже можно будет обнаружить решение для других, которые я ещё дам, если проживу ещё некоторое время, - для меня было бы, конечно, лучше, если бы их дали другие, - в общем, можно будет разобраться.

Здесь я хотел бы снова подчеркнуть: здесь не может идти речи о каком-то всезнании, а речь идёт о том, чтобы попытаться без всяких утопий определить то, что должно произойти, вплоть до деталей, исходя из того, что эти три области жизни имеют совершенно различные жизненные условия, и что, когда люди будут так взаимодействовать в этих трёх областях жизни, - то есть, не просто парламентским образом, количественно, а качественно, - то только тогда эти конкретные определения будут даны правильно.

Точно так же я должен сказать: Для меня эта трёхчленность социального организма определена так, что эту определённость я хотел бы сравнить, конечно, *cum grano salis*¹⁵, с определённостью теоремы Пифагора. Её тоже нельзя доказать везде, во всех случаях, но можно доказать, что в ней можно нуждаться. Трёхчленность не нужно абстрагировать от всякого отдельного, она применима к любому отдельному, в данном случае применима практически, когда в трёхчленном организме государственная, хозяйственная и духовная жизнь будут организованы таким образом, - будет достигнута и практика.

Ответы на, конечно, очень далеко ведущие вопросы господина главного судьи L. заняли бы слишком много времени; но, я думаю, всё же очевидно, что здесь повсюду речь идёт о том, чтобы исходить из конкретной конфигурации действительности, и что поэтому с абстрактными ответами было бы чрезвычайно сложно, поскольку мы хотим оставаться, как раз, в рамках полной действительности. Я хотел бы ещё вернуться к следующему: я нахожу также чрезвычайно интересным, что во французском народе поднялся, как раз, синдикализм, и я считаю, что лучше всего решить этот вопрос, изучая обобществление. Очень интересно изучать различные нюансы английского и французского социализма. Английский социализм, является, по сути, ослабленным капиталистическим методом. Он, собственно, представляет

---

¹⁴Wichard von Möllendorff (Вихард фон Мёллендорф), 1881–1937 гг.; Заместитель статс-секретаря в имперском экономическом управлении. Он разработал план национального достояния, который был отклонен Национальным собранием. Он изложил свои идеи в: «Консервативный социализм», сборник очерков 1913-1922 годов, Гамбург 1932.

¹⁵Cum grano salis («с крупицей соли») - латинская идиома (прим. пер.).

собой исключительно то, что действует в капитализме. То есть, чисто экономический элемент в английском рабочем вопросе в целом сосредоточен только на интересах рабочего; но это вышло не совсем, так что английский социализм имеет экономически-оппортунистический оттенок.

Немецкий социализм воспринял марксизм с военной прилежностью и военным организационным духом, и потому приобрёл вид жёсткой военной организации. И тот, кто, как я, работал в рабочей образовательной школе, полностью выросшей из социал-демократии, был выброшен из-за своей не-марксистской ортодоксии, то есть, из-за своего не-марксизма, со словами: Не свобода, а разумное принуждение, - тот может судить об этом. Немецкий социализм, по сути, является тем, что полностью находится в том же духе, что и дух, вызвавший прусский милитаризм.

Французский синдикализм всё же является тем, - действительно, не желая ничего сказать в пользу какого-либо народа или что-то навесить на немцев, - что я должен видеть, благодаря его ассоциативному характеру, как лучшее начало, как раз, к тому, что я представляю себе как ассоциацию в экономической жизни. И, как раз, когда я сравниваю его с английским и немецким социализмом, то я вижу, что он всё же исходит из того же самого, что я пытался охарактеризовать, - из демократического настроения. Это две стороны; одна сторона проявилась среди буржуазии, другая - среди рабочих. И то, что среди буржуазии формировалось более капиталистическим и прибыльным образом, среди рабочих получило форму синдикализма. Это лишь лицевая и оборотная стороны.

Таким образом, я думаю, что эти три различных нюанса социализма, английский, французский и немецкий, связаны с качествами этих народов.

И тут приходят тогда к вопросу, который я считаю чрезвычайно важным. А именно, нельзя исходить из общего социализма и не надо верить в то, что есть какой-то абстрактный социализм, а надо спросить: как следует обходиться с каждым народом, исходя из его собственной сущности? - И тот, кто исходя из западноевропейских наблюдений, ещё вынашивая их здесь, в Швейцарии, приходит в Россию и навязывает русскому народу что-то совершенно чуждое, тот, собственно, уничтожает то, что могло развиваться из русского народа. - Но, как я уже сказал, сегодня можно решить уже не все социальные вопросы.

Выступление по случаю визита Ассоциации швейцарских граждан для осмотра здания в Дорнахе

Дорнах, 18 апреля 1920 года

Мои многоуважаемые присутствующие! По вашей просьбе позвольте мне сегодня рассмотреть некоторые вещи относительно социального импульса, который хочет выступить перед миром под названием трёхчленности социального организма, - выступить вначале отсюда. И он может выступить перед миром, как раз, отсюда по той причине, что здесь занимаются духовной наукой, и самые широкие круги, собственно, уже сегодня могут понять, что оздоровление общих мировых условий может произойти только посредством духовного углубления.

После этой короткой лекции нас ожидает ещё посещение здания, и поэтому вы поймёте меня в моём желании не затягивать эту лекцию и указать на существенные аспекты мысли о трёхчленности лишь афористично.

Эта мысль о трёхчленности не является чем-то совершенно новым, а она исходит из многих десятилетий наблюдения европейских, точнее, центрально-европейских условий, а именно, из наблюдений тех условий, которые привели к ужасной катастрофе последних пяти-шести лет.

Для того, кто сегодня к вам обращается, эти условия, затрагивающие сегодня большую часть мира, не стали неожиданностью. Весной 1914-го года я читал перед небольшой группой в Вене¹⁶ - как раз, в Вене, вы, ведь знаете, что этот мировой пожар начался в Вене! - ряд лекций, в рамках этих лекций я должен был сказать, просто обязан был сказать по отношению ко времени, что не следует успокаиваться на постоянном восхвалении великолепия настоящего развития, но что надо смотреть на то, что готовится. И в то время я должен был сказать - то есть, ранней весной 1914-го года, много недель до начала мировой войны! - : Тот, кто знающим взглядом окинет социальные условия Европы, может сравнить определённые явления, а именно, явления в нашей экономической жизни, со, своего рода, социальным раком, который должен ужасным образом разразиться в самое короткое время.

Видите, того, кто что-то сказал весной 1914-го года, рассматривали как замечтавшегося идеалиста, который придерживается пессимистических взглядов. А те, кто считал себя «практиком», говорили о том, что общее политическое положение смягчается, что между правительствами Европы складываются наилучшие отношения и так далее.

Сегодня же вполне можно указать на то, что ошибся в своем предсказании не тот идеалист, а те десять-двенадцать миллионов человек в рамках цивилизованного мира, которые с тех пор погибли во всемирном пожаре, и также в три раза большее количество покалеченных, - они, вероятно, является достаточным доказательством того, что «идеалист» имел право говорить такие слова в то время.

И сегодня снова некоторым образом вспоминается положение, которое занимали в то время люди, считавшие себя практичными. Потому что и сегодня люди едва ли до конца верят тому, кто говорит, что мы находимся далеко не в конце европейского упадка, а будем скользить вниз по наклонной плоскости всё дальше и дальше, если достаточно большое количество людей не озарится знанием того, как противодействовать этому общему упадку.

И сегодня, если высказать такие прогнозы, некоторые скажут, что говорится слишком пессимистично. Но говорится не пессимистично, а говорится, исходя из знания обстоятельств.

И, как сегодня можно, некоторым образом усиленным духовной наукой, глубже вникать в обстоятельства, так это можно было делать уже десятилетиями. Можно было внимательно наблюдать, как отношения между отдельными государствами в Европе становились всё более и более противоречивыми, как принимаемых мер было совершенно недостаточно, чтобы справиться с тем, что повсюду накапливалось как взрывчатое вещество И нужно было предвидеть то, что произойдёт: годы ужаса, которые теперь, кажутся, оставшимися позади.

---

¹⁶См. Рудольф Штайнер, «Внутренняя сущность человека и жизнь между смертью и новым рождением», Библ. 153. В 6-ой лекции он говорит о социальном раке: «Итак, сегодня вещи производятся для рынка без оглядки на потребление, не в том смысле, что сказано в моем эссе «Духовная наука и социальный вопрос»> [в: <Люцифер -Гнозис 1903—1908>. стр. 191; Отмеченный. Ред.] но всё, что производится, складывается на складах и посредством денежного рынка, а потом ждут, сколько купят. Эта тенденция всё возрастает, пока она не уничтожится сама собой – если я сейчас скажу следующее, то вы поймёте, почему. Благодаря тому, что этот род производства вступает в социальную жизнь, на Земле в социальной связи людей возникает совершенно то же самое, что возникает в организме, когда таким образом возникает карцинома. Совершенно то же самое – канцерогенез, образование карциномы, рак культуры, карцинома культуры! Такой канцерогенез видит тот, кто духовно видит социальную жизнь; он видит, как повсюду в социальных язвенных образованиях возникают страшные предпосылки. Это большая забота культуры, которая возникает для того, кто видит жизнь. Это то страшное, что так тягостно действует и что само приведёт к тому, чтобы словно взывать о лечебном средстве для мира против того, что так сильно приближается и что будет становиться всё сильнее, в том случае, если бы смогли подавить весь энтузиазм духовной науки, если бы смогли подавить то, что может открывать уста для духовной науки. То, что на своём поприще распространения духовных истин должно быть в своей сфере, созданной природой, становится раковым образованием, если охарактеризованным образом вступает в культуру.

Сегодня, однако, можно сказать, что, как раз, перед теми страшными годами, если можно так выразиться, не нашлось ушей, чтобы услышать эти вещи. Сначала на большую часть Европы должна была обрушиться ужасная нищета, которая существует сейчас. Так что тогда приходилось говорить себе, что не было ушей, чтобы слышать, и даже сегодня нужно ждать, чтобы понять, действительно ли тебя услышали. И всё же, не смотря на лишения, не смотря на ужасный урок, который принесли нам последние несколько лет, нельзя сказать, что, как раз, идея трёхчленности, возникшая в результате тщательного наблюдения за обстоятельствами, уже принимается сегодня соответствующим образом. И поэтому я с самого начала хотел бы сказать вам о причине того, почему возникает такое сопротивление по отношению к этой идее трёхчленности, почему её считают своего рода утопией, своего рода фантазией.

Видите ли, причина этого в том, что развития такого рода обстоятельств, - обстоятельств, приведших к такому распространению опустошения, хаоса, собственно, не было ещё никогда во всём развитии человечества! Человечество проделало многое; в определённые времена многое было разрушено и в Европе. Но таких обстоятельств, как сейчас, не было во времена исторического развития действительно ещё никогда.

Ранее обстоятельства приводили к тому, что признаками упадка были охвачены небольшие группы человечества. В упадок приходил даже великий римский рейх. Но в масштабах всей Земли это была всё же небольшая область. Сегодня, благодаря сплетению обстоятельств, которые, собственно, распространились на весь цивилизованный мир, явления упадка становятся всё более заметными. Неудивительно поэтому, что теперь нужна не какая-то мелкая идея о том, как можно сделать плодотворным то или иное в ограниченной области, а необходима всеохватывающая идея, - идея, действующая действительно настолько же глубоко, насколько глубок беспорядок. Такой идеей хотела бы быть идея трёхчленности социального организма. Кроме того, что она возникла, исходя из наблюдения за действительными обстоятельствами, она вышла также из наблюдения за исторической временной точкой, в которой находится современное человечество. А также эта идея трёхчленности с таким отрицанием воспринимается потому, что она, собственно, рассчитана на всё цивилизованное человечество современности. Её считают утопией, нечто таким, что выдуманно. Она, однако, является самым настоящим, или она, по крайней мере, хочет быть самым настоящим из того, что должно войти в современные отношения.

А именно, если мы окинем взглядом развитие духовных, государственных и экономических условий в настоящее время, мы должны связать его с их развитием последних трех-четырёх столетий. То, что происходило до этого, имеет совершенно иной характер. Последние три-четыре столетия, а особенно 19-ое столетие и промежуток, вплоть до наших дней, привели человечество в совершенно особое состояние развития. В отдельных частях это ещё не заметно. С полным правом здесь говорится о здоровье швейцарского народа. На него [на это здоровье] надо рассчитывать в будущем. Но для сохранения этого здоровья также необходимо не отдаваться иллюзиям, - например, что перед лицом всего того, что идёт к своей гибели, одна небольшая область сегодня может остаться изолированной. Этого быть не может.

Видите ли, в настоящее время в Центральной и Юго-Восточной Европе есть большие области, которые, как вы знаете, сильно страдают от падения курса валюты. Это падение курса валюты выступает перед экономистом, я бы сказал, как некое большое явление по сравнению с более мелкими явлениями, которые всегда существовали в прошлом. Было известно, что когда курс валюты в какой-то области падает, то это несколько вредит импорту в этот район; благодаря этому, тем больше поощряется экспорт. Этот закон больше не может быть применён к тому развалу хозяйственных условий, которые выступили в Центральной и Восточной Европе.

Но до сих пор проявилось только то, каковы недостатки падения курса валюты в определённых районах! Вам не потребуется много времени для того, чтобы увидеть, насколько велики недостатки повышения курса валюты в какой-то стране! А это не заставит

себя долго ждать, и тогда страны падающим курсом валют, где экономические условия ухудшаются, не будут одиноки в своих опасениях, - страны с растущим курсом валютам будут думать о своём растущем курсе валют с не чувством не меньшего ужаса.

Эти вещи лишь показывают тому, кто в состоянии взглянуть в эти обстоятельства, как из-за того, что сегодня хозяйственная область Земли, не смотря на все государственные разделения, по сути, всё же образует единство, благо и горе небольшой области Земли зависит от блага и горя всей Земли. Поэтому и сегодня можно мыслить о социальных отношениях только в совершенно интернациональном смысле.

Охватив взглядом то, что, собственно, и привело нас к сегодняшнему положению, надо сказать: Мы видим, до чего мы всё довели, - сегодня этого ещё не видно, - но, собственно, можно было бы сказать, что это можно было бы увидеть на примере уродливых образований Восточной Европы, России. Необходимо сказать: Такие вещи, которые мы наблюдаем сегодня, например, в России, являются глубоко показательными, - хочу отметить одну мелочь, но она глубоко значима, - о том, что Троцкий призывал людей 1-го Мая не праздновать, а работать. Я вас умоляю, там, в России, идеал социалистов должен осуществиться в широком масштабе - народу был обещан рай. То, что пролетариат десятилетиями называл знаком свой манифестации, - Первое Мая, - это нечто такое, что должно быть упразднено. Это лишь выражение всего того, что должно быть упразднено! Долгое время говорилось о том, насколько плох милитаризм, - говорилось по праву. В России в настоящее время труд милитаризован. В России сегодня говорят о том, что это бессмыслица, что человек здесь, на Земле, должен обладать своей собственной личностью. Свобода обладания своей собственной личностью дана быть не может. - Это убедительно показывает плоды тех крайностей, к которым привело развитие последних трёх-четырёх столетий. Эти вещи должны быть увидены. Надо ясно понимать, что это государство - я имею в виду сейчас не отдельное государство, а государство вообще, - развившееся в течение последних трех-четырёх столетий при совершенно других условиях, переполнено вещами, которые государство как таковое обеспечить не может. Почему же?

Видите ли, для того, чтобы рассматривать такие вещи действительно трезво и ясно, без фантастики, нам нужно уже подняться к той мысли, что вся жизнь человечества является чем-то схожим с жизнью отдельного человека. Мы не можем описывать жизнь отдельного человека так, что мы постоянно будем говорить: теперь, когда человек достиг возраста сорока лет, он является следствием причины, которая имела место, когда ему было тридцать девять лет, а в тридцать девять лет - следствием причины тридцати восьми лет и так далее. Так сказать нельзя, а можно сказать, что в человеке происходит внутреннее закономерное развитие. Благодаря внутренней закономерности, человек в возрасте около семи лет получает свои вторые зубы. Позднее он проделывает другие стадии развития. Внутри человека живёт некий определённый импульс, который в определённое время делает его для чего-то зрелым. Так же обстоит дело и с целым человечеством. То, что появилось во всём человечестве в ходе последних трёх-четырёх столетий, - это то, что человечество не может избежать.

В рамках человечества нельзя было никак иначе, как позволить прозвучать призыву к демократии. Какой бы идеал ни был представлен во внешней социальной жизни, идеал демократии, - это то, что более всего захватило сегодня человечество, и также должно было захватить. То, чем является государство, должно стать демократическим, - демократическим в самом широком смысле. Как раз, в Швейцарии можно было бы почувствовать нечто подобное, где, ведь, есть старая демократия, и где также постепенно можно заметить необходимость эту демократию от некоторых областей разгрузить.

Ведь, что значит демократия? Демократия значит: возможность для людей самим решать то, что является делом, в равной степени касающегося всех, что в равной степени касается каждого совершеннолетнего человека, будь то через референдум или представительство. В конце концов это идеал демократии, равенство людей относительно решений, которые в равной степени касается всех людей, достигших совершеннолетия, - к этому стремилось государство. Но к чему стремилось государство, развившееся в ходе истории, которое

возникло в совершенно иных условиях? В двух областях человеческой жизни никогда невозможно будет решать демократическим путем: одна область - это область духовной жизни, а другая - экономической. Всякий, кто честен в отношении демократии, должен понимать, что для полной демократии необходимо, с одной стороны, отделить интеллектуальную жизнь от чисто демократического государства, а с другой — экономическую жизнь. Как раз, для того, кто серьёзно относится к демократии, должно быть ясно: Если должна быть полная демократия, то от области просто демократического государства необходимо отделить, с одной стороны, духовную жизнь, а, с другой стороны, - хозяйственную.

Тот, кто может наблюдать в этой области, может на очевидных примерах видеть, насколько невозможно перенести духовную жизнь как таковую в область демократической политики. Я не хочу говорить об здешних условиях, мне это не важно; но, ведь, речь идёт совсем не о том, чтобы эти обстоятельства рассматривать с какой-то одной точки зрения, а о том, чтобы охватить взглядом весь мир, по крайней мере, весь цивилизованный мир.

Взгляните, однако, на бывший, существовавший до 1914-го года и позже, кажущийся стойким немецкий рейхстаг, и вы получите прекрасный пример того, как государство - является оно более или менее демократическим, в этом случае неважно - перегружено чисто духовными вопросами. Среди партий германского рейхстага у вас была очень крупная партия, так называемый Центр¹⁷. Теперь он, в свою очередь, играет свою роль в той метаморфозе старого рейхстага, который называют Национальным собранием, Центр. У этого Центра не было никаких других интересов, кроме религиозных, то есть духовных дел. Если возникал какой-либо экономический или политический вопрос, то он решался путём какого-либо компромисса, который из Центра заключался с другими партиями. Но это совершенно естественно, что этот Центр был заинтересован в продвижении только своих собственных духовных интересов. Короче говоря: Если доводить этот ход мыслей до конца, выясняется, что то, что является только духовным делом, не принадлежит политическому парламенту.

Возьмём хозяйственную жизнь. Видите ли, Австрия, это, ведь, та страна, которая даёт прекрасный, я бы сказал, школьный пример того, что развилось в новых условиях, пример того, что эти земли должны идти к своей гибели. Австрия только школьный пример этого шествия к гибели!

Тот, кто, как я сам, провел тридцать лет своей жизни в Австрии и имел возможность видеть развитие последней трети 19-го столетия, мог видеть все возникающие там обстоятельства, мог видеть развитие всех новых социальных состояний. Тогда думали также и о создании парламента в Австрии. Но как делали этот парламент? Были учреждены четыре курии: курия городов, курия земель, общин, курия крупных землевладельцев - все чисто хозяйственные курии, - были учреждены хозяйственные ассоциации и путём выборов внедрены в политический парламент. И они, со своей хозяйственной точки зрения, решали затем, каким должно быть публичное право. Тут у нас другой пример! Немецкий рейхстаг — это пример того, как стремящаяся к чисто духовному партия оказалась мешающим фактором в чисто экономическом парламенте. В Австрии создан парламент, основанный на чисто экономических куриях, и всякий, кто имел возможность наблюдать за ситуацией, знает, что этот парламент никогда не был в состоянии справиться с тем, что, например, как раз, в Австрии было бы необходимо: урегулирование духовных обстоятельств, насколько они проявились в мирских отношениях национальностей.

В Австрии можно было видеть и нечто другое. Там государство было только политической областью. Там было тринадцать официальных языков. Эти тринадцать

---

¹⁷Основанная как католическая партия в 1870 году по предложению Петера Райхенспергера (Peter Reichensperger), сформировалась оппозиция созданию Малой Немецко-Прусской империи. После 1914 года она получила название «Немецкая центристская партия». Во время Первой мировой войны под влиянием Эрцбергера (Erzberger) они объединились с «прогрессистами» и социал-демократами, чтобы добиться большинства в рейхстаге для принятия мирной резолюции (1917 год).

официальных языков нельзя было запихнуть под одну шляпу; их нельзя было запихнуть под одну шляпу потому, что в Австрии люди с различными языками имели совершенно различные духовные интересы. Были предприняты попытки получить некоторые из них в частном порядке. О, я часто присутствовал при том, как, - вы знаете, те длинные нити соломы, которые содержатся в, так называемых, вирджинских сигарах, - как они по-американски продавались с аукциона в пользу школьных союзов! Благодаря этому, были основаны школьные союзы, для того, чтобы что-то делать из самих духовных интересов, что государство как таковое сделать не могло. Но люди были слишком одержимы идеей единого государства для того, чтобы такие частные инициативы могли иметь большее, более широкое влияние. И так я мог бы рассказывать вам до завтрашнего утра о невозможности удержать вместе определённые вещи, которые хочет удержать вместе современное государство.

Государства Центральной Европы и Россия должны были на собственной шкуре испытать то, что это единое государство не может существовать так, как оно существовало до этого. Те, кого такая судьба ещё не настигла, ещё сегодня верят в то, что им удастся этого избежать. Но этого не избежать, если не усвоить достаточно идею о том, как можно исправить положение, исходя из человеческой воли. То есть, как раз, там, где идея трёхчленности хочет проявиться действительно, исходя из достаточного наблюдения и исходя из рассмотрения исторических условий. Она говорит, что в своём стремлении к демократии люди должны становятся всё более и более честными. Но тогда демократический принцип должен ограничиться только государственным принципом, в котором каждый человек равным образом может выносить решение обо всём, что касается всех, ставших совершеннолетними, людей. Как уже было сказано, либо через референдум, либо через представительство. Но тогда от этого государственного образования, от того, что управляется парламентским образом, необходимо отделить, с одной стороны, всю духовную жизнь. Ведь, вся эта духовная жизнь в последние столетия всё больше и больше подпадала под власть государства, и ещё сегодня большинство людей считают огромным достоинством современной государственной идеи способность всасывать в себя духовную жизнь, а именно, школьный организм. Тут ещё приходится бороться с ужасными предрассудками. Но люди не видят связей в мире.

Но если вы себя спросите: как, собственно, получилось так, что сегодня мы сталкиваемся не только с исключительно классовой борьбой, но и с одобрением этой классовой борьбы? Что мы сталкиваемся с отсутствием какого-либо взаимопонимания среди людей? Что мы видим сегодня в России несколько сотен тысяч человек, тираническим образом управляющих миллионами людей и выдающих себя за демократов, - откуда всё это взялось? Это подготавливалось постепенно. Достаточно подумать об одном единственном слове, - я обращал на него внимание в своей книге «Основные пункты социального вопроса, исходящие из насущных потребностей настоящего», - чтобы увидеть, почему сегодня большая часть человечества, та часть человечества, которая включает и пролетариат, ошибочно считает, что произвести какое-либо преобразование можно только из того, что уже хорошо знакомо. Достаточно назвать одно единственное слово, звучавшее на всех социал-демократических мероприятиях на протяжении десятилетий: это слово «идеология». И это слово «идеология», мои многоуважаемые присутствующие, указывает на весь ход развития, который материалистическое мировоззрение приняло в новейшее время.

Можно думать о прежних условиях, в которых находилось человечество, как угодно, мы совершенно определённо не хотим воссоздавать прежние условия, мы хотим идти вперед, а не назад; но всё же надо сказать: взгляните на людей прошлого (Vorzeit)! Они знали, что в их душах живёт нечто такое, что имеет непосредственную связь с духовным, которое пронизывает мир. Что, в конце концов, знает человек об этой связи своего внутреннего с духовным мира, начиная с середины 15-го столетия? Солнце считается раскалённым шаром газа. Что люди сегодня знают о звёздах, о Солнце? Спросите наших учёных: С чего началось земное развитие? - они скажут: когда-то была некая туманность; затем в ходе тысячелетий от неё отделились Солнце и планеты. Таким же образом возник и человек! Я уже часто

ссылался на описание Германа Гримма, который сказал: Будущим людям будет очень трудно понять то безумие, которое заключено в этой идее Канта-Лапласа о происхождении Земли из первичной туманности. - Но сегодня это рассматривается как большое развитие, как наука. То, что тут взращивалось, пустило многочисленные ростки, выросло в многочисленные течения, которые излились на пролетариат. И то, что сегодня в России представляют Троцкий и Ленин, является, по сути, лишь последним следствием того, чему учёные учили в университетах как материализм.

Здесь, в Швейцарии, был человек, который наделал много шума ещё в семидесятых годах, но который видел то, что приближается. Люди его не любили за его шумность, Йоханнес Шерр. Но помимо того, что он много шумел, он также видел важное. И он уже в семидесятые годы сказал: Если взглянуть на экономическое развитие, если взглянуть на духовную жизнь, как она опускается всё ниже и ниже, то, в конце концов, мы придём к тому, что Европа должна будет сказать себе: Безумие, ты победило!

Это можно было сказать в последние пять-шесть лет и это ещё можно сказать сейчас: Безумие, ты победило!

Идеология, - что же это значит? Это значит ни что иное, как то, что вся духовная жизнь, в конце концов, является паром, который поднимается над хозяйственной жизнью. Хозяйственные отношения - это единственная реальность, так проповедует марксизм во всех вариациях. И то, что выходит из этих хозяйственных отношений, - это то, что человек несёт в себе в виде своего душевного содержания. Право, нравственность, религия, наука, искусство: всё это идеология. Это ростки, которые вззошли: идеология, неверие в духовную жизнь.

Откуда приходит это неверие? Это неверие возникает из-за объединения духовной жизни с государственной жизнью в последние столетия. Поскольку духовная жизнь, мои многоуважаемые присутствующие, может процветать только тогда, когда она совершенно одна поставлена на своё собственное основание. Представьте себе, - я хочу выделить только школьную систему, потому что это важнейшая область публичной духовной жизни, - что школьная система устроена таким образом, что те, кто учит, кто воспитывает, являются в то же время администраторами системы преподавания и воспитания. Представьте себе, что учитель начальных классов не подчиняется никому другому, кроме как, в свою очередь, тому, кому он не подчиняется, а следует его советам, кто сам самостоятельно стоит в системе обучения и воспитания. Что он является тем, кто настолько разгружен, что он в то же время может управлять системой обучения и воспитания так, что никто из какого-либо политического департамента не может вмешаться в саму духовную жизнь, что духовная жизнь сама стоит на своём собственном основании. Вы можете прочитать об этом в моей книге. Я попытался как можно нагляднее показать, что только такая предоставленная самой себе духовная жизнь, может освободить нас от всех тех вредных последствий, которые ввергли нас в несчастье. Но также только такая духовная жизнь, которая черпает непосредственно из духовного, по сути, может снова породить веру в дух, породить связь с духом.

Я хотел бы быть конкретным. В Штуттгарте, поскольку там школьный закон, я бы сказал, ещё оставляет некоторые пробелы, мы основали Вальдорфскую школу. Эта Вальдорфская школа является действительно единой школой, поскольку там смешаны дети рабочих фабрики Вальдорф-Астория, дети фабрикантов и так далее; это получилась действительно единая школа, полноценная народная школа, вплоть до возраста четырнадцати-пятнадцати лет.

Для учителей, которых я сам выбрал, я прочёл педагогический курс, чтобы подготовить учителей этой школы к преподаванию так, чтобы их деятельность исходила только из знания о человеке, из видения того, что хочет выйти из самого человека; в этой школе не должны обучать, исходя из каких-либо предубеждений о том, как должно быть, а исходя из наблюдения того, что приходит через человека в мир, чему из этого надо научиться. В различных журналах, также и здесь, я уже докладывал о том, какими должны быть методы Вальдорфской школы. Но то, о чём я хочу упомянуть сейчас, следующее: Не правда ли, если

читать такой курс так, что из него должно быть видно то, как надо обучать и воспитывать, то надо ориентироваться на то, что исходит из знания о человеке, из действительной духовной науки. Но в сегодняшней школьной системе есть ещё и нечто другое. Там есть также то, во что педагоги верят, что это является правильным в воспитании ребенка. Затем к этому прибавляется всё больше и больше других вещей. Я должен был смотреть на это, как раз, потому, что должен был действовать практически, когда основывал Вальдорфскую школу в отношении её духовного содержания. Вот распоряжения, приходящие из политической жизни: первый класс: надо усвоить то-то и то-то, то-то и то-то является учебной целью. Второй класс: надо усвоить то-то и то-то, то-то и то-то является учебной целью. - Смотрите, это приходит из политической! Разве не понятно, что это совершенно чуждая вещь, что предписания дают те, кто ничего не понимает в преподавании и воспитании? Предписания должен давать исключительно тот, кто является педагогом, кого также не надо призывать как эксперта из министерства, кто должен стоять внутри живого обучения и воспитания. Духовная жизнь должна быть, исходя из самой себя, быть поставленной на своё собственное основание во всех областях школьной системы.

Таким образом, надо сказать: Государство честно осуществляет демократию, когда оно освобождается от груза духовной жизни, которая полностью поставлена на знание дела и профессиональные компетенции, где действительно нельзя выносить решения большинством, а только исходя из того, что человек знает. Тут речь идёт о том, что действительно решают только деловое и профессиональное, что решения исходят от самоуправления школьной системы. Эта одна из областей, которую надо отличать от государственного. Другой областью является хозяйственное. Видите ли, откуда берётся всё то, что сегодня всё больше и больше вгоняет мир в общий экономический кризис? Откуда берутся такие вещи, которые, например, были очень хорошо замечены отдельными людьми в Европе в 1907-ом году¹⁸? Но тогда это прошло если не без боли, то, по крайней мере, без крупных катастроф для мировой экономики, я бы сказал, тогда отделались лёгким испугом. Затем все снова погрузились в эйфорию по поводу великих экономических достижений и того, «как мы так замечательно продвинулись» в новейшее время. Тогда не заметили, как в весьма характерных проявлениях показывалось то, что теперь постепенно перерастает в общий мировой кризис. Эти характерные явления ...

Все эти вещи в большом и малом разыгрывались повсюду. По сути, они обусловлены тем, что с начала 19-го столетия регентом всей экономической жизни постепенно стали деньги. Деньги как регент всей экономической жизни; что это значит? Смотрите, идёт ли речь о пшенице, - поскольку вы должны смотреть на денежную стоимость, - она стоит столько-то франков. Когда вы покупаете юбки, когда вы обращаете внимание только на денежную стоимость, - опять франки. Короче говоря, деньги не специализируются, они не ориентируются на конкретность хозяйственной жизни. Это нечто такое, что стоит вне действительной жизни, как абстрактные понятия в духовной жизни, которыми в действительности не выманишь и собаку из-за печи. Только этими абстрактными, фантазийными понятиями нельзя причинить столько бед, сколько этой обобщённой абстрактностью денег. Можно лишь указать на то, как в ходе 19-го столетия ростовщик постепенно стал собственно движущей силой нашей хозяйственной жизни. Тогда как раньше всё зависело только от просто хозяйственного, экономического человека. Постепенно также возникла возможность вовлечения государств в экономические дела, так что сами государства стали хозяйствующими.

---

¹⁸Здесь имеется в виду экономический кризис в Америке. В книге Карла Йенча (Carl Jentsch) «Экономика» (4-е издание, Лейпциг, 1918 г.), которая находится в библиотеке Рудольфа Штайнера и содержит многочисленные его подчеркивания, на стр. 189 говорится: «Американский кризис 1907 года, который выбросил на улицу сотни тысяч рабочих, в США привел к дефициту золота в Европе, поскольку Америка привлекла много золота из Англии и Германии, но у нас, по крайней мере, это не привело к стагнации продаж или безработице.

Если непредвзято исследовать причины войны, обнаружится, что они возникли, благодаря чисто экономическим обстоятельствам, и они должны были произойти, поскольку сложились те условия, которые я описал. Тут тщательное исследование, в свою очередь, делает выводы относительно того, о чём идёт речь: что необходимо вернуться к соединению человека с самим хозяйственным производством. Человек снова должен быть подведён к тому, что он производит. Человек снова должен срастись с пшеницей и рожью, и со всем, что он производит помимо этого, и он должен изменять хозяйственную жизнь согласно тому, что он производит. И люди не должны способствовать просто приумножению денег. Без размышления об этих вещах, дальнейшего продвижения не будет. Оздоровление хозяйственной жизни возможно только в том случае, если человек снова будет подведён к хозяйству, будет работать, исходя из потребностей самого хозяйства.

Но к этому он может прийти только тогда, когда он не будет управляться со стороны государства, а когда людям, стоящим внутри соответствующих хозяйственных отраслей, позволят прийти к ассоциациям, когда хозяйственные интересы будут строиться исключительно на деловых и профессиональных знаниях и профессиональном опыте в хозяйственной жизни. Необходимо двоякое: во-первых, чтобы человек мог делать то, что он хочет производить, и во-вторых, чтобы люди доверяли друг другу. Но это возможно только тогда, когда человек стоит внутри соответствующей хозяйственной отрасли и сросся с ней.

Но, благодаря этому, возникнут отдельные профессии, благодаря этому, возникнет закономерность продукции и потребления. И, напротив, отдельные способы хозяйствования приходят в определённый контакт друг с другом только благодаря тому, что отдельные ассоциации работают самостоятельно, без указок со стороны власти и государства. Как духовная жизнь должна быть отделена от государственной жизни и поставлена на свои собственные ноги, так это должно случиться и с хозяйственной жизнью. Духовная жизнь может развиваться исключительно и только тогда, когда отдельный человек, обладающий своими способностями, может также развернуть эти способности для блага человечества. Духовная жизнь действует наиболее идеальным и социальным образом тогда, когда отдельный индивидуум может действовать на службе своих ближних. Духовная жизнь действует наилучшим образом тогда, когда те, кто занимается производством в какой-либо области, или когда круги потребителей соединены друг с другом так, что, просто благодаря существованию ассоциаций и связей, возникает реальное, независимое от денег доверие, когда кредитная система реальна, а не просто фиктивна, как это было в прошлый период, и если человек знает, что может поддержать какую-либо отрасль производства, поскольку в этой отрасли производства есть люди, с которыми он теперь знаком, и они срослись со своей отраслью производства.

Это, конечно, ещё имеет место в узких отношениях; в широких отношениях, которые привели к фактическому разрушению, это не так. Видите ли, я могу вам рассказывать о трёхчленности лишь в общих чертах. Я только мог бы показать вам, что в некотором смысле развитие человечества дошло до того момента, в котором то, что было возложено на государство как на единую структуру, хочет быть разделено на три независимые области: на самостоятельно управляемую собой духовную жизнь, на самостоятельно управляемую государственную жизнь демократического рода, и на самостоятельно стоящую на своих собственных ногах экономическую жизнь, которая, в свою очередь, представляет собой отдельную область. Существенным является только одно: исходя из того, к чему цивилизованный мир должен сегодня стремиться, и к чему он, собственно, хочет стремиться, видно, что люди этого ещё не сознают и хотят держаться за старые отношения.

Видите ли, это очень странно, как, как раз, на примере социал-демократии, как она сегодня развивается, можно видеть самый консервативный принцип. Поскольку, чего, собственно, хочет эта социал-демократия? Он хочет превратить государство в один большой кооператив, с помощью которого он мог бы все милитаризовать. Так можно было бы сказать, глядя на Россию, где всё милитаризуется. О милитаризации труда говорится уже исходя из русских условий, поскольку, как раз, социальная демократия марксистской окраски говорит:

Государство живёт. На него мы теперь погрузим всё, и воспитание, и хозяйственную жизнь. - Это нездоровый факт! Именно социалистическая мысль представляет собой последнее, самое нездоровое следствие того, что развилось в последние столетия.

Здоровым является, видеть, что то, что возложено на государство, что оно не может решать демократическим образом, должно быть от него отделено и поставлено на собственные ноги, духовная жизнь и экономическая жизнь. Конечно, можно понять, что очень многие люди сегодня не могут принять такие идеи, поскольку люди сегодня приучены рассматривать государство как то, что лучше всего функционирует, благодаря определенному всемогуществу. Но под демократическими мыслями всё же имеют в виду не то, что на государство можно навесить всё. А имеют в виду то, что может быть определено всеми совершеннолетними людьми. Что касается отдельного человека, его способностей, которые он приносит в этот мир через рождение из других миров, то здесь речь идёт о том, что этот духовный мир тоже должен быть организован, исходя из этих способностей. В случае хозяйственной жизни, речь идёт не об установлении над всем некой абстрактной организации, какой, благодаря своей собственной сущности, является денежная экономика, а о том, чтобы можно было хозяйствовать, исходя из конкретной экономической жизни. А из конкретной экономической жизни могут образовываться только ассоциации, которые объединяются друг с другом, и посредством взаимных отношений которых достигается то, что может быть здоровым отношением между потребляющими и производящими. Конечно, такую мысль, которая, как бы, проникает во всё, что сегодня стремится к упадку, и которая признает, что этот упадок не может быть остановлен иначе, как основательным поиском некоего нового строительства, - такую мысль сразу понять нельзя. Видно, что она не может быть понята сразу. Поскольку человек всё же организован, собственно, в том направлении, чтобы всегда думать: Да, сейчас всё плохо, но потом будет лучше. Из какого-то угла, думают они, придёт улучшение. Так было, например, и в Германии во время войны. Всегда, когда было плохо, ожидали, что из какого-то угла придёт улучшение. Но оно не пришло! Так и сегодня не нужно ожидать, что откуда-то, незнамо откуда, обстоятельства снова как-то улучшатся! Нет, человечество сегодня - и это доказывает, как раз, наступление демократии — человечество сегодня в определённой степени призвана к тому, чтобы вести себя зрелым образом. Но зрелость не выражается в ожидании чего-то неопределённого, того, что будет лучше, а в том, что говорят себе: Улучшение может прийти только благодаря собственной воле, благодаря разумной воле, понимающей своё действие. [пробел] Ах, если хотя бы один процент сегодняшнего цивилизованного человечества мог прийти к ясному осознанию опасности для всего цивилизованного мира, и мог бы увидеть, с какой необходимостью обстоятельства сегодня стремятся к трёхчленности! Но эта трёхчленность попирается ногами повсюду. Если хотя бы один процент людей в какой-то степени увидел бы эти вещи, стало бы лучше. Поскольку улучшение может прийти только через людей! Самым страшным для человечества всегда был фатализм.

Но самым страшным сегодня является, как раз, этот фатализм! Недавно в газете, выпущенной в Базеле, вы могли прочесть письмо одного немца, в котором говорилось: «Мы в Германии должны смириться с прохождением через большевизм. Потом, когда мы пройдем через большевизм, тогда - неизвестно откуда! - придёт улучшение.

Это ужаснейший фатализм. Это следствие того, что глубочайшая сущность христианства сегодня, по сути, ещё не понята. Христос пришёл в мир для всех людей. Он пришёл не просто для одного народа, из которого вышел; он боролся не только за одного народного Бога, поскольку он учил: Речь идёт не об этом народном Боге, а о Боге для всех людей. Разве люди не оглядывались снова на старого Иегова в последние пять-шесть лет, не сражались ли они повсюду за народных Богов, давая этим народным Богам имя Христа? Был ли это действительно тот, пришедший ко всем людям Христос, о котором они говорили? - Нет, это был не пришедший ко всем людям Христос, о котором говорили; это были отдельные народные Боги! И сегодня, как и тогда, об отдельных народах говорят в этом смысле как о

тех, кто воплощает в себе свои отдельные идеалы. Надо снова понять христианство как нечто общее; но не только словами, но и зрелыми идеями.

Видите ли, за то короткое время, когда я высказывал лишь некоторые общие мысли, когда я снова и снова говорил людям о трёхчленности, подходили и те люди, которые сегодня являются «добрыми христианами», что означает, они подходили с фразами. Они говорили о всевозможных вещах; но сегодня всё же следует сказать, они думают, что христианство исполнило то, чем действительно должен стать Христос. - Я могу возразить лишь словами: Есть один Завет: Не произноси имени Бога твоего, имени Господа твоего всуе. - Разве человек является плохим христианином из-за того, что имя Христа не всегда вертится у него на языке? Христос не хотел, чтобы к нему только взывали: «Господь! Господь!» - а он хотел вызвать в людях такой настрой, который, создаваясь таким образом, принимает конкретные формы, которые не просто всегда отсылают к его имени, но которые, в Его смысле, приводят к социальным состояниям, , которые в равной степени охватывают всех людей.

Может показаться, что внешние слова не говорят в трёхчленности о христианстве, но эта трёхчленность социального организма понимается в смысле подлинного, истинного, практического христианства. И всё же ещё раз надо отметить, - и это моё глубокое убеждение, мои многоуважаемые присутствующие, - что идеалисты, которые говорят сегодня о трёхчленности, являются настоящими истинными практиками. А другие, которые говорят: Ах, мечтатели! - это те, которые сегодня говорят так, как говорили, ну, почти слово в слово, например, министры внешних дел немецкого рейхстага и австрийской делегации в июне 1914-го года. Оба из этих практических господ¹⁹, почти одинаково, слово в слово, в Берлине и в Вене, говорили примерно следующее: Наши дружественные соседские отношения с Петербургом являются наилучшими из всех тех, что только могут быть. Политическая обстановка смягчилась; мы приближаемся к мирным условиям в Европе - и это в мае, июне 1914 года! Намечаются переговоры с Англией, - как говорили эти практики в Берлине, - которые вскоре приведут к удовлетворительным результатам. - Эти удовлетворительные результаты мы получим тогда в августе 1914 года! Вот как говорили «практики», так эти практики предвидели события.

Это надо иметь в виду, мои многоуважаемые присутствующие, когда в таком предложении, как эта трёхчленность социального организма, усматривается лишь идеализм нескольких мечтателей, в то время как в этом надо видеть самое что ни на есть практичное, более всего считающееся с действительностью, из того, что хочет вписаться в наше время!

Благодарю вас, мои многоуважаемые присутствующие, за то, что захотели выслушать то, что я для вас подготовил. Я могу лишь просить вашего снисхождения, поскольку за то короткое время, которым я располагал, я, разумеется, смог изложить вам лишь просто несколько мыслей без необходимых доказательств, которые вы, однако, сможете найти в соответствующих книгах и журналах, которые доступны также и здесь, в Швейцарии, и которые вы также можете найти в «Sozialen Zukunft» («Социальное будущее»²⁰), издаваемом Доктором Боосом. Я мог представить вам лишь некоторые тезисы; и лишь надеюсь, что эти тезисы всё же возможно вызовут в вас ощущение, что этот импульс трёхчленности социального организма, во всяком случае, является не случайно пришедшей в голову идеей, а что эта трёхчленность социального организма извлечено из глубочайших потребностей сегодняшнего человечества, и оно в то же время может вывести современное человечество из этого состояния хаоса и упадка и привести к действительному новому строительству, которого всё же по праву желает сегодня так много людей.

¹⁹Один из них - Готтлиб фон (Gottlieb von Jagow) (1863–1935), который был статс-секретарем в Министерстве иностранных дел с 1913 по 1916 год и прусским государственным министром с 1914 года. Т. фон Бетман Хольвег (Th. von Bethmann Hollweg) подробно сообщает о «дружественных добрососедских отношениях» в своих «Размышлениях о мировых войнах», часть 1, Берлин, 1919, стр. 62. См. также Готтлиб фон Ягов «Причины и начало мировой войны», Берлин 1919 год.

²⁰Ежемесячно, издаваемый «Швейцарской федерацией тройственного социального организма» журнал под редакцией Романа Бооса; 1-4 тетради Цюрих 1919 года; 5-7 тетради Дорнах 1920, 8.-10 - Штутгарт 1921 года.

[Заключительное слово устроителя]

Современный экономический кризис и оздоровление экономической жизни посредством трёхчленности социального организма

ЛЕКЦИЯ

Базель, 26 апреля 1920 года

Я могу себе представить, как возбудился бы редактор юмористической газеты, если бы на мероприятии некой образцовой мессы об оздоровлении хозяйственной жизни слово взял бы создатель дорнахской свободной высшей школы духовной науки, создатель Гётеанума. Поскольку, ведь, в общее сознание времени уже, вероятно, вложено то, что ничто не может стоять дальше друг от друга, чем то, что люди, рассматривающие вещи поверхностно, представляют себе под туманным мистицизмом дорнахского Гётеанума и то, что им видится как практика жизни. И всё же, возможно, могло бы показаться ещё более парадоксальным и смешным то, что, как раз, в последнее время, в последние несколько недель, в одном месте на юге Германии - а Швейцария последует этому образцу в самом ближайшем будущем — как раз, тем духовным и мировоззренческим движением, которое представлено в Дорнахе, были основаны чисто хозяйственные предприятия, некое акционерное общество²¹ для продвижения экономических и духовных реальных ценностей.

Как уже было сказано, это могло бы показаться ещё более парадоксальным. Поскольку в таком духовном движении, как то, внешним репрезентантом которого должно быть здание в Дорнахе, люди видят нечто непрактичное, что может говорить только тогда, когда более или менее склоняются к воскресному покою, отвернувшись от действительных практических целей жизни.

Что ж, мои многоуважаемые присутствующие, я вовсе не хочу вас долго задерживать водными высказываниями о задачах духовного движения, которое представлено Гётеанумом. Но я хотел бы сказать лишь то, что это духовное движение, именно в силу своего особого характера, хочет быть основой той жизненной практики, которая нам так нужна в настоящее время, чтобы выйти из того, куда нас ввергло то, что всегда считалось таким практическим и что особенно практически проявилось в разрушении европейской цивилизации за последние пять-шесть лет!

Определённо, в той свободной высшей школе для духовной науки, о которой здесь идёт речь, взоры людей должны быть обращены не только на то, с чем человек сталкивается во внешнем материальном мире, а там должно быть, в свою очередь, указано на то, что в основе

---

²¹13 марта 1920 года, вдохновленная идеей трёхчленности, компания «Грядущий день» («Der Kommende Tag» Акционерное общество по продвижению экономических и духовных ценностей). До 1923 года председателем наблюдательного совета был Рудольф Штайнер. Компания, которая, согласно годовому отчету 1921 года, основывалась на намерении «создать зародыши новой экономической жизни, развивающейся на ассоциативной основе», пришлось ликвидировать в результате общего экономического кризиса (инфляции). В Швейцарии 16 июня 1920 года на той же идеальной основе было основано «Futurum AG, Экономическое общество международного продвижения экономических и духовных ценностей». Рудольф Штайнер был председателем совета директоров до марта 1922 года. В результате экономического кризиса эту компанию также пришлось ликвидировать в 1924 году. См. также: Рудольф Штайнер, «Устав Всеобщего антропософского общества и школы духовной науки», GA 260a, Dornach 1966, стр. 441/2, 472-474, 515 и далее, 573 и далее, 719 и далее. См. также: Эмиль Лейнхас (Emil Leinhas), «Идея <Грядущего дня>», Штутгарт 1921, и Ханс Кюн (Hans Kühn), «Время трёхчленности. Борьба Рудольфа Штайнера за социальный порядок будущего», Дорнах 1978, стр. 101 и далее.

всего материального лежит духовное, и что, как раз, материальное нельзя понять, если не понять лежащего в его основе духовного. Но о том, как открыть этот духовный мир, какими путями должен идти отдельный человек, чтобы прийти к этому действительно, реальному духовному миру, - об этом я сегодня говорить не буду. Об этом достаточно говорить в различных книгах, посвящённых этой теме. Но я хотел бы говорить о том, что, как раз, особый вид духовной деятельности, который необходимо практиковать в, так называемой, духовной науке, благодаря этому особому виду духовной деятельности и усилий, вызывает в человеке нечто такое, что делает его не непрактичным, а, как раз, практичным, открывая ему здоровый, свободный от иллюзий взгляд на действительность. Как бы странно это ни звучало, посредством дорнахской высшей школы не стремятся к бегству от действительности, а наоборот. Посредством дорнахской высшей школы стремятся к приобретению здорового взгляда на действительность, который может видеть, что происходит в реальности, дирижёрами в которой должны быть сами люди, и, прежде всего, в экономической реальности.

И чтобы ещё яснее выразить то, что я, собственно, имею в виду, я хотел бы подкрепить сказанное следующим сравнением.

Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, если кто-то как химик утверждал бы, что он изобрёл средство для отбеливания белья, новое средство для отбеливания белья, а затем он использовал бы это средство, и, смотрите-ка, от этого средства бельё стало бы грязно-коричневым, то вы, вероятно, не стали бы думать о нём как о хорошем химике, а сказали бы: он ничего толком не понимает в настоящей химической науке. Это совершенно справедливо сегодня в области техники и внешней жизни, насколько эта область зависит от естественно-научного мышления. Но это совсем не так, когда речь идёт о той технике, которая выступает в хозяйственной жизни, в овладении хозяйственной жизнью, и которая должна каким-то образом зависеть от здорового экономического мышления, от реальной, скажем так, национальной или социальной экономики или чего-то подобного. Смотрите, к тому есть пример, - но я мог привести и множество других: С тех пор прошло уже некоторое время, когда в международном мире среди тех, кто задумывался над экономическими вопросами, было много споров о том, как лучше всего организовать то экономическое движение, которое называется движением за свободную торговлю. Исследовалось с определённой точки зрения, какой ущерб испытывает интернациональная хозяйственная жизнь от взимания пошлин на границах стран и тому подобного; обязанностей, которые основаны на самых разнообразных намерениях. Короче говоря, когда-то были парламенты - теперь те времена давно прошли, - в которых в качестве идеала, в качестве экономического идеала, рассматривалось движение за свободную торговлю²². В определенных кругах тогда задумывались о способах продвижения свободной торговли, прежде всего беспошлинной. Тогда старались прийти к единому мнению, но так старались, что сказали: «Через любовь и через вопрос о защитных пошлинах становишься клоуном в наибольшей степени». Тогда спорили приверженцы золотого стандарта и сторонники металлизма, золотого и серебряного стандарта. Приверженцами предполагаемого золотого стандарта были люди, которые, исходя из своих научно-экономических взглядов, говорили: продвигая золотой стандарт, мы продвигаем свободную торговлю. - Это было научно-экономическое убеждение.

Что же получилось в действительности? Случилось так, что сразу после того, как были опубликованы эти научные и экономические декларации, в Африке были сделаны значительные открытия золота, и те страны, у которых было мало золота, как раз, из тех районов, где было найдено золото, смогли штамповать золото в изобилии. Но с такими вещами надо считаться всегда, вспоминая аналогию с химиком, которую я привёл. Но что

---

²²Она представляла собой неограниченный международный обмен товарами и была направлена против ограничений внешней торговли, таких как защитные тарифы, ограничения на импорт и экспорт. Теорию свободной торговли разработали английские классики экономики, прежде всего Давид Рикардо. В Германии свободную торговлю продвигали «Freihandelsverein» (1858 г.) и «Deutscher Handelstag» (1861 года). В таможенном тарифе 1879 году наконец восторжествовала концепция покровительственных тарифов.

произошло в действительности? Оказалось, что посредством введения золотого стандарта повсеместно было инициировано защитное тарифное движение, то есть, действительность показала прямо противоположное тому, что теоретически предсказывалось, исходя из экономического мышления.

Это произошло точно так же, как когда химик, с помощью средства, которое должно бельё отбеливать, сделал его грязно-коричневым. Как я уже сказал, можно привести множество таких примеров, когда экономическое мышление даже отдаленно не касается действительности, когда действительность ведёт себя, как раз, противоположным образом. Таких примеров можно было бы привести множество.

Кто задаёт сегодня вопрос: Есть ли экономический кризис, международный экономический кризис? - тому, ведь, достаточно взглянуть на обстоятельства. Этот экономический кризис повсюду, перед каждой дверью. Правда, об особой форме и о причинах люди думают по-разному. Но можно ли вообще надеяться на то, что при таком мышлении по отношению к действительности, такое сложный феномен, такой сложный факт, как международный экономический кризис, может быть понят сразу?

Не правда ли, этого быть не может! Но вы скажете: Ага, тут появился кто-то, кто утверждает, что все экономические мыслители глупы, что все они ничего не знают; экономика живёт, а все экономические мыслители глупы. - Нет, я совсем не утверждаю, что все глупы, а, наоборот, утверждаю, что среди хозяйственников есть очень умные люди, даже, в определённом смысле, гораздо умнее, чем в других профессиях, но что то, что говорили монометаллисты, сторонники золотого стандарта, и то, что случилось, было противоположностью тому, что представляли эти очень умные люди в очень умных предложениях, оборотах речи и теориях. Нет, я вовсе не говорю, что все экономисты глупы, я просто хочу исходить из того странного факта, что современная цивилизация привела к некому своеобразному явлению, что можно быть блестящим экономическим мыслителем и мыслить при этом прямо противоположное тому, что является действительностью в экономической жизни! Это некое бросающееся в глаза явление, которое проявляет себя также в том, что человек, собственно, совершенно беспомощен перед лицом сегодняшнего европейского хаоса, причем именно в кругах тех, кто лучше всего традиционным образом усвоил экономическое мышление.

И тут, видите, тут я, как раз, хотел бы утверждать, что то, что человек приобрёл просто как технику мышления, посредством здоровой духовной науки, которая поддерживается тем движением, внешним представителем которого является Дорнах, - что посредством этой техники мышления можно также понимать вещи во внешней действительности, относительно которых можно доказать на бесчисленных примерах, что они не понимаются теми, кого считают экспертами.

Видите ли, прежде всего, когда говорят об экономических кризисах, - ведь, люди обычно думают о том, что лежит в констелляциях между потреблением и производством, - говорят о том, что, что экономический кризис наступает тогда, когда существует перепроизводство, которое не может быть покрыто потреблением. Точно так же можно доказать, что экономический кризис возникает не из-за перепроизводства, а из-за недостаточного потребления, просто из-за того, что люди, у которых, возможно, также нет достаточно денег, чтобы купить то, что произведено, покупают слишком мало. И странным является то, что можно доказать и то и другое. Если вы проследите за экономическим кризисом только с 1919-го года, вы обнаружите, что один имел причиной перепроизводство, другой - недопотребление, третий, в свою очередь, - совсем другие причины, такие, как, например, неверное взаимодействие между капитализмом и рабочим классом, или, что также справедливо в отдельных случаях, что экономические кризисы должны происходить, если в каком-то большом человеческом обществе слишком много экономят, и так далее. Но все эти вещи не учитывают то, что является, как раз, самым важным для современной хозяйственной жизни.

Тут, ведь, я могу говорить, исходя из, своего рода, действительно личного опыта. С тех пор прошло уже много времени, это было в девяностых годах прошлого и в начале этого столетия, - тогда я тесно знакомился с центрально-европейским рабочим классом. Я был учителем в одной образовательной школе для рабочих, но, благодаря этому, действительно мог устанавливать связи с рабочим движением со всех сторон. И знакомился я, во-первых, таким образом, что к различным лекциям, которые я им читал, присоединял временами очень живые дискуссии, которые показывали, что думают люди в самых широких кругах растущего рабочего класса. С другой стороны, я был поглощен собственными лекциями и мог видеть, как в них можно включить то, что является не только хозяйственным и так далее. И кто пережил нечто подобное, я бы сказал, с определенным наблюдающим человеческие отношения чувством и без предубеждений, тот знает, какое это заблуждение мыслить сегодня простыми экономическими категориями, такими как капитал, заработная плата и тому подобное, или импорт и экспорт, торговля, финансы, платежный баланс, валюта и другими вещами, будто в этих вещах заложено нечто большее, чем то, что разыгрывается только на поверхности. Нет, в этих вещах действительно лежит для сегодняшнего кризиса то, что разыгрывается только на поверхности. Поскольку всё, что разыгрывается в хозяйственной жизни, исходит, в конце концов, всё же от человека, из человеческого мышления, и от того, что человек делает, так что из этого выходят квалификации отношений капитала и заработной платы, импорта и экспорта и так далее, колебаний валютных курсов. В конечном итоге это зависит от того, что исходит из мыслей людей.

Видите ли, тут я могу говорить действительно беспристрастно, поскольку я пять или шесть лет был учителем среди рабочих и дошёл до того, что к концу у меня появилось большое количество последователей из рабочих, но в один прекрасный день руководители этих рабочих заметили, что тут есть кто-то, кого нельзя терпеть, что тут есть кто-то, кто учит не ортодоксальному марксизму, что тут есть кто-то, кто стремится внести в сердца и умы рабочих нечто совсем иное, чем ортодоксальное учение.

С моими учениками было проведено собрание. На этом собрании присутствовали сотни моих учеников и предводители рабочих, правда, второго ранга, но посланные предводителями первого ранга, которые говорили разные вещи, в том числе и то, что я в рабочем движении являюсь невозможной личностью. Я сказал: Хорошо, но вы, ведь, хотите здесь, в будущем, возвращать нечто такое, что должно быть полезно для будущего, и при этом вы не понимаете самого простого, свободы обучения? Тут один из предводителей воскликнул: свобода обучения? Нет, мы знаем только разумное принуждение! И, не смотря на голосование всех против этих четырёх, против этих четверых предводителей, моя дальнейшая деятельность была совершенно невозможна.

Это дает мне право, основываясь на фактах, говорить с некоторой беспристрастностью о том, что, собственно, происходит сегодня в международной Европе в экономической жизни.

Но нужно также действительно уметь изучать то, что исходит из самого человека, и что, собственно, только и обуславливает те категории, о которых я говорил, и которые обычно перечисляют. Надо прежде всего спросить себя: Каковы особенности той веры, которая постепенно распространяется среди европейского пролетариата?

Видите ли, наиболее характерным признаком восприятия миллионов людей является то, что, во-первых, люди мыслят о духовной жизни так, что всё, что человек производит духовно, в том числе и то, что он производит, исходя из своего духа в виде права, нравственности, религии, науки, - что всё это ни что иное, как нечто такое, что абстрактным образом порождено человеческим мозгом, что является, своего рода, идеологической надстройкой над единственной реальностью, базой: хозяйственной жизнью производства и потребления.

Это укоренилось в миллионах и миллионах людей. Я не хочу сейчас исследовать, в какой степени это восходит к теории Маркса и Энгельса, но это укоренилось в миллионах и миллионах людей: вся духовная жизнь есть некая идеология, нечто, выросшее просто из экономической жизни.

Да, возможно, в кругах тех, кто ощущает себя очень умным в экономическом отношении, мало примут во внимание эту веру пролетариата по отношению к нынешнему экономическому кризису в международной жизни. Но это, как раз, огромная ошибка, что сегодня с пренебрежением относятся к важнейшим вещам. Поскольку люди не учатся познавать, откуда возникает кризис, а именно, откуда возникает то, что живёт в человеческом бессознательном, и откуда возникает экономическая катастрофа, если они не направят свое внимание на душевную жизнь широких масс. Нужно учитывать душевную жизнь широких масс; поскольку им позволяют верить в то, что духовная жизнь - это всего лишь идеология, но с этой идеологией нельзя жить, и человек становится опустошённым, человек теряет точку опоры в жизни.

Особенность состоит в этом: Огромные массы цепляются за это учение с беспримерным фанатизмом, а именно массы, которые задают ныне тон в определённых хозяйственных рабочих кругах, эти массы с фанатизмом цепляются за это учение; но при этом они становятся все более и более опустошёнными.

Как это случилось? Ведь, материализм вышел не из самого этого рабочего класса, материализм за последние четыре столетия возник в правящих кругах. Только эти правящие круги, исходя из своей определённой половинчатости, сохранили старые традиции. С одной стороны, они начали материалистически мыслить о внешней жизни, внутри которой они стоят, с другой стороны, как свою религию, как свою мораль и так далее, они сохранили старые традиции, и ведут, по сути, двойную бухгалтерию.

Рабочий, который выброшен из всего того, где он был раньше, с чем он сросся, - из ремесла, из продукции, которую он любил, которой посвящал свою жизнь, - этого себе позволить не может: Он призван к абстрактной машине, помещён в абстрактную фабрику. Он ищет своё благо в том, что для других является лишь половиной их жизни. Об этом можно судить, только побывав внутри. Это произошло постепенно. И так в Европе возникло это огромное непонимание.

Это непонимание лежит сегодня на Европе, как ужасная судьба. Тут, наверху те, кто должен управлять капиталом, тут, наверху те, кто должен управлять хозяйственной жизнью, кто мог бы управлять ею, если бы только захотел, кто мог бы также превратить материализм в некое здоровое мировоззрение, кто мог бы также быть практичным. Тут все те, кто мог бы сделать всё, что угодно, если бы захотел.

Там, внизу те, кто серьезно воспринял то, что в этих руководящих кругах развилось как материализм, кто ничего не может, кто верит, говоря: с капитализмом надо бороться, - что этой фразой можно чего-то добиться; кто не знает, что, ведь, без капитализма, в современном смысле этого слова, вообще нельзя иметь экономическую жизнь, что без капитализма можно вернуться только к варварству. Рабочий во всей Европе стал беспомощным в своих мыслях, беспомощным перед лицом действительности, этот рабочий, приставленный к машине, всерьез расписывает себе те теории, которые, я бы сказал, являются побочными продуктами жизни среди другого мусора, с которым нельзя жить и также хозяйствовать, как показывают такие вещи, как металлизм, монометаллизм и тому подобное.

Это огромное недоразумение, - что привело к нему? Ну, вы можете видеть это из развития европейских условий. Посмотрите на Россию. В России, согласно особенностям народа, произошло то, что трудно изучить тому, кто смотрит на эти вещи беспристрастно и без предубеждений, не будучи агитатором. В России существовало множество дифференциаций между социалистическими и социальными идеалами. Что было в этой России до 1914-го года? Угнетённое русским милитаризмом, угнетённое столь многими ненавистным царизмом, в широких массах жило то, что формировалось именно в этих широких массах, от чего нельзя было найти моста к тому другому, что жило в правящих кругах. Там не хотели достигнуть того, что надо было достигнуть: построить мост, построить этот мост как лидеры, как интеллектуалы. Мы видим возникновение современного капитализма. Мы видим возникновение современного индивидуализма с призывом на фабрики, к машинам, многомиллионных человеческих масс. То, что тут было бы

необходимым, так это обращение к новому практическому мышлению, а со стороны интеллигенции - сделать себя ведущими, обрести доверие, дать понять широким массам, каким образом действительно серьёзно можно следовать аллюрам хозяйственной жизни; но ничего из этого сделано не было. Высшие слои жили для себя. Другим позволили учиться. Как раз, пролетариат учился очень много, в одиночестве предаваясь тому, что было мусором образования, материалистическим мусором образования.

Сегодня в экономическом кризисе Европы мы пожинаем плоды этого. Это духовно обусловленная, трагическая судьба.

Тогда из того, что держалось под гнётом, во что не хотели вникать духовно, что не хотели духовно насытить разумными воззрениями, что хотели удержать внешней физической силой милитаризма и абсолютной монархии, или какой-либо другой силы, - тогда из того, что использовали для обезвреживания того, что не хотели одолеть духовно, родилось то, из чего и произошли европейские военные катастрофы.

И что же тогда возникло? Тогда для России возник ленинизм, троцкизм. Совсем не из русского социализма, - о нет, менее всего ленинизм и троцкизм возникли из русского социализма. Никогда что-либо вроде ленинизма и троцкизма не могло родиться из русского социализма. Совсем другое получилось бы, если бы искали взаимопонимания между интеллигенцией и широкими массами населения разумным образом. Нет, Ленин и Троцкий выросли не из революции! Ленин и Троцкий выросли из тех кругов, которые в качестве результата принесла война, из того, что произошло посредством войны как конечное следствие милитаризма, - из него выросли Ленин и Троцкий. Результаты войны проникли в Россию и в последнее время подавили то, что хотело выйти снизу, с чем надо было найти взаимопонимание. Ленин и Троцкий - не герои социализма; они - сыновья европейской катастрофы войны и их появление стало возможным только благодаря тому, что на Россию обрушилась беда результатов войны. А то, что было в остальной Европе, читайте в прекрасной книге - но можно взять и многое другое — Кейнса²³, «Экономические последствия европейского мирного соглашения». То, что распространилось в прочей Европе – что это? Это что-то вроде исповедания экономического мышления; это экономические устремления до 1914 года, которые привели нас к страшной катастрофе? Нет, это не так, но то, что мы переживаем, включая все заботы о валюте отдельных стран, не является здоровым возвращением к здоровым взглядам, которые, как думают, можно получить от того факта, что эта болезнь через катастрофы довела до абсурда. То, что мы переживаем, является результатом войны. Исходя из очень, очень недалёкого суждения, один немецкий генерал²⁴ высказал слова, которые много раз повторялись во время этой военной катастрофы: Война – это всего лишь политика, продолжаемая другими средствами.

Во время войны я всегда сравнивал это изречение с фразой: «Развод - это всего лишь брак, продолжаемый другими средствами!» Но в определённом правильном варианте можно было бы сказать: Этот мир, особенно в области экономической жизни, есть лишь продолжение войны другими средствами. Так говорит воистину не окрашенное агитаторским образом или каким-то иным рассмотрением современного хозяйственного положения, а так говорят даже такие объективные судьи, с той стороны, у которой сегодня было бы больше всего оснований судить объективно, с стороне англичан, о чем говорит Кейнс в своей книге «Экономические последствия заключения мира».

Видите ли, если действительно учесть на эти вещи, то надо будет сказать: О, причины нынешних экономических катастроф лежат гораздо, гораздо глубже! Ведь, в конце концов, надо только взглянуть на сегодняшнюю экономическую жизнь, на то, как она развивалась. Не

---

²³ Джон Мейнард Кейнс, 1-й барон Кейнс СВ (англ. John Maynard Keynes, 1st Baron Keynes; 5 июня 1883 года, Кембридж — 21 апреля 1946 года, поместье Тилтон, графство Суссекс) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической науке (прим. пер.).

²⁴ Имеется в виду Карл фон Клаузевиц (Karl von Clausewitz) (1780-1831); Прусский генерал и военный писатель. Цитата, процитированная Рудольфом Штайнером, взята из книги «О войне». Книга первая: О природе войны», Берлин, 1832, стр. 16. В ней буквально сказано: «Война есть простое продолжение политики другими средствами».

нужно позволять увлекать себя односторонними декламациями о капитализме и антикапитализме, а нужно лишь признать безусловно оправданные современными условиями объективные факты, что наша экономическая жизнь тесно переплетена с тем, что мы должны называть денежной экономикой.

Ну, я, конечно, далёк от клоунской идеи, хотеть как-то побороть эту денежную экономику. Об этом не может быть речи, поскольку тогда я, как раз, придерживался бы клоунской идеи, точно так же, как я считаю клоунской идеей каким-то образом реформировать деньги. Нет, то, о чём идёт речь, это то, что, благодаря всем современным хозяйственным отношениям, то, что мы имеем в деньгах, стало в хозяйственной жизни абстрактным.

Один английский экономический газетчик²⁵, справедливо заметил: «То, какие функции, собственно, выполняют в нашей экономической жизни деньги, - это вопрос чрезвычайно спутанный и, собственно, никак не может быть разделён, распутан для какого-то рассмотрения». - Так оно и есть. Но я мог бы пояснить это одним сравнением.

Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, если кто-то является мыслителем очень абстрактной сущности, если он тут же переходит от частного к общему, если он, например, видит на лугу всевозможные цветы с конкретными именами, а потом говорит: Растения или цветы – а «цветы» сравнивает с животным и так далее, – то он мыслит абстрактно. Он приносит абстрактные мысли, охватывающие многое, и как ковром накрывает ими конкретные части.

Так в действительной хозяйственной жизни обстоит дело с деньгами. В действительности, деньги вносят в реальную хозяйственную жизнь совершенно абстрактный элемент. Подумайте, если у меня есть 50 франков, то я соответственно обладатель 50-ти франков, и если у меня в портмоне 50 франков, то совершенно безразлично, куплю ли я завтра какого-нибудь кролика или муку, или серебряные часы, или штаны, или ещё что-нибудь. Конкретность хозяйственной жизни заканчивается перед абстрактностью денег. Это проявляется в тот момент, когда деньги противостоят деньгам, когда деньги покупают. Лучше всего это можно видеть - точно так же, как абстракции прячутся перед реальностью мышления - в том, как абстрактность денег прячется от реальности. Видите ли, тот, кто в последние недели следил за газетами в Германии, мог обнаружить, что люди были очень рады тому, что курс валюты немного улучшился. Потом он, правда, стал прежним. И тот, кто знаком с более глубокими связями, не будет слишком впечатлён временным улучшением этого курса валюты. Этому находили всевозможные причины, но за всем этим стояло ни что иное, как то, что имеющиеся в Испании немецкие банкноты, благодаря какой-то особой констелляции, посредством особых намерений американцев были куплены на бирже, и это повлияло на небольшой скачок курса немецкой валюты. Это укрылось от зрения по той простой причине, что когда деньги как таковые участвуют в торговле, когда деньги сами являются предметом торговли, тогда это всегда стоит далеко от конкретной хозяйственной жизни, и связи больше не видны. Как когда кто-то говорит абстрактно, у вас в голове словно вращается мельничное колесо, и вы больше понятия не имеете, что он, собственно, имеет в виду со своей абстрактностью, точно так же при манипуляции денег вы больше не знаете, что, собственно, происходит в экономической жизни.

Видите ли, в этих вопросах дело, по сути, заключается в том, что деньги как средство обращения стали чужды действительной экономической жизни; и это причина того, что мы

---

²⁵Предположительно, это английский финансовый теоретик Хартли Уизерс (Hartley Withers), из книги которого «Значение денег («The meaning of money») нем.: «Деньги и кредит в Англии» («Geld und Kredit in England»), Йена 1911 год, часто цитирует Рудольф Штайнер. В своей статье «Трёхчленность и социальное доверие – капитал и кредит», опубликованной в январе 1920 года в журнале «Soziale Zukunft», он говорит: «В разных источниках, например, английским финансовым теоретиком Хартли Уизерсом (в его замечаниях по поводу <Деньги и кредит>), было сказано, что все вопросы, касающиеся денег, настолько сложны, что точное определение понимание некоторых мыслей сталкивается с чрезвычайными трудностями». Очерк входит в полное издание тома «Тезисы о трёхчленности социального организма и положение в 1915-1921-ых годах»> ГА. Библ.-№г. 24.

попали в такой ужасный экономический кризис. Поскольку этот экономический кризис был, собственно, уже до войны, а война была лишь выражением этого экономического кризиса. [пробел].

Видите ли, ведь, кто-то мог, скажем, в году 1865, например, иметь самые большие возможности для воздухоплавания, - но он не мог осуществить эти возможности возможностями, потому что воздухоплавания ещё не существовало! Бесплезно быть просто умным в какой-то области жизни. Если обстоятельства уводят от непосредственного переживания того, что надлежит пережить, то никакая умная мысль не поможет. И то, что, как раз, в хозяйственной области, как и в других областях, человек оторван от реальной жизни, - это привело всю современную цивилизацию к тому, что эти три основные области жизни: духовная жизнь, политическая или правовая жизнь и экономическая жизнь, всё более и более срастались в единое государство.

Этому срастанию в единое государство способствовала денежная экономика. Как я уже сказал, пожалуйста, не поймите меня неправильно, будто я как-то возражаю против денежной экономики. Я только хочу указать на то, что к оздоровлению нашей экономической жизни должно привести, как раз, то, что не охвачено денежной экономикой!

В последнее время постоянно утверждалось, что единое государство является панацеей от всего. Эта панацея маячила не только перед глазами правящих до сих пор людей, но и перед социалистами; ведь, чего хотят социалисты? Использовать структуру, развернутую структуру государства для того, чтобы встроить туда свои социалистические заблуждения [пробел]. Даже Ленин и Троцкий не сделали ничего, кроме того, что заполнили своими абстрактными социалистическими понятиями то, что им оставила война от старого русского царского государства. Эта мысль единого государства только в последние три-четыре года — а кто действительно знает историю, тот знает, что она существует лишь столько - стала, так сказать, мыслью всех тех, кто считает, что он хочет правильного для публичных отношений, и кто не видит того, что зреет в человечестве действительно: что в действительности человечества зреет стремление в отношении духовной жизни, стремление в отношении правовой или государственной жизни и в отношении хозяйственной жизни, прийти к совершенно другой констелляции, нежели было раньше. Я хочу коснуться этой вещи, так сказать, за кончик.

В некоторых областях европейской жизни из старых институтов выделяется то, что мы называем правом наследования. Право наследования связано с кровными узами людей. Если вы проследите за тем, что из наследственного права излучается во все публичные отношения, включая конфигурацию государственных и общественных отношений, вы увидите, как много зависит от этого наследственного права также и в экономической жизни. Наследственное право оказывает влияние на отдельных людей в той или иной отрасли хозяйства, оно приводит людей туда, они находятся там, и, благодаря их способностям, возникают отдельные вещи. Но, в конце концов, из этих отдельных вещей складывается большая часть всей хозяйственной жизни. Короче говоря, мы крепко привязали наследственное право к кровным узам, к тому, что организовано в человечестве природой.

Что же произошло, как раз, в тех государствах, которые считают себя наиболее образцовыми за последние три-четыре столетия? Человек научился организации от природы. В особенности, заслуга в организации принадлежит немцам. У них это получалось настолько хорошо, что они довели это до уровня механизма. Но это распространилось и по всему цивилизованному миру. Эта организация, свойственная человечеству от природы, была перенесена также и в социальную жизнь. И эта организация, связанная с кровными узам, эта организация, имеющая в наследственном праве нечто очень симптоматическое, - есть и много другого, - ведь, эта организация очень ясно проявляется, по сути, и в организации духовной жизни. И, в конце концов, - хотя Католическая Церковь хочет быть демократическим институтом, который, правда, при определенных обстоятельствах, позволяет людям из самых низших слоев подняться на самые высокие посты в церковной иерархии, - на практике, ведь, то, что спаяно с такими вещами, как старые организации,

цепляющиеся за кровные узы, проникло также и в организации католической церкви; поскольку, в конце концов, архиепископами стали в основном люди из высшего дворянства, по крайней мере, их было больше, чем других, и так далее. Короче говоря, мы во многих отношениях видим, как в современный общественный порядок проникает то, что происходит от кровных связей; и то, что выражается особенно в таких вещах, как наследственное право, - это человеческий род, в своём глубочайшем сознании уже перерос. Если кто-то скажет: человек - это человек, и укажет на семилетнего ребенка и сорокалетнего взрослого, то вы рассмеетесь. Вы не скажете, что сорокалетний человек есть только результат тридцатипятилетнего, тридцатилетнего и так далее, но вы будете видеть в человеке то, что лежит, развиваясь из его глубины, в его существе. Но в истории всё же пришли к тому глупейшему воззрению, что последующее является результатом действия предыдущего, хотя уже долгое время человеческий род таков, что в отдельном организме следующие друг за другом фазы следуют, исходя из внутреннего существа человека, как, например, смена зубов или половое созревание. Таким образом, в последние несколько лет, в то время как в духовной жизни, в правовой и хозяйственной жизни как наследственные части остались вещи, возникшие из старых кровных уз и обусловленных ими отношений, в то время как остались старые публичные права, в подсознании людей утвердилось стремление к новому порядку, к тому, что должно появиться нечто другое.

Тогда, если вы хотите попытаться услышать то, чего люди хотят действительно, то оно появляется где-то, вроде моей книги «Основные пункты социального вопроса». Не замечают только то, как эти вещи слышатся в истинной действительности и истинной практике, в том, чего требует сегодня жизнь. Тогда, исходя из старого развития человечества, мы имеем право наследства. Его хотят сохранить, так же, как человек хочет сохранить, например, свой двенадцатилетний или четырнадцатилетний возраст, не понимая, что в двадцать лет он должен быть кем-то другим, нежели тем, кем он был в двенадцать или четырнадцать лет. Конечно, в отдельном мы такой глупости не хотим. Но у нас есть право наследования. Оно стало чем-то таким, во что сознание людей входит не хочет. Сегодня, исходя из элементарного чувства, человек слишком погружён в свою индивидуальность, чтобы придерживаться конвенционального средства наследственного права, даже если он и хочет соответствовать традиции внешне [пробел]. Если человек честен и прислушивается к тому, чего, собственно, хочет человечество, тогда он приходит к тому, что вы найдёте изложенным в «Основных пунктах социального вопроса», где показано, что человечество имеет в социальном порядке тенденцию к связанности человека, обладающего определенными способностями, со средствами производства, или, скажем, с капиталом. Если он уже не может соединить с ним эти способности, то сумма средств производства или капитала должна, в свою очередь, перейти от него к тому, кто может это сделать. Тут проявляется то, как старое время должно переходить в новое. Старое время ставило хозяйственную конфигурацию в зависимость от крови. Новое время делает независимой, - что уже произошло в сознании людей, - хочет сделать конфигурацию хозяйственной жизни независимой от того, что переживается сознательно. Так что в новом порядке не будет говориться о праве наследства в обычном смысле. По этой причине, например, право наследования сегодня часто подвергается сомнению, - сомневаются в том, что можно говорить о праве наследования. Надо говорить только о том, что если я, благодаря своим способностям, получил сумму средств производства, с помощью которой я могу чего-то добиться, собрал капитал, то на мне лежит обязанность, когда я уже не смогу сам управлять этим, передать это кому-то другому, кто, в свою очередь, благодаря своим способностям, должен быть с этим связан. То, что зависело только от крови, должно быть заменено разумом и человеческой индивидуальностью.

Для кого-то это покажется радикальным, но это говорится не из какого-то радикализма, а это услышано из того, чего, собственно, бессознательно хочет человечество.

Если таким образом взглянуть на то, что сегодня представляет собой человеческое развитие, то можно прийти к тому, что, благодаря той точке зрения, которую человечество

достигло в общей науке о человеческом роде, в духовной жизни, правовой или государственной жизни и в экономической жизни, люди зашли так далеко, что их больше нельзя спрессовать в единое государство.

Здесь, как раз, вступает сегодня импульс трёхчленности социального организма, требуя для духовной жизни полного становления на свои собственные ноги, требуя того, с чем сегодня, как раз, больше всего борются, поскольку считают особенно умным делать государство стражем над духовной жизнью. Но это сегодня должен требовать тот, кто узнаёт то, что бессознательно хочет человечество, что духовная жизнь должна полностью опираться на саму себя.

Возьмём одну из важнейших частей: публичный институт школ. Начиная от учителей начальной школы до учителей высшей школы должно быть самоуправление.

Видите ли, на основе тех педагогически-дидактических принципов, которые вытекают из такого образа мышления меня призвали основать Вальдорфскую школу в Штутгарте. Эту Вальдорфскую школу основал Эмиль Мольт, местный производитель фабрики Waldorf Astoria. Мне надо было дать этой школе духовное основание, и, собственно, управление школой до сих пор лежит на мне, даже если со стороны это не всегда заметно. И к тому же я неделями читал семинарский, педагогический курс для учителей, просто чтобы указать направление, в котором должна работать эта школа.

Да, там я был вынужден также признать, - возможность оценить, насколько всё это до сих пор удалось, вам ещё будет представлена, - на каком обрывистом пути находится духовная жизнь, как раз, в своей важнейшей области, в области школьной системы. Разумеется, я должен был разработать учебные планы и, чтобы сориентироваться, мне нужно было увидеть, что там есть, чтобы соответствовать современным целям школьного обучения и его учебным планам.

Что ж, мои многоуважаемые присутствующие, я ещё могу вспомнить - правда, это было очень давно, когда я сам был в школе или общался с учителями, - когда всё, что входило в школьную программу, ещё умещалось на одной странице печатного текста; теперь это толстые книги, где всё расписано до мельчайших подробностей. С одной стороны, там было то, что в своих книгах изложили люди педагогического искусства, педагогической науки, - то, что они передают обучающим. Тут у нас то, что исходит из опыта и профессиональных знаний. Затем там было то бюрократическое, что исходило от государства. Это гораздо важнее, чем можно было бы подумать! Нет никакого оправдания тому, что в управление духовной жизнью вмешивается нечто другое, кроме объективно-профессионального. Это особенно заметно проявляется, например, в области школьного образования. Насколько иначе были бы воспитаны и включены в экономическую жизнь люди, если бы духовная жизнь могла управляться совершенно свободно, только исходя из своих собственных основ! Оценить это может только тот, кто действительно приобрёл здравое суждение о связи свободной духовной жизни, развития человеческих способностей, исходя из свободного духовного переживания, также и относительно значения для экономической жизни и государственной жизни. - Тут речь идёт о том, чтобы, наконец, добраться до вопроса: Какое место духовная жизнь занимает во всём человеческом развитии?

Далее, мои многоуважаемые присутствующие, духовная жизнь организована. И эта духовная жизнь организована тем больше, чем более элементарной является область, [в которой она организована]. Рассмотрим, например, семью. Взгляните, как из семьи вырастает отдельный человек, как сын вырастает в художественное, от того, что был похож на отца или мать, не только внешне физически, но и душевно-духовно. Чем дальше возвращаешься назад, тем больше, на примере того, что вырастает из семьи, видно, как там духовная жизнь организована, как раз, исходя из природы.

В чём же состоит то, чего мы должны достичь для духовной жизни? В отношении отдельной индивидуальности это состоит в том, что мы должны вывести отдельную индивидуальность из этой организации: мы должны преодолеть эту организацию, - ту организацию, которая дана природой; мы должны воспитывать отдельного человека в

свободе. Свободу надо сначала обрести в земной жизни. Затем, свобода может быть достигнута только в том случае, если мы действительно, как учителя, как воспитатели или вообще как участники духовной жизни, будем в состоянии понимать людей, работать, исходя из индивидуальнейших способностей человека, а также помещать людей в экономической жизни согласно способностям, с помощью которых он импульсивно раскрывает себя нам в природных отношениях.

В том и особенность духовной жизни, что надо сказать: Тот, кто честно думает о демократии, думает, как раз, так же, как думают о том, что на четырнадцатом, шестнадцатом году у человека наступает половая зрелость. Так же, в течение последних трёх-четырёх столетий в человечестве возникла тенденция к демократии. Как раз, те, кто мыслит честно, требуют, чтобы все обстоятельства, которые развиваются у людей, когда они достигают совершеннолетия, разрешались ими как равными среди равных. Это произойдет в том, чем является человеческое образование в области духовной жизни. Это настолько зависит от отдельных человеческих способностей и знаний, что никогда не должно быть предметом демократического управления или конституции, так что оно может быть основано только на самоуправлении этой духовной жизнью. Духовная жизнь, она организована, и она должна быть выведена из этой организации.

А что с хозяйственной жизнью? Хозяйственная жизнь не может быть организована [пробел]. Идеологические, чуждые миру люди во всевозможных утопических идеалах излагают то, согласно каким формам должна быть организована экономическая жизнь, как экономическая жизнь должна быть приведена к той или иной структуре. Это было бы смертью хозяйственной жизни! Эта бессмыслица началась, когда, впервые захотела встать на ноги, так называемая, Deutsche Republik. Это так же бессмысленно как то, что плановый экономист думает: хозяйственную жизнь можно организовать! Но тот, кто хоть что-то понимает в хозяйственной жизни, знает, что хозяйственную жизнь организовать невозможно! Хозяйственная жизнь может вырасти во что-то целое только в ассоциациях. Это значит: Хозяйственная жизнь не может быть организована сверху, или с какого-то направления, с какой-то стороны, а она может быть успешной только в ассоциациях, которые вырастают из профессиональных слоёв, из тех, кто связан друг с другом, связан друг с другом в определённой производственной области, в определённой потребительской области.

То, что имеет интересы одного и того же рода, присоединяется в ассоциациях к тому, что имеет родственные интересы. Родственные интересы имеют некое сцепление. Это сцепление, это структурирование, однако, строится не так, что его организуют извне, а оно строится посредством того, что одно звено присоединяется к этой ассоциации через другие звенья. Речь идёт о сцеплении и переплетении людей, которые стоят в жизни, которые вырастают из жизни, которые обладают опытом и способностями в определенной области экономической жизни, которые определенным образом выросли в экономическую жизнь, которые также могут обрести доверие, поскольку они стоят внутри неё, поскольку они в определенном смысле родственны этой отрасли. Но надо, чтобы эта отрасль ассоциативно связывалась со следующей, так чтобы человек был принужден к отходу от абстрактного характера приобретения денег не случайным образом, а потому, что он знал бы, что, находясь внутри какой-то работы хозяйственной ассоциации, он может с этой целью обратиться к представителю другой ассоциации. Тот же, в свою очередь, знает, как обстоят дела там.

Да, видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, когда есть такая построенная на ассоциациях экономическая жизнь, тогда оказывается, что разумность (Gescheitheit) экономического мышления как-то помогает! Какая польза от разумности, когда сталкиваешься с непрозрачной экономической жизнью? Это можно видеть на примере монометаллизма, свободной торговли. Они, как раз, привели к введению защитных таможенных тарифов. Сегодня экономическая жизнь непрозрачна. Необходимо вначале обеспечить жизненные условия, благодаря которым можно просматривать [экономические] связи. Эти экономические связи будут просматриваться тогда, когда человек, состоящий в одной ассоциации приходит к взаимопониманию с человеком, состоящим в другой

ассоциации, скажем, в какой-то другой точке пересечения. Если он сможет напрямую обращаться к той или иной другой ассоциации, то разумность, связанная с ассоциациями, как-то поможет ему в осуществлении этих связей, этих мер, насколько это позволяет действительность, благодаря этой цепи ассоциаций. Ведь, в этом и состояла особенность предшествующей экономики, что у человека не было возможности развиваться и позволять развиваться вещам таким образом. Это, мои многоуважаемые присутствующие, не понято ещё вплоть до сегодняшнего дня.

Я говорю это не из-за какой-то переоценки себя, а я говорю это, поскольку верю, что сегодня это может увидеть каждый. Не было понято то, что эта трёхчленность социального организма должна обеспечить самостоятельность духовной жизни, той экономической жизни, которая строится на ассоциациях и ни на чем ином, как на ассоциациях, целиком и полностью на ассоциациях, вырастающих из самих хозяйственных основ, в то время как государство должно оставаться для того, что находится между ними, оно не должно иметь ничего общего с хозяйственной жизнью, не должно иметь ничего общего со свободной духовной жизнью. Духовная жизнь должна строиться на познании отдельного человека и на его способностях (Tüchtigkeit). То, что является хозяйственным, должно строиться на том практическом опыте и тех навыках хозяйственной жизни, которые могут быть обретены в живом взаимодействии ассоциаций. С обоими государство не должно иметь никакого дела. Государство имеет какое-то дело с людьми, который стоят таким образом в хозяйственной жизни, а, с другой стороны, в духовной жизни, которые найдут себя вместе со всеми людьми, достигшими совершеннолетия в демократической государственной жизни, где установлено публичное право, которое тогда излучается, с одной стороны, на духовную жизнь, а, с другой стороны, - на хозяйственную жизнь. Не надо бояться того, что эти три члена социального организма распадутся. Они будут объединены через людей. Один человек стоит внутри одного круга, другой - внутри другого. Эти три организации разделены лишь на благо человечества, поскольку ставшие сложными условия нового времени требуют такого разделения социального организма.

Это то, что действительно может оздоровить потрясенную кризисами экономическую жизнь. В своей книге «Основные пункты социального вопроса» я говорил: «Идея мысль о трёхчленности - это не какая-то утопия, мысль о трёхчленности может присоединиться к непосредственной действительности повсюду. Эту непосредственную действительность надо принимать такой, какая она есть; но она, в свою очередь, должна быть оздоровлена в области экономики посредством свободной от государства ассоциативной жизни. Вычленение хозяйственной жизни из организации государства и постановка этой хозяйственной жизни на свои собственные законы, которые могут возникнуть только на пути от ассоциации к ассоциации, - вот что необходимо. Это выглядит абстрактно, мои многоуважаемые присутствующие, но это не абстракция, а это самое что ни на есть конкретное.

Хозяйственники есть, речь идёт только о том, чтобы они стремились к установлению родственных связей, господствующим между производством и потреблением, между профессиональными отраслями, между ассоциациями, соответствующими одной отрасли производства и другой отрасли производства, не заботясь о политических границах. И в долгосрочной перспективе солидарному устремлению вовлеченных в международную экономическую жизнь людей удастся преодолеть те устремления, которые предпринимаются здесь и там по улучшению валюты и так далее. Подумайте только, насколько может оказаться оторванным от реальных условий простое абстрактное управление деньгами. Возьмите Германию до 1914 года. Примерно за год было потрачено сбережений и освоено (erarbeitet) 5–6 миллиардов капитала. Новые эмиссии, включая также заложенные облигации, долги по земельным книгам и всё, что было потрачено на люкс-постройки, новые квартиры и тому подобное, составили до 1914 года примерно 11 миллиардов марок. Освоен, потрачен был капитал в 5-6 миллиардов, новые эмиссии составили 11 миллиардов, в два раза больше! Что это значит? Это значит: мы движемся по ту сторону действительной экономики; поскольку действительная экономика должна быть освоена (erarbeitet): стоимость капитала, примерно в

два раза превышающая реальную стоимость капитала, лежит за пределами действительной экономики. Поскольку освоенная стоимость капитала (чистая приведённая стоимость) должна была бы появиться просто за счёт новых эмиссий и облигаций залогов в размере от 5 до 6 миллиардов марок. Что, ведь, и было в действительности. Подумайте, к чему это приведёт, если таким образом абстрактное денежное хозяйство будет эмансипировано от конкретной хозяйственной жизни!

Излечиться от этого можно только посредством того, что человек снова соприкоснется с опытом самой хозяйственной жизни, это значит, что тот, кто стоит в одной области экономической жизни, ассоциирует себя с системой, в которой стоит другой человек, с системой другой области. То, что показывает трёхчленность социального организма, является не чем-то дилетантским, не чем-то утопическим, а чем-то, что повсюду непосредственно захватывает практическую жизнь. И люди сегодня, по вполне определённой причине, не находят свою причастность к этой идее трёхчленности: они ещё не хотят признать, что мы оказались в огромной сумятице, они ещё хотят справиться с ней с помощью мелких доз микстур, локальными средствами. Это не сработает, мои многоуважаемые присутствующие! Если кто-то болен, надо прибегать также к сильным лечебным средствам. С теми, что предлагаются сейчас как социальные лечебные средства, ничего не выйдет. Следует признать, что то, что выступает под этой идеей трёхчленности социального организма, собирается стать мощным лекарством. Однако, применима не только пословица: «Большой пень требует большого клина», но и другая пословица: тяжёлая болезнь требует радикального лекарства. И я верю, что тому, кто может видеть постоянно растущее смятение в интернациональной хозяйственной жизни в Европе это скатывание в варварство, всё же хватит достаточно серьёзности, чтобы немного взглянуть на то, что, по его мнению, может вывести из этого упадка и привести к новому восхождению, чтобы как раз, исходя из действительного анализа обстоятельств, - не так, как это делали монометаллисты, а из действительного анализа обстоятельств, так, будто стоишь так, как тот, кто обрабатывает бельё химическим средством, окрашивая его затем в чёрное или коричневое, - если осознать масштабы европейской опасности, серьёзно подступить к изучению лекарства. Вот что важно, и на что я уже долгое время различными способами хотел обратить внимание, и на что я также снова, мои многоуважаемые присутствующие, хотел указать сегодня.

Вначале ко мне был направлен вопрос:

Будет ли в трёхчленном социальном организме упразднена собственность на капитал?

Видите ли, ведь, в реальности речь идёт, собственно, о чем-то ином, чем о владении капиталом. Речь идёт о том, что, во-первых, можно работать в соответствии с капиталом. Это невозможно, чтобы в нашей сложной современной жизни, скажем, капитал как таковой, как из-за недопонимания требуют многие, был бы отменен. Само собой разумеется, что капитал необходим, хотя бы только в виде средств производства. Капитал нужен для того, чтобы иметь возможность привести в действие современный хозяйственный аппарат. Таким образом, капитал должен быть.

Более точно я изложил это в своей книге «Основные пункты социального вопроса». Но в отношении управления капиталом тем, кто, благодаря своим способностям, призван в какой-то области управлять этим капиталом, кто его, как бы, собрал, или получил каким-то другим способом на пути, обозначенном в моей книге «Основные пункты социального вопроса в потребностях жизни настоящего и будущего», речь, как раз, идёт о том, что он управляет этим капиталом или управляет производством лишь до тех пор, - земля, с этой точки с точки зрения, также является средством производства, - пока он сам может при этом быть. Затем это, - будь то земля или другие средства производства, - переходит, в свою очередь, к кому-то другому, обладающему соответствующими способностями, таким образом, как это может регулировать ещё само передающее лицо. Таким образом, постепенно само собой получится так, что хозяйственная жизнь сможет становиться тем плодотворнее, чем больше будет

способных людей, поскольку управление капиталом действительно сможет быть передано способным людям.

Видите, совсем не важно быть кем-то иным, нежели распорядителем того, что следует понимать под капиталом. Сегодня люди не могут себе этого представить. Но возьмём, например, нечто такое, что, я бы сказал, некоторым образом является образцом, дорнахское здание, о котором мне часто приходилось упоминать в лекции.

Может возникнуть вопрос: Кому же оно принадлежит? Оно не принадлежит, в старом смысле, собственно, никому. Оно имеет смысл только в том случае, если оно передано тому, кто может им управлять. Необходимо только найти пути и средства для его управления.

То, чего можно достичь с более или менее идеальным институтом, может случиться и с любым практическим предприятием, с любой фабрикой, если делать это в практическом духе. И вы легко сможете представить себе социальную структуру, при которой старое владение, связанное кровными узами, заменяется управлением тех, кто обладает капиталом в силу своих способностей.

С этим я хочу тогда тут же связать вопрос, который ранее устно задал один господин:

Насколько эти учреждения смогут устранить, так называемую, эксплуатацию?

Совершенно ясно, что эта эксплуатация может существовать лишь до тех пор, пока в хозяйственной сфере существует личная власть. В моей книге «Основные пункты социального вопроса» вы найдёте ответы на то, как социальный организм проявляется в трёх членах, как хозяйственная жизнь организуется исключительно, исходя из хозяйственной точки зрения. Тогда, скажем, на предприятии, есть руководители работ и исполнители работ, возможно, также иерархически структурированный высший состав руководителей работ, среднее звено и так далее, вплоть до собственно рабочих. Никто не находится по отношению к другому в каких-то властных хозяйственных отношениях. Поскольку положение совершеннолетнего человека по отношению к другому совершеннолетнему человеку в хозяйственной жизни вообще не регулируется. В хозяйственной жизни имеют дело с хозяйством. Положение одного совершеннолетнего человека в отношении другого совершеннолетнего человека, - это предмет государственной, или правовой жизни; количество, длительность работы, - это упорядочивается в государственной, политической или правовой области. Мне приводили возражения, что эта трёхчленность социального организма является тем же, что представлял уже Платон, разделив человеческое общество на сословие кормильцев, сословие воинов и сословие философов, или учителей.

Ну, мои многоуважаемые присутствующие. Это, как раз. Противоположное тому, что говорил Платон о делении общества; он делил людей на три группы, и каждый отдельный человек принадлежал одной из этих трёх групп. Сегодня же речь идёт о том, чтобы делили не людей, а чтобы выступала трёхчленной организация, и каждый человек со своими интересами стоял во всех трёх организациях, - один так, другой так.

Представьте себе, у какого-то человека есть дети. Благодаря этому, он стоит в духовной организации через школьную систему. Как совершеннолетний человек он стоит как равный среди равных в правовой организации, независимо от того, кто он, имеет ли он ту же профессию, или выполняет какую-то другую работу, нежели кто-то другой. И он стоит в хозяйственной организации, поскольку и учитель, поскольку он тоже должен что-то есть и пить, принадлежит к хозяйственному организму. Вот что здесь входит в рассмотрение: разделяются не люди, а общественный организм.

Но, благодаря этому невозможно, как раз, то, что ведёт к эксплуатации в сегодняшнем смысле. К эксплуатации сегодня ведёт, во-первых: внешняя политическая власть, включая и власть человеческого индивидуума, то есть, политическая власть, управляемая политически. Во-вторых, экономическая власть. Экономическая власть, например, в сфере заработной платы, невозможна. Потому что в будущем, - то есть, я имею в виду, что наберётся действительно достаточно большое количество людей и, благодаря этому, в трёхчленном

социальном организме, если для него откроется путь, будут созданы здоровые условия, - в этом трёхчленном социальном организме не смогло бы возникнуть действительной эксплуатации. Но одно стало бы понятным: Видите ли, все социальные идеалы, как они сегодня выступают, являются в той или иной степени шарлатанством по той простой причине, что они возникли без учёта действительных условий. А именно, люди всегда думают: как надо устроить социальный организм, чтобы всем было хорошо? Конечно, у каждого на этот счёт есть свои субъективные взгляды. Идея трёхчленности социального организма ставит вопрос совершенно не так! Поскольку, разумеется, что если вы рассматриваете природный организм, скажем, организм льва, вы сможете в идеале представить себе его гораздо лучше, чем он есть. Надо представлять его возможности, только исходя из его условий. Так же и идея трёхчленности не представляет себе тысячелетний рейх, не верит в рай на Земле, а идея трёхчленности спрашивает, какое общественное устройство возможно, когда люди являются такими, каковы они есть. Тогда она получает общественное членение, которое заложено в трёхчленности социального организма. Как раз, из ассоциативной организации хозяйственной жизни вы видите, как вещи мыслятся, исходя исключительно из действительности.

Да, по сути, очень легко создать социальные программы, всеохватывающие программы! О, я ещё помню восьмидесятые годы 19-го столетия: годы: я довольно часто ходил в, так называемое, Cafe Griensteidl²⁶ в Вене, которое было так известно, поскольку туда ходили ещё в старые сорока восьмые; во время революции оно стало Литературным кафе. Карл Краус²⁷, о котором, ведь, уже слышаны в Швейцарии, написал об этом довольно знаменитом Cafe Griensteidl свою небольшую книжку «Загубленная литература». Это действительно было так; поскольку каждый, кто ходил в Cafe Griensteidl, мнил себя великим человеком. Таким образом, социальный вопрос решали, собственно, за каждым столиком, когда пили кофе, трижды, между двумя и четырьмя часами, и теми же людьми ночью, до полуночи, если, конечно, не слишком серьёзно относились к «Sperr-Sechserl», к времени закрытия в шесть!

Таким образом, программные решения этого социального вопроса можно было найти без труда!

Видите, если вообще не смотреть на действительность, а работать, исходя из программ и абстрактных идеалов, то можно выдумать массу всяких организаций.

Гёте прекрасно высмеял абстрактное формирование мировоззрений в своём стихотворении²⁸: «Die Welt ist ein Sardellensalat!» («Мир - это салат из анчоусов!»). С таким же успехом можно сказать, что мир состоит из абстрактных атомов, как это делают, например, монасты, с таким же успехом можно сказать, что мир - это салат из анчоусов, и доказать это; или можно пойти ещё дальше, как Густав Теодор Фехнер²⁹, который в одной своей очень милой маленькой брошюре, совершенно точно доказал, что луна состоит из йода. Там вы найдете очень точные доказательства. Так, если думать абстрактно, можно, по сути, доказать всё что угодно. Именно это заставляет людей впадать в такое большое количество ошибок, что они следуют за абстрактным и не входят в действительность. Но недостаточно быть просто логичным. Надо ещё быть соответствующим действительности. Действительное мышление должно иметь две вещи: логичность и соответствие

---

²⁶Знаменитое венское кафе (угол Herren- und Schaufergasse) был открыт в 1847 году и закрыт в 1897 году (собственно, в несколько перестроенном виде оно существовало с уголком из старых фотографий и прочих сувениров ещё где-то за год-два до Ковида, то есть, примерно до 2019-го года. Прим. пер.). Здесь Рудольф Штайнер - согласно личному высказыванию - написал свои "Основные линии теории познания гётевского мировоззрения", GA Bibl.-Nr. 2. См. также: Рудольф Штайнер, «Из центрально-европейской духовной жизни», GA Bibl.-Nr. 65, Дорнах 1962, стр. 330.

²⁷Карл Краус (Karl Kraus), 1874–1936; После сноса (Abriß) знаменитого «Cafe Griensteidl» он опубликовал в январском номере «Wiener Rundschau» за 1897 год под заголовком «Die demolierte Literature» сатиру на литературную молодежь Вены того времени; в том же году статья вышла в виде брошюры.

²⁸Рудольф Штайнер цитирует здесь первую строку стихотворения «Eins wie's andere» «Одно как другое» в: 4-ом томе издания София, Веймар, 1891 года, стр. 150.

²⁹Gustav Theodor Fechner, 1801–1887; учёный и философ. Под именем Dr. Mises он написал несколько сатирических произведений, в том числе «Доказательство того, что Луна состоит из йода», Лейпциг 1832.

действительности. Одно невозможно без другого. Но прежде всего необходимо соответствие действительности.

И поэтому также необходимо не представлять себе какое-либо случайное состояние мира и, исходя из него, кропать программы, а задавать себе вопрос: что возможно? Это основной вопрос трёхчленности социального организма! И нет абсолютно никакой возможности эксплуатации в сегодняшнем понимании. Видите ли, у всякой вещи есть две стороны! Со своей точки зрения даже капиталист может сказать: его эксплуатируют. Не правда ли, речь идёт о том, чтобы видеть возможное.

Тут есть ещё один интересный вопрос:

Что должно произойти, согласно представленным идеям, чтобы была предотвращена опасность большевизма?

Видите ли, - это приходится говорить снова и снова – и недаром я повторяю это снова и снова в штутгартской газете для трёхчленности³⁰, выходящей каждую неделю, и я уже изложил эту мысль в газете, посвящённой трёхчленности социального организма здесь, в Швейцарии: в «Социальном будущем», которое здесь редактирует и специально адаптирует для швейцарских условий Доктор Боос, и которое представляет трёхчленность здесь, в Швейцарии, что прежде всего необходимо, чтобы идея трёхчленности закрепились в достаточно большом количестве голов. Её вначале надо понять. Должны быть люди, понимающие её, чтобы она пустила корни. Поскольку, мои многоуважаемые присутствующие, тогда сама эта идея трёхчленности, или то, что из неё выйдет, станет единственным действительным предотвращением нынешних бед.

---

³⁰Еженедельное издание «Трёхчленности социального организма», издаваемое «Союзом трёхчленности социального организма». Впервые оно появилось через три года, с июля 1919 по июнь 1922 года, под редакцией Эрнста Ули. С июля 1922 года оно выходило под названием «Антропософия, еженедельник свободной духовной жизни, трёхчленности социального организма». В апреле 1923 года редактором стал Юрген фон Гроне (Jürgen von Grone), в июле 1923 года - доктор Курт Пайпер (Dr. Kurt Piper). С августа 1923 года подписываться как редактор стал управляющий совет Антропософского общества в Германии. В 1924 году название снова было изменено. Журнал теперь назывался «Антропософия и Гётеанум - еженедельник свободной духовной жизни». В июле 1924 года название снова было изменено на «Антропософия». Еженедельный журнал свободной духовной жизни». В октябре 1931 года журнал был объединен с журналом «Die Drei» и теперь выходил как ежемесячное издание под названием «Антропософия». Ежемесячный журнал свободной духовной жизни». Все очерки, опубликованные Рудольфом Штайнером в еженедельнике «Трёхчленность социального организма», вошли в том «Статьи о трёхчленности социального организма и к положению в настоящем, 1915-1921 гг.», Библ. № 24.

Духовная наука (антропософия)
в отношении духа и не-духа в наше время.
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ
Базель, 4 мая 1920 года

В этих трёх лекциях мне хотелось бы с одной определённой стороны дать, своего рода, обобщающую картину волеия духовно-научного движения, того волеия, которое вытекает из ясно видимых задач самой современности, и из того, что можно признать задачами человечества на ближайшее будущее.

Сегодня, в качестве, своего рода, вступления, мне хотелось бы сделать несколько замечаний о существовании антропософско-ориентированной духовной науки и о необходимости духовно-научного движения в современной цивилизованной жизни. Затем завтра я хотел бы уделить внимание в особенности тому, как эта духовная наука приводит к более глубокому познанию, к некому бережно охваченному познанию существа человеческой души и духа, и, исходя из него, затем к углублению нравственного, морального сознания. Затем мне хотелось бы также показать, как эта духовная наука должна соотноситься с религиозными верованиями современности, и, наконец, в третьей лекции я хотел бы показать, как современные бедствия вытекают из психологических особенностей распространённых по Земле народов, в соответствии с историческим развитием этих народов. Так что мне хотелось бы, некоторым образом, продвигаться от характеристики духовной науки к рассмотрению современной цивилизации, освещённой с духовно-научной точки зрения.

Если сегодня внешне, поверхностно, как это соответствует вкусам многих наших современников, услышать о чём-то вроде духовного движения, внешним представителем которого является здание в Дорнахе, то сразу же возникает ощущение: ведь, нечто подобное может существовать, собственно, только для воскресения, поскольку в остальные дни недели люди заняты своей полезной деятельностью, которая регулируется, которая, возможно, из-за каких-то событий раз в четыре или пять лет нарушается, но которая будет снова восстановлена, - но нет ощущения, что нечто подобное этому, имеющее дело с повседневными задачами человечества, могло бы возникнуть посредством духовного движения. Таким образом также сложилось мнение, что всё то, для чего здание Дорнаха является внешним представителем, есть какое-то сектантское движение, желающее быть, своего рода, новым религиозным образованием, и, предоставляя, по крайней мере, тем, кто с определённым, исходящим из той или иной причины, фанатизмом, держится за старое, искать все возможные средства борьбы с таким движением.

Что ж, мои многоуважаемые присутствующие, помимо всего остального, я хотел бы в самом начале этого рассмотрения отметить, что духовное движение, которое имеется здесь в виду как антропософско-ориентированное, в последние несколько недель приступило к разворачиванию весьма практической деятельности. Как в других местах, так и здесь в ходу весьма практическая деятельность, когда посредством – что может звучать даже парадоксально, если говорить от имени духовного движения, – «акционерного общества для

продвижение экономических и духовных ценностей», сегодняшнему упадку жизни предпринимаются попытки противопоставить нечто созидательное. В ближайшее время должна начаться вполне практическая деятельность. И тогда должно быть также показано, что то, что имеется в виду под антропософски-ориентированным духовно-научным движением, является действительно не суммой послеобеденных воскресных проповедей, а чем-то, что тесно связано с нужными нашему времени новыми импульсами, в том числе и в практической жизни.

Поэтому позвольте мне также оттолкнуться от характерного представления практической жизни в определённом направлении, чтобы затем, как раз, оттуда получить возможность более интимно охарактеризовать волеие антропософско-ориентированной духовной науки. Некоторые люди, которые сегодня хотят реформировать социальную жизнь, скорее более или менее исходя из идеологии, из утопизма, вероятно уже заметили, куда я клоню; но они заметили это не так, чтобы иметь возможность взглянуть на то принципиальное, которое является здесь важным.

Если проследить различные движения 19-го столетия, которые, начиная с середины этого столетия, исходили из того, чтобы вместо золотой и серебряной валюты, то есть, двойной валюты, установить золотой стандарт как единую валюту, то можно заметить, что последователи этой идеи, скажем, монометаллизма, рассматривали это с совершенно определённой точки зрения. Они говорили, - и в этом можно убедиться из бесчисленных парламентских докладов европейских народных представителей, - что под влиянием единого золотого стандарта во всем цивилизованном мире должна развиваться свободная торговля, свободная торговля как собственно носитель беспрепятственной хозяйственной жизни, на которую не влияют разного рода таможенные барьеры, защитные тарифы и так далее. Это требование свободной торговли посредством золотого стандарта высказывалось во всевозможных видах. Но, что же произошло под влиянием золотого стандарта? Как раз, там, где золотая валюта проникла самым радикальным образом, повсюду произошло противоположное тому, что предсказывали умные экономические практики! Повсюду возникла необходимость введения защитных тарифов, включая и Соединённые Штаты Америки. Это значит, что те, кто говорил о золотом стандарте, исходя из своего знания жизни, или, исходя из национал-экономической науки, - почти все они заблуждались относительно того, что коренится в действительности.

Теперь, можно спросить: Что же, все эти люди были так глупы? Они что, действительно были лишены логики? Они понимали о жизни так мало, что произошло противоположное тому, что они предсказывали? Я не думаю, что все эти люди были глупцами, которые в 19-ом столетии выступали за свободную торговлю, я даже думаю, что это были очень умные люди, что они обладали острой логикой, но что они всё же не уловили действительности! То, что не видят, когда сегодня обсуждают этот вопрос, так это то, что можно быть очень умным в смысле того образ мышления, который развился в цивилизованном мире за последние три-четыре столетия, и всё же в своих суждениях быть чуждым действительности, что можно считать себя великим практиком и давать при этом самые непрактичные советы. По сути, именно такие непрактичные советы в ходе последних десятилетий привели человечество к ужасной катастрофе. Особенно в Германии можно было видеть, как реальный контроль над ситуацией постепенно перешёл во владение суждений крупных или мелких индустриальных и коммерческих лидеров государства. Другие люди стали более или менее зависимы от этих индустриальных и коммерческих лидеров. Влияние индустриальных и коммерческих лидеров было гораздо больше, чем, собственно, хотелось бы думать. Лишь во время войны стало ясно, насколько, собственно, все прислушивались к суждениям с этих сторон, и насколько губительными оказались суждения с этих сторон.

Из этого, как раз, можно было видеть, что вся публичная жизнь, как бы, суммируется из суждений таких людей, выдающих себя за практиков. Это, однако, дало такую сумму, которая была вброшена в цивилизованное человечество в последние пять-шесть лет как гибельная катастрофа, которая ещё далеко не закончена.

То, что вообще появилась антропософско-ориентированная духовная наука, - это обусловлено тем, что был замечен этот факт. Это было причиной того, почему, как раз, с этой стороны, со стороны антропософско-ориентированной духовной науки постоянно указывалось на практическое проявление этой духовной науки. Я знаю, как удивились некоторые люди, даже небольшая группа здесь, в Базеле, когда я много лет назад указал, что мы начали, так сказать, с полупрактической деятельности, а именно с постановки мистерий. Некоторые «мистики» считали это чем-то таким, что, собственно, делать нельзя; поскольку тогда тогда мы определенным образом связываемся с практическими мерами, которые нам нужны. Но я сказал тогда: Моим идеалом было бы не просто заниматься играми, но разворачивать банковскую деятельность, чтобы пронизать, как раз, самые практические аспекты жизни тем образом мышления, который необходим, если мы хотим плодотворно заниматься духовной наукой. Поскольку мне, исходя из фактических оснований, всегда приходилось убеждать, что результаты, которых хочет достичь духовная наука, достигаются не посредством нездорового, недалновидного мышления, а, как раз, посредством здорового, благоразумного и наполненного духом мышления, и что в духовной науке можно учиться тренировать мышление так, как, как раз, нельзя было тренировать под гнётом материалистического способа рассмотрения последних столетий; что можно стать практичным в жизни, как раз, посредством здорового мышления, которое необходимо, если заниматься духовной наукой в таком смысле, как это здесь имеется в виду. Я бы хотел сказать: здоровое обращение с жизнью превращается в, своего рода, побочный продукт. Если человек хочет приобрести не глупое, туманное, а истинное видение сущности мира посредством духовной науки, если он не хочет разворачивать бессвязное, туманное мышление, то он вынужден разворачивать мышление гораздо большей ясности, чем то, к которому привыкла сегодня наука. И если он разворачивает такое мышление, если он прилагает усилия для того, чтобы понять то, что хочет сказать духовная наука, тогда он обучает это мышление между прочим так, чтобы быть способным верно и объективно мыслить также и в практических областях жизни, а не предсказывать то, что монометаллизм³¹ разовьёт свободную торговлю, в то время как обстоятельства показывают, что при золотом стандарте, как раз, возникает необходимость защитных тарифов!

Как раз, при такого рода рассмотрении мира, который здесь называется антропософией, создает жизненную практику, возникает настоящее погружение в реальность, в отличие от материализма, который повсюду тяготеет к интеллектуальному, к чисто внешнему наблюдению мира и остается бесплодным, за исключением одной единственной области, где она могла быть плодотворной и где она вела от триумфа к триумфу: области внешней техники. Однако, чтобы ясно видеть в этом направлении, необходимо, хотя бы в нескольких словах, коснуться того, что я развивал здесь на протяжении многих лет с самых различных точек зрения относительно сущности антропософско-ориентированной духовной науки. Антропософско-ориентированная духовная наука исходит, по сути, из интимнейшей внутренней душевной деятельности человека. Как раз, эту человеческую душевную деятельность она превращает в метод духовно-научного исследования. Но когда посредством этой духовной науки как деятельность исследуется то, что лежит в глубине человеческой природы, человек одновременно отсылается ко всей вселенной, к природной вселенной и к социальной вселенной. Человек проникнет в глубины мира, как раз тогда, когда научится соответствующим образом заглядывать в глубь своего существа.

Духовная наука должна исходить из двух вещей в человеческом переживании: во-первых, из дальнейшего развития жизни представлений и, во-вторых, из дальнейшего развития жизни воли. То, что является представлением, мышлением, мы развиваем в определённом смысле или для внешнего практического мира, или для общепринятой науки. А нашу волю мы развиваем тем, что мы впряжены, я бы сказал, в инстинктивно проявленные социальные состояния. Духовная наука, однако, ведёт к признанию того, что так же, как можно развивать

---

³¹Денежная система, в которой, в отличие от биметаллизма, денежная единица привязана только к одному металлу (золоту или серебру).

ещё неразвитые силы ребёнка, и как затем с помощью определённых представлений и определённой воли можно помещать себя в мир как взрослый человек, - что точно так же в виде повседневного, а также научного представления и воли можно продолжать развивать то, что человек сегодня делает, исходя из некоего удобства. Правда, для этого ему вначале необходимо приобрести определённые знания о человеке. Нужно приобрести способность наблюдать становящегося человека. В любом случае надо научиться смотреть на растущего человека, что получается как необходимость, как раз, для реформы системы образования. Эту систему образования придётся реформировать. Это будет сделано, когда будет понятно, что большая часть сегодняшних социальных неурядиц проистекает из-за упущений системы воспитания и образования. Но реформировать систему образования невозможно до тех пор, пока не будут действительно компетентно рассматривать становящегося человека, который в каждом отдельном случае представляет собой загадку, которую необходимо, в определенном смысле, решить. Мы рассматриваем растущего ребёнка. Какие чудесные события выступают перед нами, когда мы рассматриваем ребёнка в первые недели, месяцы, годы его роста, когда мы действительно не упускаем из виду того, что происходит от недели к неделе, из месяца в месяц, из года в год, а углубляемся в этого становящегося человека: какое чудо происходящего, происходящего в мире выступает тогда перед нами!

Например, что-то вроде смены зубов рассматривается обычно чисто внешне. То, что со сменой зубов в то же время происходит полное преобразование всей детской душевной конституции, обычно не рассматривается. До смены зубов ребёнок живёт так, что, по сути, самым внутренним инстинктом у него является подражание тому, что происходит в его окружении посредством людей, а именно тех людей, с которыми он связан через кровь или воспитание. Мы можем понять каждое движение руки, если мы знаем, как ребёнок отдаётся людям своего окружения; и, по сути, каждое движение руки - это подражание, хотя иногда и скрытая. Но тот, кто умеет наблюдать, замечает, что, например, также и в формировании языка имеется включение себя, подражательное включение себя в окружение.

Таким образом, мы видим, что ребёнок в первые годы своей жизни является подражателем. И когда мы наблюдаем так за ребёнком, и видим, как от недели к неделе, из месяца в месяц, из года в год, из внутренних глубин вырастает то, что затем переносится в форму, в жест, в движение и действие, в звук, в мысли, когда мы наблюдаем это у ребенка, то мы заметим, - если мы не можем иначе, то мы можем прийти к такому представлению вначале через гипотезу, - как душевно-духовное работает над телесным. И если углубиться в такое наблюдение, посмотреть, как душевно-духовное работает над телесным, то не остаётся ничего иного, как эту работу душевно-духовного над телесным проследить вплоть до самого внутреннего. Тогда можно сказать себе: Тут в том, что происходит на седьмом году жизни со вторым зубами, которые заменяет молочные, весь организм пронизывает нечто значительное. Тут, в этой смене зубов, как бы, конечный пункт.

И что происходит с ребёнком, когда смена зубов завершается? Тогда - каждый может ясно и отчетливо отметить это, вспоминая свою собственную жизнь, - выступает то, что представления ребёнка, которые до этого в некотором смысле были мимолётны, приходили и уходили, были хаотичными, что эти представления теперь обретают более строгие контуры, так что они становятся настолько прочными, что они, как бы, кристаллизуются, чтобы затем стать остающимися воспоминаниями.

Правда, способность к воспоминанию выступает у многих уже раньше, но чётко оформленные воспоминания, оформленные в мысли воспоминания, выступают после смены зубов. И тот, кто проследит этот ряд представлений, не сможет тогда не сказать себе: Да, это, ведь, та же самая деятельность; до смены зубов была душевно-духовная деятельность для того, чтобы появились зубы. Эта душевно-духовная деятельность действовала в организме. Теперь она свою деятельность, своё поле, завершила. Теперь она проявляется как духовно-душевная деятельность как таковая. Чётко оформленные мысли, мысли, которые способные быть запомненными, - теперь появляются эти мысли. Что они делали раньше? Раньше они работали в организме, чтобы появились зубы; Та же деятельность, которая позднее живёт в

мышлении и воспоминании, жила в организме, осуществлялась там, чтобы выросли зубы. Это, как бы, органическая деятельность, метаморфозированная, превращенная в духовно-душевную деятельность. И как такая духовно-душевная деятельность она теперь продолжает жить в человеке.

Видите, из этих вещей строго методическим образом исходит антропософско-ориентированная духовная наука Она говорит себе: попытайся только однажды взглянуть на то, как сильно в первые семь лет жизни в организме действует то, что позднее действует только как мыслительная работа, как работа памяти. Она говорит себе: теперь возьми эту усиленную деятельность мышления, представления, и дай работать в своей душе не просто этой преобразованной духовно-душевной деятельности более поздних лет, а более сильной деятельности, которая была в состоянии не только превращать мысли в форму воспоминаний, но и позволять расти зубам. Но это только часть этой более сильной, более интенсивной деятельности до седьмого года жизни. Эта усиленная деятельность возникает посредством того, что антропософско-ориентированная духовная наука называет медитацией. Медитация является ни чем иным, как заострённым мышлением, как интенсифицированным мышлением, как образующим (ausgebildetes) мышлением. Медитация состоит в том, чтобы какую-то мысль или ряд мыслей — для одного хорошо одно, для другого другое; более подробное описание этого вы найдёте в работах: «Как достичь познаний высших миров?», «Очерки тайноведения», «О загадке человека», «О загадках души» и прочих, - то есть, какую-то мысль или ряд мыслей интенсивно поставить в центр сознания, и затем быть настолько сильно душевно-духовно деятельным в этом ряду мыслей, что разворачивается не просто та абстрактная, интеллектуальная мысленная деятельность, которая осуществляется в обычной науке или обычной жизни, а та интенсивная мысленная деятельность, которая, если бы мы были детьми до семи лет, бродила бы и кипела бы внутри нашего организма. Но это, - после того, как мы осуществляли бы её как душевно-духовную деятельность, - привело бы нас к тому, что мы учились бы жить с мыслями, как с реальностями. Взгляните только, как живут люди в обычной жизни или в обычной науке в отношении суждений; они их не возбуждают. Человека возбуждает, когда он с кем-то дружит, когда ему кто-то вредит, или когда он влюбляется, или когда он испытывает голод или жажду, и так далее. Его возбуждают телесные вещи; мысли не возбуждают его таким же образом.

Благодаря медитации, человек учится двигаться в мыслях так же, как он движется в повседневности. И постепенно человек замечает, что посредством этой медитации он внутренне проделывает некий рывок. Если в обычной жизни человек имеет в своём мысленном мире, своего рода, управление со стороны внешнего мира, когда он отдаётся мыслям, которые нас окружают или приходят через произвольные воспоминания, которые появляются, снова исчезают и так далее, то медитация состоит в том, что человек вносит свои мысли в сознание собственной волей, что он обращается с мыслью так, как, скажем, он двигает рукой, когда делает что-то руками. И постепенно человек обретает чувство, что он учится мыслить так же, как иначе он учился что-то хватать или ходить: что мыслительная деятельность осуществляется как нечто отдельное от человека. Когда человек приходит к такой мыслительной деятельности, которая более интенсивна, чем обычная мыслительная деятельность, приходит к той мыслительной деятельности, которая внутренне переживается, как нечто такое, что если бы он был ещё ребёнком, то это мышление, развитое в медитации, даже воздействовало бы на рост, на формирование тела, - когда человек развивает такое мышление, тогда он узнаёт, что это значит: в самом мышлении, в представлении отдаваться деятельности, свободной от тела.

Ведь, совершенно верно то, что обычное мышление полностью привязано к мозгу. И это узнают, как раз, тогда, когда знакомятся с этим свободным от тела мышлением, к которому можно подняться только через медитативное развитие. Это мышление, столь же произвольное, как движения рук или ног, которое можно осуществлять посредством напряжения, вызывающего утомление, которое через некоторое время нужно прекращать, так же как нужно прекращать напряжение внешнего тела, - когда человек познает это мышление,

познает изнутри, только тогда он вообще обретёт переживание создающего мышления, создающего представления. Тогда в человеке пробуждается существо, которое является эфирно-мыслящим и, в то же время, тем, что через рождение или, скажем, через зачатие, спустилось из сверхчувственных миров и как скульптор, как архитектор принимало участие в работе над человеческим телом. Мы узнаём то, что работает над человеческим телом, и, благодаря этому, полной жизнью возвращаемся к тому, чем мы, люди, были до того, как спустились в это физическое тело и приняли тело, данное нам по наследству от отца, матери и так далее. Мы получаем переживание жизни до рождения, или жизни до зачатия, переживание того, каким было наше сверхчувственное бытие до теперешнего физического бытия.

Через обучение мышления наша человеческая жизнь расширяется за пределы рождения и зачатия. То, что я вам здесь рассказываю, является таким же надёжным результатом строгого методического исследования, идущего по путям, которые я вам здесь изложил, как и любой химический результат. То, чего достигает химия в лаборатории или астрономия в обсерватории, не более надёжно, чем то, что выходит из интимности развитой мыслительной жизни человека как знание сверхчувственного человеческого существа до рождения; это просто более далеко развитое мышление, которое предоставляет методы проникновения в сверхчувственный мир. Это мышление, правда, предоставляет тогда возможность нечто сказать и об этой жизни до рождения. К этому мы ещё возвратимся завтра. А сейчас я хотел бы указать на другую сторону того, что должно быть развито в человеке, чтобы он поднялся от чувственного познания к сверхчувственному. Это другое — воля. И чтобы понять значение этого развития воли, нужно только подумать, насколько далеко то, что мы называем содержанием наших нравственных идеалов, наших нравственных побуждений, отдалено от того, что происходит во внешней природе, от того, что также является происходящим в природе человека. В этом, ведь, как раз, и заключается забота философского мировоззрения, чтобы, так называемые, идеалы не могли быть приближены к природному бытию. Тут геологи и астрономы описывают, как согласно вечным, железным законам наша Земля со всем, что принадлежит нашей планетной системе, возникла из первичной туманности, как она отделилась, как развивались растения, животные, вплоть до появления человека. Затем они выдвигают гипотезы о том, как всё это, в свою очередь, придёт к своей гибели. Но подумайте: в этот мир не входит мир идеалов, мир того, что мы должны себе дарить, если мы хотим вести достойное человека существование, мир того, под влиянием чего мы совершаем свои поступки; всё то, что обращается к нашей совести, в него не входит. Но, мои многоуважаемые присутствующие, какое же тогда это имеет значение для всего того, что происходит в виде чисто природного бытия? В сегодняшнем мировоззрении нельзя навести никакого моста между нравственным идеалом и тем, что развивается естественно. Астроном, геолог смотрят на конечное состояние Земли, когда всё либо достигнет тепловой смерти, либо, как описывают другие, замёрзнет, и так далее, и тогда то, что сейчас является земной жизнью, станет грандиозной могилой. Что же станет с тем, что мы называем моральными идеалами? Они, для такого материалистического мировоззрения, подобны человеческим мыслям, - мыслям, которые порхают над природным бытием. Тот, кто исходит из точки зрения имеющейся здесь в виду духовной науки, не теоретизирует об этих нравственных идеалах, а ищет возможностей углубить жизнь другими путями. Прежде всего, он пытается заполучить под свой контроль то, что иначе рассматривается человеком только так, что оно происходит произвольно, пассивным образом.

И тут, чтобы понять то, что я здесь имею в виду, нам снова поможет непредвзятое рассмотрение второй эпохи человеческой жизни, эпохи от смены зубов до полового созревания. Мы снова видим, как у ребёнка в возрасте от семи до четырнадцати лет постепенно развиваются силы, которые испытывают свою кульминацию в 14-15 лет. Мы видим, как тогда появляется индивидуальная любовь, как появляется всё то, что связано с размножением человеческого рода. Но мы обычно не следим за тем, как с 7-го по 14-ый или 15-ый год, так же, как и в первые семь лет, работает и находит своё завершение душевно-

духовное, так, что в 14-15 лет оно, как бы, освобождается от органической деятельности. Если мы рассмотрим мальчика в его развитии, то мы обнаружим - несколько иным, не подлежащим здесь дальнейшему обсуждению образом, более душевно, это происходит у женского пола, - мы обнаружим завершение этой жизненной эпохи в смене голоса, в другом тембре, который тогда принимает голос. Что это, собственно, такое, что здесь заключено в речи? Если наблюдать непредвзято, то обнаруживается: Это воля, - как в первые семь лет это была жизнь представлений, - формируется теперь в мысли, которые можно запомнить, теперь это воля, которая заполняет организм, которая вляется в организм, и с этого времени как свободная воля пронизывает речь, тогда как до этого ребёнок до 14-15-ти лет не был свободен в своей речи, а - и это можно доказать - находился под влиянием окружения. Таким образом, мы можем сказать себе: Во второй эпохе то, что позднее выступает как воля, является формирующим органы. И в 17-18 лет, вплоть до двадцати лет, оно выступает в том, что молодой человек зажигается идеалами. Свободным становится то, что работало над тем, что затем появилось как половая любовь, как человеческая любовь вообще. То, что тут становится свободным в 14-15 лет при половом созревании, работало до седьмого года; это воля, - вначале воля связанная с органом, а затем становящаяся свободной воля. Если взять это ещё раз, а именно так, чтобы теперь обратиться к воле и то, что человек обычно принимает пассивно, превратить в активное, то будет видно, что внутри человека развивается вторая, особая духовно-душевная сила. Это достигается наблюдением того, о чём можно сказать себе: Если ты оглянешься назад на путь своей жизни, то, собственно, из года в год - тут это менее заметно — во всяком случае, из десятилетия в десятилетие, ты становишься другим. Жизнь, внешние обстоятельства, страдания, радость, - всё возможное обрушивается на тебя в жизни. И каждый из вас спросил бы себя, не стал ли он другим в течении десятилетий? Но это не находится в вашей власти. Это делает сама жизнь. Жизнь делает вас другим.

Духовно-научный метод состоит, как раз, в том, что в этой области берётся в собственные руки также и само развитие, что более серьёзно, чем обычно, например, принимаются жизненные нравственные идеалы, что эти нравственные идеалы воплощаются в самом себе, проверяется, как можно сформировать что-то, что намереваешься сделать, таким образом, чтобы этого хотеть так, как хотят есть, когда голодны. Можно довести до этого. Можно довести до того, что то, что иначе является лишь абстрактными идеалами, станет инстинктами, внутренними побуждениями. Тогда, правда, то, что иначе, как я сказал, порхает над природой, о чём нельзя понять, какое оно, собственно, имеет значение, приближается к человеческому внутреннему органическому становлению. Да, как это многим не покажется парадоксальным, приходит момент, когда какой-то моральный импульс действует так, как иначе пища действует на вкус. У человека больше нет только абстрактного чувства ко всему, что он считает хорошим или плохим, а появляется внутренняя антипатия к чему-то морально ужасному или плохому или просто заслуживающему порицания, точно так же, как у человека возникает антипатия к тому, что неприятно на вкус. Что иначе парит в абстрактных высотах, интимно приближается к тому, что живёт во вкусе, в запахе. Возникает чувство, что, просто поднимая руку, то, что вы собираетесь сделать, действует на обмен веществ руки. Другими словами, когда человек таким образом активно берёт в свои руки своё человеческое развитие, у него возникает чувство, что душевно-духовное пронизывает его физическое тело. Как человек становится свободным от телесного в мышлении, если его развивать, так, благодаря другому развитию, которое я сейчас описал, настолько интенсивно принимается то, что активно в организме с 7 до 14-15-ти лет, что любовь действует не просто как в обычной жизни, социальной или индивидуальной жизни, а любовь действует так, что она сначала формирует нас для любви органически. Если теперь применить эту интенсивность любви к собственному самовоспитанию, то в воле приобретается то, что достаточно сильно, чтобы действовать, даже когда это тело будет передано земле или элементам. Как только мы убеждаемся во власти воли действовать на тело, в том, что воля не просто абстрактным образом создает в нас предрасположенность к моральным импульсам, но и заставляет нас

чувствовать моральные импульсы, как мы чувствуем вкус пищи, тогда мы также понимаем, как эта воля захватывает наше собственное природное бытие, как она действует во всём природном бытии универсума. Тогда, посредством этой другой стороны развития, достигается возможность понять, что есть после смерти. Как через развитие жизни представлений человек постигает как сверхчувственное, как вечное, жизнь до рождения, так через развитие воли он постигает жизнь после смерти. То, что человек переживает здесь, в этом физическом мире, посредством того, что требует духовная наука, расширяется за рамки этого физического мира, но не так, чтобы он только спекулировал о потустороннем, а так, чтобы он действительно, чтобы достичь того, что я только что описал, развивал мыслительную и волевую жизнь, которая связана с действительностью. Мыслительная жизнь развивается настолько реально, что мы имеем её в силах, которые формируют нас самих, когда мы вступаем в жизнь. Жизнь воли овладевается с такой реальностью, что она становится такой, что будет действовать и тогда, когда наше тело со всеми его инстинктами и естественными побуждениями распадётся.

Затем, когда это будет достигнуто, человек получит нечто вроде содержания моего «Тайноведения». Точно так же, как с точки зрения внешней естественной науки говорят о внешней стороне мира, можно говорить и о внутренней стороне мира. Не каждому нужно становиться духовным учёным для того, чтобы иметь возможность понимать духовную науку. Незамутнённый здравый смысл приводит к возможности понять эту духовную науку. Сколько духовных исследователей будет существовать в будущем, - об этом говорить нам нет нужды. Может быть много, может быть мало. Из моей книги «Как достичь познаний высших миров?» вы сможете увидеть, что каждый до определённого пункта может стать духовным исследователем, то есть, каждый, если он только разовьёт свои естественные задатки, сможет видеть сверхчувственное существо мира. Стать духовным исследователем в том смысле, который здесь подразумевается, для некоторых людей, вероятно, невозможно уже по той причине, что для этого необходимо многое из того, к чему люди, собственно, не могут стремиться в обычной жизни. Подумайте только о том, что когда кто-то становится химиком, сколько времени ему приходится провести в лаборатории, отрезанному от остальной жизни, как он должен в определённом смысле отказаться от многого в обычной жизни. И так при каждой отдельной человеческой деятельности в жизни. Подумайте только, что это значит, когда кому-то приходится знакомиться с миром, совершенно отличным от того, в котором мы живём каждый день от пробуждения до засыпания, с миром, в котором действуют совсем другие законы, хотя эти законы действительны здесь, но скрыты. Это накладывает на человека отпечаток того, что в то же время является источником страдания, боли. И любой настоящий духовный исследователь вам скажет: Ту радость, которую дала ему жизнь, он принимает с благодарностью, и всегда хотел бы в смиренной молитве быть благодарным мировым силам за те радости, которые ему было позволено испытать. Но своим знанием он, собственно, обязан не своим радостям, которые некоторым образом усыпляют собственную сущность жизни, - мы обязаны своим знанием страданию. И углубленным страданием является, как раз, то, что пронизывает нашу душу, когда мы поднялись на известную ступень в выходе из чувственно-действующего мира, как я вам сегодня описал.

Тогда приходит другое. Подумайте только, я, ведь, говорил, что мышление становится чем-то вроде схватывания чего-то руками или ходьбой: Оно становится поставленным под контроль человека. Обычно мы привыкли думать произвольно, позволять мышлению протекать автоматически. Это мышление должно быть преобразовано так, - по крайней мере на время духовного исследования, - что оно становится таким же произвольным, как движение рук и ног. Теперь необходимо научиться точно различать, - и это изучают тщательно, когда вас направят на правильный путь в духовных исследованиях, - необходимо научиться тщательно разделять жизнь, которую надо вести в физическом мире, и жизнь, ведущую в духовный мир. Поскольку здесь, в физическом мире, нужно уметь жить так же, как любой другой человек. Не те являются духовными исследователями, кто из определённого высокомерия или душевного сладострастия становятся чуждыми жизни, кто

способен отдаться мистицизму и при этом презирать жизнь, кто, возможно, изолируют себя от остального человечества, надевая всякие странные одежды и тому подобное, или говорят: Мы принадлежим к совершенно другой породе людей. - Скорее действительными духовными исследователями являются те, по поведению которых это совершенно незаметно, поскольку они стоят во внешней жизни точно так же, как и другие, и даже ещё практичнее, так как пронизали действительными законами внешней жизни то, что никак нельзя изучить во внешнем мире, а узнать только из сверхчувственного мира. Вот почему я часто говорил, что эта духовная наука, о которой здесь идет речь, видит исполненными свои идеалы тогда, когда сможет оказать влияние, как раз, на различные практические отрасли жизни. Так, например, я говорил, что это было бы особенным исполнением этого антропософского идеала, если бы можно было поговорить с рядом врачей о том, чем могла бы стать духовная наука для обновления медицины. Между тем это уже осуществилось: в Дорнахе для настоящих и будущих врачей был проведён курс о том, что можно было бы добавить к медицинской науке, как раз, из этой антропософско-ориентированной духовной науки.

Воистину, всё то, что оказывает плодотворное влияние на практическую жизненную деятельность, лежит ближе этой антропософско-ориентированной науке, чем бессодержательные споры с теми, кто, исходя из слепого фанатизма или чего-то более плохого, выступают с ложью, чтобы эту духовную науку представить как некую религиозную секту, поскольку имеют общую склонность выступать против любого человеческого прогресса. Те, кто серьёзно занимаются этой духовной наукой, заинтересованы не в спорах с вероисповеданиями, а в серьёзной работе во всех практических областях жизни.

Это то, что намеревались сделать, прежде всего, из Дорнаха, и против чего, я бы сказал, вся эта болтовня, обрушившаяся со всех сторон, просто гротеск. Просто попытайтесь познакомиться с тем, чего хотят действительно, и вы увидите, что это выглядит совершенно иначе, чем то, что сейчас циркулирует в значительной части прессы. Это то, о чём идёт речь, что через представленный метод, посредством которого человек глубже проникает в своё собственное существо, он действительно глубже проникает и в мир. С одной стороны, мы учимся распознавать действительность, которая приводит нас к бытию; с другой стороны, мы учимся распознавать действительность, которая выводит нас из бытия. Но посредством этого мы также обретаем возможность глубже заглянуть в саму жизнь. Сегодня люди проходят мимо друг друга, совершенно не зная, какое влияние один оказывает на другого, причём не только то влияние, которое оказывается посредством внешней чувственной телесности, но то, как одна душа действует на другую, один дух - на другой. Люди, можно сказать, почти боятся думать об этом влиянии души на душу, духа на дух. Но человек получит правильное представление о сверхчувственном мире не раньше, чем он достигнет того, чтобы видеть, как люди влияют друг на друга как духовные существа.

Духовный исследователь должен непременно привыкнуть к тому, чтобы непредвзято смотреть на сверхчувственный мир и при этом сохранять своё место в чувственном мире. Эта необходимость совершенно другим, намного более сознательным образом регулировать жизнь в этом мире, если ты духовный исследователь, - это также, в свою очередь, та вещь, которая, наряду со многими другими, вероятно, подходит не всем. Но достаточно, ведь, и того, чтобы те результаты, которые сообщают отдельные духовные исследователи, просто принимались здравым человеческим умом. Духовная наука не беспокоится о том, что они не будут поняты непредвзятыми мыслителями. Нет, она знает, что чем более непредвзято, чем с большим соответствием, чем менее дилетантски, чем более научно к ней подступают, тем лучше она будет понята. Она, как раз, требует, чтобы её принимали настолько точно и серьёзно, насколько это возможно. Тогда будет видно, что о ней нельзя больше говорить так, как о ней говорят, когда речь идёт лишь о поверхностном знакомстве. Здравый смысл, безусловно, может сказать «да» тому, что выступает как духовно-научные результаты; но тогда к здравому смыслу будет предъявляться определенное требование, требование, которое люди сегодня не любят, но из-за того, что они его не любят, они довели себя до той катастрофы, которую человечеству пришлось пережить за последние пять-шесть лет.

Видите ли, если бы вы взяли моё «Тайноведение» и прочитали бы его с тем отношением, которое вы сегодня особенно любите, тогда это было бы нудно, тогда вы имели бы также право его ругать. Оно не способно рассказать вам столько, сколько вам будет рассказано, если вы сидите в кинотеатре и перед вами пробегают картины. Вам не нужно много работать. Вы можете оставаться пассивными. Если вы слушаете лекцию, которая сопровождается световыми картинками, вы тоже можете поспать. В промежутках вы можете пассивно уделять внимание световым образам. По-другому обстоит дело с такой лекцией, которую позволяю себе прочесть я. Тут надо в определённом смысле самому принимать участие, если она должна иметь какое-то значение для человека. Но вначале в литературе, - моё «Тайноведение» не содержит в себе никакого содержания для того, кто не собирается разрабатывать его сам. Оно в определённом смысле является партитурой, и содержание активной внутренней деятельностью нужно разрабатывать самому; только тогда оно появится. Но, благодаря этому, в качестве наблюдателя того, что сообщает духовный исследователь, человек обретает активное мышление, то мышление, которое погружается в действительность, которое соединяется с действительностью. Человек обретает мышление, которое больше не скажет: Если мы введём золотой стандарт, мы будем содействовать свободной торговле. Это, которое тесно связано с действительностью мышление, полностью стоящее за пределами действительности, нереально по отношению к этой действительности. Человек учится такому мышлению, которое тесно связано с действительностью, и которое также может быть ориентировано на действительность в практических случаях. Другое мышление не обучено. Обученное мышление, которое является, так сказать, побочным продуктом духовно-научных усилий, заставляет человека становиться практичным, когда он сталкивается с требованиями, которые предъявляет сегодня жизнь.

Поэтому эта духовная наука может также утверждать, что те мнимые практики, иллюзорные практики, которые – как бы это сказать, не должен же я сказать «горлопаны», – которые, как бы, знали всё, что произойдёт в деловой и прочей жизни, и которые разрушили эту жизнь так, как это случилось, придётся заменить теми людьми, которым есть что сказать о действительном ходе жизни, поскольку они учились что-то говорить о жизни, насколько она касается отношения человека к универсуму.

Тут позвольте мне снова указать на тот факт, который, по крайней мере, всегда можно подтвердить: это было ранней весной 1914-го года, когда я сказал небольшому обществу в Вене, в месте, откуда начался мировой пожар: Мы стоим внутри некоего социального развития в Европе, которое показывает нам, как общественная жизнь страдает, как от социальной карциномы, как от социального рака, который в ближайшее время проявится ужаснейшим образом. - Это ранней весной 1914-го года. Чуть позже почти те же люди, также считающие себя весьма практичными, например, министр иностранных дел Германии и министр иностранных дел Австрии, говорили своим парламентам или делегациям: Общая политическая разрядка достигает великолепных результатов. Мы находимся в дружественных, добрососедских отношениях с Россией, и, благодаря этим дружественным, добрососедским отношениям, мы скоро вступим в эпоху европейского мира. - В Германии говорили: У нас ведутся переговоры с Англией, которые, правда, ещё не завершились, но обещают завершиться в ближайшее время и привести к длительным мирным отношениям между Германией и Англией. - И всё это приблизительно в мае 1914-го года! Так говорили эти практики. Другой, который говорил: Мы страдаем от социальной карциномы, - это был мечтатель, фантазёр, сумасшедший антропософ. Но практики, которых слушали люди, говорили то, о чём я вам сказал. Их практика исполнилась так, что за несколько следующих лет было убито от десяти до двенадцати миллионов человек и в три раза больше искалечено!

Как сбылись предсказания здесь, как они сбылись в области монометаллизма, какое воздействие этих мнимых практиков, которые всё же оказались чуждыми жизни, оказали мероприятия в малом, - всё это было показано за последние пять-шесть лет. В отношении цивилизации человечества сегодня духовная наука проявляется в том, что говорит, как нужно углубляться в содержание духовной науки, чтобы использовать такое мышление, которое не

только логично, но и соответствует действительности. Я отчётливо сказал, что не считаю этих монометаллистов глупыми, но считаю их людьми, мышление которых не может погрузиться в действительность, мышление которых чуждо действительности. Я знаю, сколько людей сегодня не верят, что в действительную жизнь можно войти именно через духовное углубление!

Так духовная наука стоит по отношению к духу нашего времени; так она стоит по отношению к не-духу нашего времени. Как выражает себя этот не-дух? Ну, интеллектуализм человечество обрело, собственно, только в последние три-четыре столетия. Он развился из некоей первичной мудрости, которая, правда, была более инстинктивной, более сновидческой, и потому должна была угаснуть. Интеллектуализм должен был прийти. Мы подошли к тому пункту интеллектуального развития, от которого мы должны снова удалиться, чтобы снова познать духовное, чего простой интеллект сделать никогда не сможет. Всё, включая науку, медицину, юриспруденцию, все отдельные науки, сегодня стало чуждым действительности, за исключением только неорганических наук и техники со всем, что к ней относится. Так должен был развиваться интеллектуализм в последние столетия. Раньше было инстинктивное духовное познание, оно через некоторое время угасло. Его должно снова заменить новое духовное познание.

Но мы имеем в себе наследие этого старого духовного познания, и одна из самых значительных частей этого наследия - это сам наш язык, все языки нашей цивилизации. То, что живёт в нашем языке, вышло не из такого рассмотрения мира, какое распространилось в последние три-четыре столетия. Если бы у людей уже не было языка, исходя из той душевной деятельности, которая привела к интеллектуализму, они больше не развивали бы языки. Языки - это старое наследие. Они образовались в то время, когда, пусть и инстинктивно, воспринималось духовное. Чем они стали во времена интеллектуализма? Они стали тем, что постепенно привело нашу публичную жизнь к состоянию господства фразы. Поскольку мы утратили старое духовное субстанциональное содержание, которое было в словах, мы живём с языком во фразе, и мы вынуждены посредством духовного углубления снова находить субстанциональное содержание для нашего языка. Фраза, однако, является сестрой лжи. И спросите себя непредвзято, не ложь ли триумфально шествовала по миру за последние пять-шесть лет, не живём ли мы во времена фразы! Наша духовная жизнь полностью стоит под знаком этой фразы. Это не-дух в духовной жизни современности: фразеологизм. Из этого фразеологизма, из этой части не-духа, мы сможем выйти только в том случае, если сможем снова наполнить себя антропософской духовной наукой. Если мы хотим духовного содержания с духовной субстанцией, тогда и посредством наших слов, в свою очередь, должно звучать духовное содержание. Сегодня звучат только слова, поскольку духовное содержание утеряно. Это один из пунктов, на который с точки зрения духовной науки указывает идея трёхчленности социального организма, а именно, что над духовной жизнью господствует фраза, что надо искать путь, - мы ещё будем говорить об этом пути в ближайшие дни - для того, чтобы снова, исходя из духовной жизни, внести в наши слова субстанциональное содержание. Это первая задача, которая у нас есть перед лицом не-духа нашего времени.

Второй пункт следующий: Стало совершенно ясно, что это новое время полностью стоит под влиянием инстинкта развивать демократическую, истинно демократическую жизнь. Это людей захватило так же, как отдельного человека захватывает половое созревание или какой-то другой период жизни. С середины 15-го столетия во всём цивилизованном мире всё больше и больше утверждается призыв к демократии, к истинной демократии. Но что же такое истинная демократия? Рассматривая честно, демократия представляет собой такую совместную жизнь людей в социальном организме, когда каждый совершеннолетний человек имеет равные права с другим совершеннолетним человеком. Это не может быть развито в отношении духовной жизни; поскольку там всё зависит от способностей. Духовная жизнь должна быть обособлена и стоять на собственной почве. Демократия может охватить лишь политическую жизнь. Но что стало с политической жизнью? Поскольку всё же побуждение

строить демократию есть, но это побуждение повсюду прерывается под влиянием современного материалистического не-духа, - что стало с этой жизнью? Вместо правовой совместной жизни, вместо действительной, рождённой изнутри человека правовой жизни, мы имеем жизнь конвенции. Как в духовной жизни мы живём во фразе, так в правовой жизни мы живём в конвенции, в том, что установлено согласно параграфам, чему человек не принадлежит своей душой, а подчиняется, когда оно конвенциональным образом устанавливается какой-то абсолютной властью или, например, какой-то демократией. Второе, что хочет духовная наука в отношении трёхчленности социального организма, это: основание действительной демократии в той области, где демократия может быть. Так, чтобы конвенция была замещена тем, что должно проявляться среди равноправных совершеннолетних людей, исходя из самого внутреннего человеческой природы.

И в третьей области, в области хозяйственной жизни, вместо экономического единства, расчёта обстоятельств, мы должны поставить действительное экономическое суждение, которое возникнет тем способом, который я хочу описать, в ближайшие несколько дней, и о котором вы сможете прочесть в моих «Основных пунктах социального вопроса». Это экономическое суждение возникло перед лицом не-духа нового времени. Человек, вместо того, чтобы быть действительным хозяйственным практиком, стал рутинёром, который просто стоит внутри той материи, в которую его поместили рождение или прочие обстоятельства жизни. Человек является не действительным практиком в области хозяйственной жизни, а рутинёром под влиянием инстинктивно сформированного не-духа. Мы живём под влиянием не-духа фразы, конвенции, рутинёрства. Мы не выберемся отсюда, если, исходя из побуждений духовной науки, не сможем наполнить как правовую жизнь, так и духовную и экономическую жизнь, чувством действительности, чувством духа.

Но люди сегодня ещё смотрят мимо таких вещей. В отношении же того, на что можно указать как на важнейшее, что действительно непосредственно стоит в практической жизни, люди часто остаются при суждении, что это всего лишь сон, фантазия и так далее. Да, люди уж такие. В семидесятых годах прошлого столетия здесь, в Швейцарии, жил один человек, Йоханнес Шерр. Он был во многих отношениях крикуном, обрушивал на всё резкую критику, одним словом, крикун. Но из того шума, который он производил, часто доносились и очень здравые суждения. Этот Йоханнес Шерр, исходя из определённого взгляда на то, что происходило в его время, сказал: Если так будет идти и дальше, если люди в своём познании будут продолжать следовать только материализму, если во внешней политической, социальной жизни они будут придерживать только финансовой экономике, как это происходит сейчас, когда каждый принимает во внимание только свои собственные финансовые или индустриальные интересы, следует своему эгоизму, - если это будет продолжаться, то придёт время, когда человек должен будет сказать: Абсурд, ты победил!

Хотелось бы знать, кому из тех, кто оставался непредвзятым в последние годы и даже сейчас, видя, что происходит то тут, то там в мире, видя, какое противодействие оказывается всему, что могло бы быть стимулировать человечество во всем цивилизованном мире, особенно если он во время этого приведения *ad absurdum* нынешней цивилизацией был поставлен в обстоятельства войны, не приходилось говорить себе: что ж, пришло время, когда нужно сказать не: «Абсурд, ты победил», как Йоханнес Шерр»; а: «Абсурд, ты решил!

Дальнейшее я хочу развернуть в ближайшие дни. Сегодня же я хотел вводным образом сказать, что антропософско-ориентированная духовная наука, как она имеется здесь в виду, хочет принимать участие не в действиях, приводящих к состоянию, в котором всё чаще и чаще надо будет говорить: Абсурд, ты решил, - а в действиях, приводящих к состоянию, в котором, исходя из самой внутренней человеческой способности, из самого внутреннего человеческого познания, надо будет сказать: Мы можем снова привнести в жизнь смысл, созидающий смысл. Над этим хотела бы работать духовная наука.

И свою силу она черпает из веры, которая всё же является чем-то большим, нежели просто вера, из убеждения, что должно прийти время, когда не-дух фразы, не-дух конвенции, не-дух рутинёрства должен будет быть побеждён духом, который, исходя из более глубокого

познания, снова говорит о смысле жизни. Поскольку духовная наука должна быть убеждением: Не не-дух приведёт людей к здоровому развитию их жизни, а только дух. Поэтому духовная наука хотела бы, настолько сильно, насколько она может, как раз, перед лицом потребностей сегодняшнего времени и ближайшего будущего, возвысить призыв к духу и его истинному познанию.

Существо души и нравственная ценность человека
в свете духовной науки (антропософии)
ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ
Базель, 5 мая 1920 года

Во вчерашней лекции я уже указывал на то, как под влиянием нового, определяемого естественной наукой мировоззрения, должна была возникнуть некая неуверенность в отношении вопроса: Как то происходящее в мире, которое эта естественная наука представляет как естественно необходимое, соотносится с действием, со значением человеческих нравственных ценностей?

Естественно-научное мировоззрение всё больше и больше приходит к тому, что всё то, что происходит в мире, происходит в соответствии с естественными законами. И оно всё больше и больше приходит к тому, чтобы включать в эту естественную закономерность только то, что, по сути, не имеет ничего общего с нравственным человеком. И таким образом, - собственно, отчётливо только с середины 19-го столетия, - мы наблюдаем возникновение естественно-научной картины мира, составленной из различных результатов деятельности естественно-научного мышления, которая, прежде всего, в отношении нашей Земли и в отношении того, что с ней связано, говорит приблизительно следующее: эта Земля является членом общей системы, нашей солнечной системы, и она вместе с последней возникла из своего рода состояния первичной туманности, и с течением времени выделилась из неё. Затем возникли существа минерального, растительного и животного царств, и, посредством усовершенствования животных форм, - также человек. И поскольку та природно-закономерная необходимость действия сил, которая привела ход мира к этому моменту и к этой нынешней форме, продолжается, то, что сейчас населено людьми как Земля, однажды будет пусто от людей, животных и растений, и снова исчезнет в общем мировом процессе.

Несомненно, тот, кто энергично чувствует, что сегодня значит для людей естествознание как авторитет, вряд ли усомнится в том, что это мировоззрение имеет некое исключительное значение. Да, найдутся многие, особенно среди сегодняшних образованных людей, которые будут упорно утверждать, что тот, кто не хочет признать важность этого мировоззрения, ставит себя в неловкое положение.

Правда, среди тех, кто таким образом ставят себя в неловкое положение, есть люди, голоса которых имеют значительный вес. В предыдущих лекциях я уже обращал внимание на то, как остроумный исследователь искусства Герман Гримм в своей книге о Гёте указывал, насколько мало это мировоззрение может соответствовать изначальному, элементарному ощущению человека. Он говорит: Вид кости, вокруг которой кружится голодная собака, более аппетитен, чем такое мировоззрение. Будущей историографии человечества будет довольно трудно объяснить безумие времени, которое привело к этой теории Канта-Лапласа.

Конечно, нечто подобное сейчас воспринимается как профанство, дилетантизм и так далее. То, что установлено естественно-научно, как бы, разбухает как мировоззрение до целой картины мира, и затем утверждает себя таким образом. И перед нами встает вопрос: Как такому мировоззрению, которое в определенных отношениях претендует на свою исключительность, противостоит всё же слышимый внутри человека голос нравственного

идеала, совести, - голос, который говорит нам, что делать, а что нет, голос, который говорит нам, что добро, а что зло? Как вписывается в эту картину мира вся нравственная жизнь?

Я встречал многих людей, которые видят эту нравственную жизнь как, своего рода, преходящие испарения, собственно, иллюзию испарения, которая поднимается из того, что происходит в естественной науке, на какое-то время иллюзорно наполняет людей, а затем исчезает навсегда. И что, собственно, если быть совершенно честным, надо думать, как не то, что возникает в голове человека после того, как ему говорят, что в течение миллионов лет он развивался из низших животных форм, что надо думать, когда то, что возникает в его голове в виде идеала, также, в свою очередь, должно бесследно исчезнуть, когда Земля вернётся в то состояние, в котором она растворится в общем мировом потоке. Это был бы эпизод, в котором люди ставят перед собой моральные идеалы. Это был бы эпизод, в котором люди действуют под влиянием этих нравственных идеалов. Все эти моральные идеалы означали бы ни что иное, как поднимающиеся иллюзорные пузыри, согласно которым люди устраивают свою жизнь, и которые не будут иметь никаких дальнейших последствий в развитии мира.

Я знаю, сколько возражений с материалистической стороны будет сегодня приведено против таких последствий этой картины мира. Но есть нечто такое, чего также следует коснуться в отношении возражений, которые выдвигают сегодня материалисты, когда им говорится: Ваша картина мира, ваше почерпнутое исключительно из естествознания мировоззрение, делает человеческие моральные ценности, собственно, ни чем иным, как иллюзорным пузырьком.

Взглянем на то время, когда полная свежести и огня естественно-научная картина мира появилась в цивилизованном мире. Это было примерно в середине 19-го столетия, когда, я бы сказал, не такие сонные и непоследовательные, как сегодня, а наполненные огнём материалисты, ломали головы над тем, как исходя из этих мыслей, - только так, как этого хочет физика, химия, биология, - думали о нравственных ценностях; относительно этого я хотел бы всё же дать несколько примеров, которые сегодня, вероятно, уже недостаточно известны. Видите ли, в то время, когда материализм, я бы сказал, в своей юношеской свежести проходил через европейскую цивилизацию, тогда был один писатель истории, Хельвальд³²; он написал историю культуры с точки зрения естественно-научной картины мира. Когда он сделал действительные, истинные выводы этой природно-научной картины мира, он сказал себе: Нравственные идеалы, вообще нравственные идеи человека, - это иллюзии. Как согласно необходимости, которую предполагает химия, физика, думать о какой-то объективной правомерности нравственных идей? Но люди всегда имели нравственные идеи. Это нужно просто научно объяснить, говорит историк культуры Фридрих фон Хельвальд. Однако о нравственных идеалах он высказывается прежде всего с чисто научной, то есть, с естественно-научной в то время точки зрения. Этот способ выражения себя я хотел бы представить на одном примере. Он говорит: «Задача науки - разрушить все идеалы, доказать их пустоту и ничтожность (Nichtigkeit), показать, что вера в Бога и религия - это обман, что мораль, любовь, свобода и права человека - ложь».

Видите, так говорили, когда считали, что единственно естественно-научная причинность может быть представлена как картина мира, во время, когда она ещё только входила в сердца людей, когда к этим вещам подходили ещё не так непоследовательно и холодно.

Однако, тот же самый историк говорит теперь, почему люди держатся этих нравственных идей, которые так ничтожны? Наука доказывает их ничтожность. Потому что люди, говорит он, в них нуждаются; они нуждаются в них в борьбе за существование. Если у человека есть нравственные иллюзии, если он верит в обман нравственных идеалов или идеалов истины, то он продвигается вперёд в борьбе за существование лучше, чем если бы он не верил в эти заблуждения. Поэтому поднимались эти пузыри. Поэтому люди хватались за эти моральные идеалы. Они были верным средством в борьбе за существование.

---

³²Фридрих фон Хельвальд (Friedrich von Hellwald), 1842–1892; историк культуры. Он написал, среди прочего, «Историю культуры в её естественном развитии до настоящего времени», Аугсбург, 1875 год.

Это было следствием последней трети 19-го столетия! Это то, что до сих пор шевелится в душах; но эти души уже не так последовательны, как раньше, и поэтому они не признают следствия, которое состоит в том, что: либо я принимаю картину мира Канта-Лапласа, или похожую картину природы, и тогда я должен объяснять нравственные идеалы как мираж и ложь, или я должен отбросить то, чем является просто естественно-научная картина мира.

Да, люди были более последовательны. Я хотел бы представить вам ещё один пример. Одна дама писала учёному, задающему тон в естественно-научном формировании картины мира того времени, Молешотту³³. О своих взглядах на нравственные ценности человека эта дама писала тогда следующее: «Нравственная норма для каждого человека лежит только в его собственной природе, а потому для каждого различна. Что такое разврат и страсти сами по себе? Ни что иное, как большая или меньшая степень вполне оправданного инстинкта». И эта дама писала далее: «Я люблю человечество таким, какое оно есть, и его учение» - она имеет в виду учение Молешотта - «научило меня уважать даже вора и убийцу и признавать их человеческие права. Всё, что делает вора, так же, как и торговца, вполне оправдано в кругу человеческих задатков. Хитрость и изворотливость, связанные с стяжательским инстинктом, и здесь, и там, являются, в соединении с другими духовными силами, лишь оживляющим началом. Всё, что входит в жизнь, с этим входом приобретает право на жизнь. Поэтому я должна сказать ещё раз: Человек, ставший вором, также принёс с собой право совершенствовать свою природу и делать её всесторонней, и, таким образом, может быть только сильной, нравственной натурой. И как это относится к вору, так это относится и ко всякому преступнику, в том числе и человеку, ставшему убийцей. Он может достичь совершенства своей человечности, только удовлетворив своё желание убивать».

Мои многоуважаемые присутствующие, это была не революционерка, это была совершенно бравая, бюргерски настроенная дама, которая в то время девственности того мировоззрения, которое, по сути, представлено и сегодня, но не воспринимается серьёзно, - которая просто достаточно серьёзно восприняла это мировоззрение, которая знала только: если думать так, как относительно естественно-научной картины мира большинство людей думает ещё и сегодня, то о нравственных ценностях человека нужно думать так, как думает она. Это была глубокая внутренняя обязанность, которую чувствовала такая личность, к той вере, которую я здесь описал, которая, ведь, по сути, ведёт к растворению всякого стремления к истине, к растворению всех идеалов и не имеет совершенно никаких оснований для того, чтобы как-то закрепить нравственную ценность человека в мире.

Я зачитал вам эти примеры, которые можно было бы умножить, чтобы вы увидели, как получилось так, что в человеческих душах укоренилось то, что накрыло сегодня Европу. Стоит ли удивляться тому, что по Европе сегодня распространяется достаточно хорошо знакомое вам настроение, поскольку это настроение зародилось именно в последовательно мыслящих и чувствующих людях, которые представляли это мировоззрение примерно в середине 19-го столетия и в начале последней трети 19-го столетия?

---

³³См. «Философские вопросы времени» Юргена Бона Мейера (Jürgen Bona Meyer), Бонн, 1874 год, гл. 9, «Совесь и нравственное мироустройство», стр. 323 и далее; В нем говорится: «Дама, Матильда Райхардт, опубликовавшая книгу о науке и морали в письмах к Молешотту в 1856 году, бесспорно приобрела незавидную привилегию, прежде всего, среди тех, кто переворачивает все моральные понятия с ног на голову, быть первой. По мнению этой дамы, моральная теория должна лишь задаваться вопросом, гармонично ли развивает человеческая природа заложенные в ней элементы. Но природа, думает она, через каждого человека выражает разную волю. Поэтому неуместно утверждать, что если есть люди, у которых есть склонность, преобладающее стремление обманывать и воровать, то эти люди могут быть полностью нравственными людьми только как мошенники и воры. - <Человек, рожденный вором, как и все остальные, принес с собой в жизнь право совершенствовать свою природу и развивать её во всех направлениях и только так может быть сильной, нравственной натурой. И как вор, или всякий другой преступник, так же поступает и человек, рожденный быть убийцей.>» Буквальное содержание этого письма можно найти у Морица Каррьере (Moritz Carrière) в: «Этический мировой порядок», Лейпциг, 1877, 1-я глава. Механический естественный порядок и материалисты, стр. 24.

Якоб Молешотт, 1822–1893; Физиолог. Основной труд: «Круг жизни».

Ведь, действительно дело обстоит так, что сегодняшний человек наполовину своей души просто не признается себе, что он, собственно, должен так думать о нравственной человеческой ценности, если не пересмотрит свою картину мира, которую ему рисуют естественно-научно мыслящие конструкторы мировоззрения. В этом состоит серьезность всех тех вопросов, которые возникают при поиске нового формирования нашей картины мира. Это то, что так отягощает душу тех, кто видит в духовной науке, о которой я говорил вам вчера, нечто такое, что обязательно должно быть помещено в нынешний ход человеческого развития и в ход ближайшего будущего. Только от этого можно ожидать, что нравственная ценность человека обретёт основу, воистину обретёт основу, что естественно-научное мировоззрение само будет оплодотворено духовной наукой, познанием духа.

Теперь нам только надо обдумать некоторые вещи, которые были упомянуты вчера, чтобы во всей глубине понять, что мир не может быть понят человеком до тех пор, пока он не сможет понять самого себя. Процессы снаружи, в мире, мы поймём в их истинной сущности только тогда, когда сможем исследовать их, исходя из душевной сущности. Тут мы вспоминаем, как было сказано вчера, что имеющаяся здесь в виду духовная наука ищет свои методы, свои духовные познания через внутреннее развитие души. И ещё раз, кратко, я хочу указать на то, что развивается внутри человеческой души, как это человеческое душевное существо продвигается дальше, по-сравнению с обычной жизнью и обычной наукой, для того, чтобы достичь видения духовного мира. Я указывал на то, как развивается голова, как мы это видим у ребёнка, когда он появляется на свет, как изо дня в день, из года в год на поверхность проступает внутреннее душевно-духовное. Мы видим, как черты детского лица становятся всё более душевными, всё более духовными, как внутри работает нечто такое, что помимо поверхностного проявления, формирует человеческое существо пластически. Мы, возможно, только чувствуем, но непредвзятое наблюдение, более глубоко погружённое в вещи, видит, что то, что таким образом, я бы сказал, выражается в чертах лица, протягивается дальше внутрь детской организации. И вчера я указывал, как самым интенсивным выражением того, что происходит посредством пластического формирующего пронизывания человеческого тела душевно-духовным, является смена зубов, появление вторых зубов, выступающих на место молочных зубов. Эти вторые зубы в своем формировании наиболее ярко, бросающимся в глаза образом показывают, как затвердевает организм человека в первые семь лет жизни. Затем, когда у ребенка появляются зубы, представления обретаю форму и могут стать остающимися воспоминаниями; они обретаю контуры. В тот момент жизни человека, когда силы, действовавшие внутри организма до седьмого года жизни, определенным образом выполнили свою задачу для организма, происходит смена зубов. Тогда те силы, которые действовали в организме до смены зубов, освобождаются. Они показывают себя в своей духовно-душевной форме; они действуют тогда в человеческой способности вспоминать, в человеческой способности мыслить. То же самое, чем мы думаем, чем формируем наши воспоминания, работало в нашем организме как скульптор вплоть до нашего седьмого года жизни; это привело к тому, что из всей совокупности органического вещества человека выделилось вещество зубов, если мне будет позволено выразиться так афористически, иначе, чтобы полностью объяснить эти вещи, пришлось бы прочесть много лекций об этом изменении зубов.

Видите, это только маленький пример, но пример того, что духовная наука не витает в облаках, не погружается в мистический туман, а, как раз, в познании действительности показывает, как духовно-душевное работает над человеческим организмом в первые семь лет. Эта духовная наука, ведь, только и знакомит нас с человеческим организмом! В этом, как раз, и проявляется судьба материализма, что он не может познать материю, что он нам ничего не говорит о материи. Духовная же наука, как раз, о материи говорит нам те вещи, которые я описал вам сейчас о том, что работает в человеческом организме до семи лет и что затем становится деятельностью мышления. Если бы могли входить в отдельное, в конкретное, можно было бы видеть, как духовно-душевное работает над человеческими органами, над печенью, лёгкими, почками и так далее. Духовная наука приносит знания, как раз, о

материальных процессах, поскольку эти материальные процессы она в состоянии объяснить, исходя из духовного.

Когда духовный исследователь продвигается в формировании того метода, благодаря которому можно вступить в духовный мир, тогда, ведь, нужно, посредством медитации, - как я указывал вчера, - продолжать формировать то, что тут освободилось в семь лет в виде мыслительной деятельности, в виде деятельности представления. Тогда нужно внутренне работать в мышлении так сильно, как мышление работает в первые семь лет, когда оно не просто позволяет чудесным образом появиться в сознании мыслям, а когда сила мышления работает в организме так сильно, что в конце концов формирует зубы. Если посредством медитации углубляться в такую усиленную деятельность мышления и представления, то становится заметной разница между этим мышлением, которое затем приводит вас непосредственно к видению духовного мира, которое позволяет непосредственно узнать, как человек через рождение спускается из духовно-душевного в физическое бытие, и тем, чем является обычное человеческое мышление.

Не правда ли, таким образом узнают, из чего состоит обычное человеческое мышление, которым человек пользуется в повседневной жизни, в обычной науке. Люди пользуются этим мышлением; но они, ведь, не могут узнать, в чём, собственно, состоит это мышление. Человек учится познавать, в чём состоит это мышление, только тогда, когда он может поставить рядом то мышление, которое свободно от тела, которое не привязано к мозгу, которое протекает в чисто духовно-душевно, эфирном, которое приобретает только через медитацию. Только тогда появляется возможность сравнения, только тогда можно сравнить обычное мышление человека с этим совершенно свободным от тела мышлением. Это важно, что человек это может, поскольку это только и даёт тогда действительную науку о полном значении душевного существа человека.

Видите ли, это чрезвычайно значительный опыт, который получает человек, когда он однажды становится в состоянии понять мышление в его свободном от тела состоянии, и тем самым сравнить с обычным мышлением, связанным с мозгом. Тогда можно увидеть разницу в мышлении, существующую между людьми и животными. Ведь, об этой разнице между людьми и животными ходило много небылиц, а именно, много небылиц от современной науки. Но понять, в чем состоит эта разница, можно только посредством такого сравнения, которое я, как раз, описал.

И если себя спросить: Хорошо, в чём же тогда состоит разница между обычным мышлением и свободным от тела мышлением, непосредственно связанным с душевным бытием человека, когда оно протекает только в духовно-душевно; в чём тогда состоит - так теперь можно поставить вопрос, - обычное мышление с точки зрения этого свободного от тела мышления? Это обычное мышление полностью привязано к мозгу. Должно быть что-то от органической организации, благодаря чему протекает это обычное мышление. Свободное от тела мышление, достигнутое посредством медитации, не нуждается в этом нервном инструменте. Этот нервный инструмент нужен обычному мышлению. Этот нервный инструмент у человека есть потому, что у него организация не заходит так далеко, как у животных. Животное, как бы, рвётся со своей животной организацией до определённого пункта, затвердевает до определённой степени. Человек в начале своей жизни заходит в отвердевании, закостенелости, склеротизации своей душевной жизни не так далеко, как животные в начале жизни. Но в течение жизни у человека развивается это отвердевание. Поскольку то, что в отвердевании организма выражается в выступлении вторых зубов как чистых продуктов отвердевания, продолжается, ведь, и в обычном повседневном мышлении; оно просто становятся не зубами, а становятся, я бы сказал, гораздо более умеренными внедрениями в организм, которые, в свою очередь, растворяются. Но это мышление, это обычное мышление состоит, как раз, в том, что человек постоянно убивает то, что в нём возникает как растущая, распускающаяся жизнь. Происходит то, что мысли, которые более ранняя действительность имела как зубы, постоянно выбрасываются из организма в виде умерших частей, и что это выбрасывание, в свою очередь, разрешается в склеротизации,

окаменении. Мышление состоит, как раз, в том, что мы, в отношении нашей головной системы, нашей нервно-чувственной системы, постоянно несём в себе смерть.

Это то, на что я здесь в другом контексте уже обращал ваше внимание. Наше мышление состоит в том, что мы в продолжающемся временном процессе посредством нашей собственной внутренней активности осуществляем то, к чему животное предрасположено с самого начала: процесс склеротизации, процесс окаменения, процесс смерти, который мы вносим в свой организм. На это постоянное умирание, без которого не может существовать нормальное мышление, человек смотрит с точки зрения свободного от тела мышления, приобретенного посредством медитации. Только это умирание постоянно компенсируется тем, что из прочей организации, из организации крови и сердца, в голову, склонную к постоянному умиранию, постоянно поднимаются оживляющие силы. В человеке, как раз, тогда, когда он является мыслителем, идет постоянная борьба между умиранием и жизнью. И то, что наступает в конце физической жизни, момент смерти, - это лишь синтетическое обобщение того, что в малом происходит постоянно. Со стороны нашей чувственно-нервной организации мы умираем постоянно; только это умирание постоянно отменяется. И только когда прочий организм, не только организм головы, больше не способен остановить это умирание, - только тогда мы умираем действительно. Смерть - это не что-то, что подступает только раз; смерть - это длительный процесс. И этой смертью мы обязаны мышлению. Благодаря тому, что мы включаем в себя смерть через мышление, во-первых, мы вообще имеем мышление, во-вторых, мы узнаём, что, собственно, представляет собой смерть субстанционально.

Когда человек обретает это свободное от тела, развитое посредством медитации мышление, тогда он видит другое мышление, видит, как постоянно минерализируется, окаменеет человеческая субстанция, и, [таким образом], знакомится с процессом минерализации. Познавая минеральный элемент в человеке чисто как продукт мысли, наполняющий человека, наполняющий его мертвым, человек познает минеральное царство внутри себя. И поднимая в себе мышление над уровнем смерти, пробуждая его в себе, переживая, что нечто в нас должно умереть, чтобы возникли мысли, - переживая это, он узнаёт также тайну мироздания. Он узнаёт, что, собственно, означает это минеральное царство там, снаружи. Это минеральное царство внечеловеческого мира человек узнаёт только благодаря тому, что он узнаёт привязанное к мышлению минеральное царство в самом себе. Настоящее познание мира становится возможным только через интимное познание человека. И видя, как нечто умирает в человеке, уходишь от того предрассудка, который вкрался в 19-ое столетие как самый острый, самый интенсивный предрассудок, и который остался до наших дней; так человек, я бы сказал тарасился, под влиянием гнусного внушения, тарасился на минеральный мир с его причинностью. Ведь, он не знал внутри себя ничего, что познакомило бы его с этим минеральным миром. Он не мог сказать ничего, кроме как: Этот мир был когда-то мировым туманом, Кант-Лапласовской туманностью. Из неё вышла планетная система, Земля; из неё развилось всё остальное, и всё это снова исчезнет. Это становление, это чередование причины-следствия есть нечто вечное; внутри него человеческие нравственные ценности - это всплывающие пузыри, причем пузыри, состоящие лишь из иллюзий. - Когда человек познаёт это минеральное царство, познавая его в самом себе, тогда он учится понимать его существо во внешнем мире. Человек видит в самом себе, что минеральное царство является постоянным умиранием. И он уже не конструирует внешнюю картину мира по-старому, а он теперь знает, как, собственно, эта картина мира конструируется под влиянием предвзятого суждения науки. Как мы уже обращали внимание, оно устроено очень остроумно: ведь, можно проследить изменения в человеческом сердце на протяжении пяти лет и обнаружить, что человеческое сердце сегодня представляет собой нечто иное, чем то, которое было пять лет назад. Можно было бы тогда проследивать дальше, каким оно будет ещё через пять лет, можно было бы рассчитать, каким оно будет через триста лет, хотя его тогда уже не будет, но расчёт может быть очень точным и правильным. Так геологи и астрономы рассчитывают, как будет выглядеть Земля через

миллионы лет. Но тогда от этой Земли останется так же мало, как от конкретного физического человека через триста лет. И как не было человеческого сердца триста лет тому назад, как не было земли в то время, на которое рассчитывают геологи! И как мало вероятно, что человеческое сердце существовало уже триста лет назад, так же мало вероятно, что Земля уже была в то время, которое рассчитали геологи!

Это познаётся, как раз, тогда, когда познаётся природа минерального царства в самом человеческом существе, на том пути, который я вам указал. Но тогда, когда вы таким образом познали природу минерального царства, вы знаете: это минеральное царство исчезнет с Земли, без исчезновения всей Земли, так же, как у человека со смертью умирает то, что в нём заостенело, без того, что душевно-духовно умирает весь человек.

И далее: Так же, как человек развивает своё мышление посредством медитации, - точно так же можно развить и человеческое чувство; как человеческое мышление можно определённым способом сделать ясновидящим, так можно сделать ясночувствующим и человеческое чувство, так чтобы проникать в духовный мир также посредством человеческого чувства. И, как через мышление учатся познавать, как я только что указал, минеральное царство, так же, посредством того, что становится свободным от тела чувство, можно взглянуть на повседневные чувства, как они связаны с системой желез человека, и узнать, что это повседневное чувство связано в организме с процессом, подобном растительному процессу во внешнем мире.

И, в свою очередь, познаётся существо растительного процесса во внешнем мире. И тогда вы узнаете, - что сегодняшнему человеку кажется очень парадоксальным, - что царство растений существует дольше, чем царство минералов, что растительное царство старше минерального царства. Сегодняшний человек не может представить себе ничего другого, кроме того, что царство растений вырастает из минеральной почвы. Лучше бы он взглянул на то, как из растительного царства вырастает нечто явно минеральное в виде каменного угля! Исходя из этого он смог бы увидеть, что всё минеральное, существующее сегодня, является выделением, продуктом первоначального растительного, и что растительное будет иметь более длительное бытие, чем минерал.

И так же, как можно сделать свободными от тела мышление и чувство, - так можно сделать свободной от тела и волю. И, когда человек обретает эту свободную от тела волю, - а вчера я говорил о том, как эта свободная от тела воля обретается посредством особого, интенсивного самовоспитания, посредством взятия себя в свои руки, посредством самодисциплины, - тогда он познаёт в себе особое существо, которое теперь родственно животному царству. Тогда познаётся также существо этого животного царства. Но также и то, что растительное царство является, в свою очередь, выделением животного царства, что животное царство старше растительного, что оно будет существовать дольше растительного, что растительное царство исчезнет раньше, чем животное царство. Правда, конечно, не в тех физических животных формах, как сегодня, а в животных существах, которые воплощены в этом физическом царстве.

И только тогда обретается истинное видение человеческого мира. Тогда обретается такое видение этого человеческого мира, что говорят себе: Ведь, человек перерос все эти царства, поскольку, подобно тому, как растительное царство выделило из себя минеральное царство, а животное царство выделило растительное царство, - подобно этому и человек в свою очередь, как бы, выделил из себя животное; он старше животного царства и существует дольше животного царства. Вначале погибнет минеральное, затем растительное, затем животное. Затем от человека останется то, что мы узнали, когда смотрели на то, что поднялось из смерти минерального, что поднялось из смерти растительного и животного, когда эти прочие три царства исчезнут. - Что тогда поднимется из нашей Земли, из нашего земного бытия? Тот, кто знаком с человеком, учится познавать это уже сейчас. Он видит, как мышление, как мысли - а нравственные идеалы есть мысли - поднимаются из могилы, окостеневшей в нас части организма; поэтому однажды останется только то, что создал человек. Когда исчезнет то, что есть в минеральном царстве, в растительном царстве, в

животном царстве, из всего этого погибшего поднимется то, что человек извлёк из преодоления мёртвого минерального царства, из преодоления растительного царства, из преодоления животного царства. И нам будет указано на то, что то, что мы формируем сегодня как нравственные идеалы, в наших зачаточных мыслях будет мирообразующим, когда исчезнет всё, что содержится в сегодняшнем минеральном, растительном и животном царствах. Мы ставим теперь себя по отношению к миру так, как мы должны были бы себя ставить, если бы мы рассматривали на картине растение: оно растёт, образуя лист за листом; но уже тогда закладывается маленький зачаток, который затем станет новым растением. Опадают старые листья, опадают лепестки, - всё это не имеет никакого значения для того, что произойдет дальше. Мы стоим в мире как люди. Мы видим, как внутри нас уже происходит то, что однажды станет земным процессом. Мы видим, как внутри нас формируется минеральное царство, потому что мы мыслим, как внутри нас формируется растительное царство, потому что мы мыслим, как внутри нас формируется животное царство, потому что мы мыслим. Над всем этим триумфирует то, что образуется в нас как мышление, чувство и воля. Это даёт зачаток. У нас только должна быть возможность знать, что то, из чего развивается этот зачаток, отпадёт, как опадают листья, лепестки, что этот зачаток даст новый мир.

Враг этого признания развился в 19-ом столетии, когда не могли представить себе больше ничего другого, как: Минеральный процесс включает в себя субстанциональность, которая постоянна. Говорили о постоянстве материи и силы. В тот момент, когда были выдвинуты эти догмы, в этот момент это минеральное *есть* нечто; в этот момент не видно, что это минеральное обречено на гибель, позже обречено на гибель растительное, позже обречено на гибель животное, и что из всей этой могилы поднимется не ничто, а то, что мы, люди, несём в себе сегодня.

Да, эта Земля со всем, что есть в этих трёх царствах погибнет. Но то, что образуется в нас уже сегодня, и чему мы приписываем нравственные человеческие ценности, - это зачаток новой Земли, зачаток нового мирового бытия. Мы не смотрим на нравственные человеческие ценности, когда говорим: это некий иллюзионный пузырь, поскольку мы видим, как всё вокруг нас гибнет, как опадают листья растения, так отпадает от Земли и всё прочее, но как зачаток развивается то, что мы несём в себе как нравственные ценности человека. Мы только должны преодолеть такие представления, как предубеждение о постоянстве материи, о постоянстве силы, - эти ужасные догмы, которые естественная наука насадила в 19-ом столетии, поскольку не имела никакого понятия о том, что может познать человек, когда он поднимется к познанию духа, и тогда переживёт в себе, в микрокосмическом, в человеческом: смерть минерального мира, над которой триумфирует мысль, которая может развиваться в постоянном умирании, точно так же, как может развиваться новый растительный зачаток, когда отмирают старые листья и над ними триумфирует зачаток нового. Наше нравственное человеческое существо, наши нравственные человеческие ценности - это триумфатор над тем, что гибнет в прочих царствах, в том, что принадлежит к этим прочим царствам от нас самих.

Тогда мы видим, как нравственные мировоззрения вливаются в естественно-научные мировоззрения. Тогда мы видим, как эти естественно-научные мировоззрения имеют дело с тем, что в мире отмирает, а нравственные мировоззрения - с тем, что сейчас восходит как зачаток в этом отмирающем в виде нового мира. Тогда в нас вырастает сознание, что мы, формируя нравственный мир идеалами, работаем над зачатком будущего мира. Тогда нравственные ценности человека ставятся в один ряд с происходящим в природе. Но тогда это происходящее в природе отодвигается к своим границам, это наблюдение за природой, которое, ведь, и так приходит к своим результатам, принимая людей в свои клиники и проводя свои исследования на трупах. Естественная наука исследует отмирающее. Она приходит также и к результатам, касающимся отмирающего. Но то, что клиницист не может унести в морг, то, что нельзя препарировать, то, что триумфирует над тем, что подлежит

препарации, - это то, что уже сейчас в виде нравственных ценностей человека строит новый мир.

Видите ли, перед духовной наукой стоит задача разбить, если можно так выразиться, презумпции (Annahmen) естественно-научного мировоззрения. Поскольку духовная наука видит отчётливо и ясно: да, это так, либо надо отвергнуть это естественно-научное мировоззрение, - разумеется, не само естествознание с его доказанными результатами, - либо надо отвергнуть нравственные ценности человека. Только потому, что люди сегодня так непоследовательны и возвеличены, они не видят, что для того, чтобы спасти нравственные ценности человека, они должны решиться принять духовно-научное мировоззрение. Человечество не видит этого, поскольку оно хочет сохранить то мировоззрение, которое базируется только на воззрении на природу. Но тогда они должны были бы говорить так, как когда-то писала Молешотту, материалистическому естествоиспытателю, Матильда Райхардт: «Поэтому я должна сказать ещё раз: Человек, ставший вором, также принёс с собой право совершенствовать свою природу и делать её всесторонней, и, таким образом, может быть только сильной, нравственной натурой. И как это относится к вору, так это относится и ко всякому преступнику, в том числе и человеку, ставшему убийцей. Он может достичь совершенства своей человечности, только удовлетворив своё желание убивать». Либо надо говорить так, отдавая тем самым должное естествознанию как мировоззрению, отрицая всякие нравственные человеческие ценности, либо надо принять духовную науку.

Есть ещё и третье. Говорят: Все мировоззрения мне безразличны, я скорее предпочел бы инстинктивным образом проспать мировое бытие. Конечно, это третье тоже возможно. Многие люди сегодня так делают. Тот, кто хочет всерьёз прийти к ясности относительно самого себя и своего отношения к миру, может пойти только по одному из описанных путей. Так обстоят дела сегодня. Это решение есть. Естествознание выросло в мировоззрение. Уже не проповедают теоретически, как это делали Матильда Райхардт, историк культуры Хельвальд и другие, что вор, убийца может стать полноценным человеком только в том случае, если он реализует себя, поскольку в нём природная причинность хозяйствует точно так же, как и в, так называемом, честном человеке. Это проповедают не теоретически. Но то, что живёт в этом настрое, проходят через Европу. Оно обусловило последние пять-шесть лет. Оно будет действовать дальше. Европа скатывается в варварство; либо Европа должна осознать, что мировоззрение не может быть построено только на основе естественных наук.

Возможно это покажется сегодня сказанным фанатически, возможно это покажется сегодня сказанным радикально. Пусть каждый ударит себя в грудь и спросит, но спросит достаточно серьёзно, и я не думаю, что эта серьёзность позволит дать какой-то другой ответ. И затем, пусть взглянут на такое мировоззрение, которое, исходя из душевного существа, хочет вновь отвоевать нравственные ценности человека, на то, как оно вынуждено, опять же, исходя из духа, снова искать эту нравственную ценность человека, как оно вынуждено порывать с тем, что стало самыми разнообразными предрассудками нашего времени: постоянство энергии, постоянство вещества и так далее. Пусть взглянут на эту духовную науку: она должна усвоить совершенно другой вид представления, совершенно другой вид постановки себя в мир. Благодаря этому, она приходит к наблюдению того, что кажется только мыслью, что кажется только разбавленной мыслью, которая появляется и исчезает, она приходит к тому, что как зачаток новой реальности сохраняется после того, как вся Земля исчезнет. Эта духовная наука ощущается тем, кто серьёзно относится к этим вещам, как необходимость нашего времени. Но она должна ощущаться как необходимость также и людьми религиозными, истинно религиозными. Наше время нуждается в возможности понять, как нечто духовное может включить себя в этот физический мир.

Пусть теперь взглянут на то, что прошедший через сегодняшнее образование человек может сказать о событии Голгофы. Он не может сказать о событии Голгофы ничего другого, как: Ну, хорошо, всё время, предшествующее этому событию Голгофы, должно было быть в ходе земной эволюции подготовкой к нему, затем оно произошло. Затем оно имело свои последствия. Оно должно стоять внутри ряда причин и следствий. Поскольку откуда тот, кто

получает сегодня образование, основанное только на естествознании, должен знать, в чём он должен видеть возможность того, что с событием Голгофы в Землю вошло нечто совершенно новое, чтобы в ходе дальнейшей эволюции формировать Землю и дальше! Единственно и только, благодаря тому, что, наконец, будет осознано, что в самом нутре человеческой жизни, в собственно мыслительном мире сохраняется нечто такое, что переживёт Землю со всеми её царствами, но, как раз, только посредством того, что будет понято, что на Земле есть нечто, что не исчерпывается понятийным внешним, чувственно воспринимаемым внешним, что триумфирует над Землёй, что согласно своей субстанции выходит за границы этого земного, делает способным видеть то существо, то духовное существо, которое, благодаря Мистерии Голгофы, было привлечено на Землю и как Христос Иисус дало Земле её дальнейший смысл.

Сегодня необходимо приближаться к Мистерии Голгофы, к тайнам христианства с тем, что зажигает в человеке духовная наука. Поскольку сегодня христианство должно быть понято духовно. Посмотрим, как обстоит дело с точки зрения материалистов: Как они отрицают, если остаются последовательными, нравственные ценности человека, точно так же для них должно быть абсурдом и христианство. На точке зрения старых традиционных вероисповеданий люди оставаться не могут, поскольку, если мы взглянем на их представителей, скажем, католической церкви, то мы увидим, - если эти представители к тому же становятся ещё и учёными, - как они занимаются самой что ни на есть материалистической наукой! Вы можете видеть это на примере тех, кто как католические священники стали учёными: они не хотят вносить дух в науку. Они хотят, как раз, уберечь науку от внесения в неё духа, поскольку они хотят и дальше сохранять в духе старые традиционные формы. Они боятся нового открытия духовной субстанциональности. Поэтому отсюда тоже взять нечего. - Взглянет теперь на протестантский формы интерпретации христианства, - тут мы видим, как мощно давит на эту протестантскую новую теологию естественно-научное мировоззрение: они не могут вписать событие Голгофы в то, что происходит в мире! Поэтому они говорят, что Христа Иисуса надо понимать только с точки зрения его моральных качеств, с точки зрения того, что он привнёс как этос³⁴. - Но опять-таки этот этос совершенно повисает в воздухе, если он не закреплён в духовно-научном мировоззрении.

Кто осознает опасности, в которых, как раз, сегодня парит христианство, тот должен будет себе сказать: Именно христианство, в отношении познания своего центрального пункта, в отношении познания Мистерии Голгофы, зависит от обращения к духовной науке. Поскольку как духовная наука указывает на то, где находится зародыш будущей Земли, так духовная наука указывает и на то, где находятся силы, связанные с Землей, которые не содержались непосредственно в дохристианском Земли. Понять духовность Мистерии Голгофы можно только тогда, когда человек, посредством духовной науки, сначала вообще уже достиг некоего духовного понимания. Как раз, те, кто серьёзно относится к христианству, для спасения этого христианства должны обратиться к духовной науке. Это должны сделать те, кто серьёзно относится к христианству и вообще к религиозному.

Почему же у людей чисто естественно-научного периода ещё есть нравственные идеалы? Это нам также могут сказать голоса, подобные голосам Хельвальда и Матильды Райхардт, которые, правда, можно дополнить многими другими. Они учат нас: задача науки состоит в том, чтобы разрушить все идеалы, продемонстрировать их пустоту, их ничтожность, показать, что вера в Бога и религия - обман, что нравственность - ложь и так далее. - Вот что, собственно, следовало бы сказать, исходя из чисто научного мировоззрения, если не быть трусом!

Занимая такую позицию, христианство не спасти. Снова создать почву для христианства можно единственно и только посредством того, что с помощью духовной науки будет достигнута возможность заглянуть в само духовное, заглянуть так, что эта духовная жизнь

---

³⁴Этос (греч. ἦθος «нрав, характер, душевный склад») - многозначное понятие с неустойчивым терминологическим статусом. Понятие «этос» дало начало понятиям этики и этологии (Википедия, прим. пер.)

будет признана реальностью, а не иллюзорным пузырьком, которому отдаются только потому, что нуждаются в нём в борьбе за существование. Нет, не потому, что в духовном нуждаются в борьбе за существование, а потому что оно создаётся из нашего мира с необходимостью, так же, как с необходимостью из старого растения создаётся зачаток нового! Но только если увидеть, что старое не подлежит постоянству энергии и неразрушимости материи, а что всё материальное отпадает, как отпадают листья растений, и что духовное является зачатком того, что придёт, подобно зачатку растения, который производит новое растение. Только осознав эту несомную духом необходимость, можно прийти к истокам в человеческом внутреннем, где, в свою очередь, создаются нравственные ценности человека, где, в свою очередь, живут нравственные ценности человека. То же, что ещё остаётся таким людям, как Матильда Райхардт, Хельвальд и других в виде нравственных идеалов, так это конвенциональное цепляние за унаследованные идеалы. Если бы такие идеалы не были унаследованы из взглядов, пришедших к нам из 19-го в 20-ое столетие, они были бы невозможны! Плодотворной почвой для нравственных идеалов будет только то, что даёт в качестве такой почвы духовная наука.

По всем этим причинам духовная наука действительно не считает, что она действует просто исходя из субъективных потребностей своих приверженцев, а считает, что она действует, исходя из необходимости времени. - Как она должна действовать, исходя из необходимости характера нынешних народов на Земле, каковы сегодня эти народы на Земле в отношении своих душ, в отношении своих внешних культурных условий, - об этом я хотел бы поговорить завтра: как также, посредством рассмотрения, я бы сказал, этой духовной биографии и истории Земли, становится необходимым - как я сегодня пытался доказать в отношении нравственных человеческих ценностей человека через природу человеческого душевного существа - обратить взор на начало новой духовной жизни. Поскольку только тогда, когда мы найдём этот путь к духу, мы найдём также и источники нравственных человеческих ценностей, и нам уже не придётся сомневаться по поводу того, что когда-нибудь Земля станет пустынной могилой, и не останется даже воспоминаний о том, что жило в душе в виде нравственных ценностей человека.

Духовная наука показывает, что нравственные ценности человека по праву возникают в душевном существе, поскольку будущие миры закладывают свои зачатки в душах людей, как раз, посредством нравственных человеческих ценностей. Сегодняшняя нравственные ценности человека являются природными ценностями будущих миров. Как сегодня мы смотрим на природные ценности и видим результаты прошедших миров, так в том, что возникает в глубине нашей груди, мы видим начало новых миров. Не в абстрактной форме говорит духовная наука о вечности. Поскольку то, что живёт в вечном становлении, в изменении, возникая как природное из нравственного, и снова в своём чреве несёт нравственное для будущих миров, - то, что таким образом живёт в изменении, имеет жизнь вечности. И, благодаря этому, поскольку зачаток вечности покоится в человеческом душевном существе, человеческая душа имеет свою истинную вечность.

Духовные и нравственные силы современных народов
в свете духовной науки (антропософии)
ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ
Базель, 6 мая 1920 года

Вчера я попытался показать, как с приходом мировоззрения, которое полностью находится под влиянием естественно-научных определений, нравственные человеческие ценности постепенно больше не могут быть связанными в сознании человека с тем, что

таким образом предстаёт перед человеческой душой как картина мира. И было указано на то, как из источников духовно-научного познания это определение нравственной человеческой ценности должно быть найдено снова. Тут моей вчерашней целью было показать, как через принятие духовной науки человечество может снова прийти к полному осознанию своего нравственного достоинства.

Ту же задачу можно попытаться разрешить с другой стороны посредством духовно-научного исследования существа живущих сегодня на Земле народов, посредством исследования того, какие духовные и нравственные силы действуют в этих народах, чтобы ответить на вопрос: В какой степени сегодняшние люди, исходя из различных народных сил, могут стремиться к тому, что можно назвать социальным оздоровлением на основе этического, нравственного оздоровления?

Как человечество мы пережили, что внешние материальные, а именно, хозяйственные отношения, постепенно распространились почти на всю населённую Землю. Земля стала хозяйственной областью. И люди были принуждены, согласно знаниям, которые у них были, эту хозяйственную область Земли как-то обустроить: привести старые, возникшие, исходя из совершенно других предпосылок, государственные структуры и народные организмы, во взаимоотношения друг с другом таким образом, чтобы они могли быть интегрированы в эту общую хозяйственную область, чего и достигла современная цивилизация человечества.

То, что такая интеграция стала невозможной, показывает развитие последних пяти-шести лет; но она показывает также то развитие, внутри которого мы ещё находимся: это показывает гибель нашей общественной жизни. Вспомните все похвалы современной цивилизации начала 19-го столетия, о том, как люди, словно, по мановению волшебной палочки управлялись со своими делами, так сказать, через национальные и государственные границы, как с огромной скоростью, которую раньше и представить себе было нельзя, действовали телефон, телеграф и так далее, как ранее непреодолимые границы казались преодоленными. И смотрите, всё это было настолько мало обоснованно, что сегодня мы стоим перед национальными границами, закрытыми ещё плотнее, чем они были закрыты когда-то. И главное, что то, что ещё несколько столетий назад, возможно, ещё до 19-го столетия, а именно, закрытие национальных и государственных границ, воспринималось как нечто естественное, сегодня мы можем рассматривать только как нечто извращенное, извращенное в отношении народов и человечества, как нечто такое, что не может иметь никакого оправдания в действительных отношениях человеческого развития. И должен возникнуть вопрос: Что заставило человечество сделать такой ужасный шаг назад?

И очень скоро, по крайней мере внешне, мы придём к тому, что является причиной этого, если мы себя спросим: Двигалась ли также и духовно-душевная жизнь человечества в ногу со всем тем, что материально развивалось на всем земном шаре? Мы распространили один и тот же вид железнодорожного сообщения по всему цивилизованному миру, включая и нецивилизованный мир; мы ввели и другие виды транспорта, и тоже распространили их повсюду. Но мы не поняли, что надо повсюду распространять и действительное взаимное понимание человечества и мира. Мы пережили, как бы, хозяйственно-материальное тело единой земной культуры, но мы не дошли до одушевления, до одухотворения этого материально-хозяйственного тела единой земной культуры. То, что было сформировано по всей Земле как нечто хозяйственно-материально единое, осталось бездушным. Тут надо поставить вопрос: Как же стремящемуся к общности земному человечеству прийти к душе? К ней нельзя прийти иначе, как решившись взглянуть на действительное существо населяющих Землю народов.

Ну, разумеется, в одной короткой лекции нельзя углубиться во все частности разных народов; но на основании их определённых типических особенностей, вероятно, можно составить картину того, как живут люди по всей Земле согласно своей сущности, согласно своей душевной сущности. И тогда позволительно сказать: Если бросить на земное человечество взгляд, воспитанный духовной наукой, то в восточных областях можно увидеть человеческий тип, который древняя культура - правда, в Новое время находящаяся в упадке -

сохраняет вплоть до сегодняшнего дня, человеческий тип, имевший в древности предков невероятно высокой культуры и цивилизации, правда, такой, которая очень отлична от нашей. Из этого восточного типа мы можем выделить различные народы. Мы не можем вдаваться в эту дифференциацию; но сам тип можно некоторым образом характеризовать.

Затем мы видим второй человеческий тип. Я хотел бы назвать его средним (центральным) типом человека, а именно типом, который образует костяк европейской культуры, центрально-европейской культуры, история которого восходит к греческому народу, и который в определённом отношении нашёл своё продолжение в современных центрально-европейских народах.

И мы видим третий человеческий тип, тип западных народов, который затем нашёл своё самое радикальное оформление в американских народах.

Исходя из этих трёх типов, можно попытаться прийти к пониманию народных сущностей Земли.

Взглянем на Восток. Сегодня из восточной цивилизации выходят такие люди, как Рабиндранат Тагор³⁵, слова которого звучат для нас так своеобразно, отчасти так родственно, поскольку затрагивают самые сокровенные стороны нашей души, а отчасти так чуждо, поскольку они высказаны, исходя из совершенно других оснований, нежели может быть сказано то, что говорится, исходя из оснований Центральной и Западной Европы. К этой восточной цивилизации испытывается, я бы сказал, некое смиренное уважение, если углубиться в то, что она произвела для человека Востока. Достаточно взглянуть на одну единственную вещь, на Веды, на то, что индийская культура создала в мировоззрении Веданты; можно углубиться в то, что произвела персидская культура; можно углубиться в то, что произвел вавилонско-ассирийский мир, в отношении всего этого можно сказать: Конечно, тот, кто в Новое время рассматривает эти вещи новым научным видом познания, будет рассматривать их так, что, возможно, его сердце останется закрытым, что он будет просто расшифровывать все эти странные, чуждые вещи из санскрита, из священных писаний. Но кто приблизится к этой восточной культуре с открытым сердцем и со здоровым, открытым свободным разумом, тот обнаружит, что она прекрасна, что она указывает на первобытные времена человечества, где, правда, весь способ включения человека в мир был совсем другим, нежели тем, которым он стал сегодня у нас и у западных народов. Но этот инстинктивный способ, этот интуитивный способ отношения к миру, это сновидение мира, если мы его правильно понимаем, даёт глубокое, невероятно глубокое прозрение в мировое существо человека, прозрение, которого мы не можем достичь, несмотря на все наши научные и прочие сегодняшние усилия в центральном и западном мире.

Если мы спросим: На чем основаны такие вещи?, то я должен сослаться на то, о чём я здесь уже упоминал, чтобы вообще обрести какой-то ориентир в отношении существа земных народов, сослаться на то, что я высказал в своей книге «О загадках души» о троичном существе человека.

Я уже здесь как-то упоминал, что то, что я утверждал относительно трёхчленности отдельного человека, основано у меня на тридцатилетних исследованиях, что этот отдельный человек фактически состоит из трёх отлично друг от друга организованных членов: того, что можно назвать нервно-чувственным человеком, того, что можно назвать ритмичным человеком и того, что можно назвать человеком обмена веществ.

Эти три члена человеческой природы отличаются друг от друга не так, что можно сказать: тут я провожу границу, тут кончается нервно-чувственный человек и начинается ритмический человек. Эти три члена вплетены друг в друга. Но для того, кто хочет их различить, они различимы; поскольку душевное также возвращает нас к этому трёхчленному человеку. Всё то, что происходит в нашем чувственном восприятии, в нашем представлении, указывает на нервно-чувственного человека как на инструмент для этого. Всё то, что относится к нашему чувству, что переживается в нашем чувстве, указывает на ритмического

---

³⁵Рабиндранат Тагор, 1861–1945, индийский поэт, философ и борец за свободу; основная работа: «Национализм», немецкое издание Х. Мейер-Франк (H. Meyer-Franck), Лейпциг.

человека. И огромной ошибкой было бы думать, - к этому мы ещё придём, когда наше абстрактное естествознание станет здоровым, - что жизнь чувств, душевная жизнь (Gemütsleben) человека прямо связана с нервной системой. Она связана с нервной системой только опосредовано. Как мыслительная жизнь непосредственно связана с нервной системой, так душевная жизнь, жизнь чувств, непосредственно связана с дыханием, с сердечным ритмом, короче, с ритмическим человеком; а с нервной системой она связана только посредством того, что мы воспринимаем этот ритм и, тем самым, мир чувств. Просто представления, восприятия наших чувств, опосредуются нервной системой. Сами же чувства непосредственно связаны с ритмическим человеком. А воля, волевые импульсы, непосредственно связаны с человеком обмена веществ. И, в свою очередь, мысли о воле, мысли о наших волевых импульсах, - это то, что связано с нервной системой, не сама воля, которая непосредственно связана с системой обмена веществ. Я могу сейчас здесь только подвести к этому.

Чем-то таким, что мне сегодня позволительно рассматривать как надёжный научный жизненный актив, который, правда, вся внешняя наука сегодня ещё отрицает, - сами факты принудят её принять это, - является то, что то, что у отдельного человека проявляется как три члена его существа, не таким же образом распределяется у людей, в отношении их принадлежности к отдельным народам, которые мы сегодня хотим рассмотреть только по их типам. Поскольку, как раз, когда мы смотрим на эти восточные народы, а именно, на организацию этих восточных народов в те древние времена, когда они развивали свою замечательную культуру, мы обнаруживаем ту странность, что, как раз, в то время, когда они развивали свою духовную культуру, организация этих восточных народов была полностью ориентирована на обмен веществ. Это было преобладающим фактором у восточных пра-народов: действующий в них обмен веществ. Ритмическая деятельность и нервно-чувственная деятельность оставались позади этой деятельности обмена веществ.

Когда духовно-научный исследователь возвращается в древние времена и находит там странную, высоко духовную, тонкую культуру Веданты и Вед, и всё прочее, что вышло из восточной мудрости и восточного мировоззрения, его поражает то, что всё это связано, как раз, с особой утончённостью обмена веществ и с отступлением назад остальных членов человеческой природы.

Надо сказать, что, именно благодаря этой утончённости обмена веществ, восточный человек достиг того, что я здесь имею в виду под тонкой, высоко духовной культурой. Как растение, своими погруженными в почву корнями, непосредственно в своей изначальности втягивает в себя почвенные соки, как своими цветками оно притягивает то, что находится в его окружении, как всем своим обменом веществ оно связано со своим природным окружением, со всем тем, что оно отражает, как зеркало, так же обстояло дело и с восточной сущностью человека в те времена азиатской пра-культуры. Тут человек не просто поглощает, как мы сейчас, вещества из окружающей среды, тут он всасывает окружающий воздух не так бессознательно, как мы, тут всё то, что обуславливает в нём обмен веществ, он принимает с изначальной, элементарной силой. Он живет в том, что поглощает посредством своего метаболизма. Тут он живёт в том, что он принимает в себя в процессе обмена веществ. И можно сказать, что то, что затем в человеке живёт дальше, исходя из обмена веществ, что становится в нём чувством, что становится в нём мыслью, является таким же естественным выражением его существа, исходя из отношения этого процесса обмена веществ к его окружению, каким является непосредственное отражение отношения к окружению цветка дерева и плода этого дерева; в своём цветке, в своём плоде дерево отражает то, что живёт в его окружении в виде климата, веществ, субстанций. Правда, человек Востока дошёл то, что он принимал снаружи, до высшего расцвета, до полного созревания. Но то, что выступает в более древней восточной пра-культуре, является нам так, будто эта культура рождена самой природой, будто сама природа создавала её цветы, а человек был лишь проходным органом для того, что хотела создавать сама природа в отношении мыслительного (sinnigen) представления о мире.

В этом особенность этой восточной пра-культуры, что она будто доказывает: если природе позволяют говорить самой, если ей позволяют использовать человека как орган, то она говорит в высшей степени духовно. И эта восточная культура стала в высшей степени духовной потому, что она является тем, что, проходя через человека, говорит сама природа. Эта восточная пра-культура привела к расцвету ту мудрость, которую может высказывать сама природа, она подняла её до некой новой смысловой сущности. Природа раскрывается в сверхчувственном видении. Природа не раскрывается - это доказывается, посредством этого, непосредственно - с помощью материалистических взглядов, с помощью материалистических установок; природа раскрывается посредством духовного видения, посредством духовных установок. Природа не говорит о материи, когда она выражает свою сущность через человека; природа говорит о духе, когда человек не противопоставляет ей взгляды простой грубой материи. Природа, если её существо высказывается через человека, говорит не о материи, природа, если человек не противопоставляет ей своё воззрение о просто грубой материи, говорит о духе,

Это то замечательное учение, которое доносится до нас из древней восточной пра-культуры. Так когда-то жили на Востоке. На Востоке это учение обуславливало также и внешнюю жизнь в виде теократии. Люди, которые сами по своей природе были детьми природы, а не учениками природы, которые развивали свою мудрость так, как деревья развивают свои плоды, - эти люди говорили, когда они говорили о мире, только о божественном, о сверхчеловеческом. Они говорили о том, что является сверхчеловеческим. Они применяли этот взгляд на сверхчувственное также и в отношении социальной жизни: они основывали свои теократии. В этом человеческом типе в пра-культуре Азии возникло то, что мы можем назвать взглядом на божественное через человека. Этот взгляд на божественное как на нечто духовное является наследием времени древнего Востока.

Христианство основано на факте. Тот, кто видит исток христианства не в факте Голгофы, понимает христианство неверно. Несколько по-другому обстоит дело с взглядами на это христианство, с тем, посредством чего мы понимаем христианство. Те взгляды, которые позволяют нам понять христианство, если мы опираемся только на историю, без нового духовно-научного углубления, являются взглядами из восточного наследия. Поскольку там приходят к сверхчеловеческому, там приходят к сверхчувственно-духовному. Поэтому даже христианство пришло в центральные и западные области Земли, по сути, с Востока.

В качестве идеала человек всегда может рассматривать тот член, который лежит, как бы, над тем [членом], который элементарным образом внедрён в него природой. Восточному человеку был внедрен тот член, который, кажется, является самым низким в человеческой природе, но который, будучи интегрированным в девственно-элементарные природные отношения, выводит к высочайшим духовным высотам; восточный человек интегрировал в качестве своего элементарного члена систему обмена веществ. Лежащей над ней является ритмическая система. Поэтому свой идеал он ищет в ней. Он стремится подняться от того, что даёт ему природа, до того, что он может завоевать себе сам в сознательной человеческой деятельности. Поэтому восточный народный тип, стремящийся к идеалу, стремится к ритмичному человеку. И мы видим, как те, кто, в виде прекрасного цветка, внёс в человеческую культуру Веды, мудрость Веданты, прекраснейший взгляд на природу, видят своим идеалом особый путь сознательного восхождения в духовные миры через ритмического человека. Бессознательно же они поднимаются к той духовности, о которой я, как раз, говорил. С сознанием они поднимают её, чтобы подняться посредством ритмического человека. Это значит: определённым образом регулировать дыхание, практиковать философию Йоги, практику Йоги, определённым образом тренировать, обучать то, что есть в ритмическом человеке. Идеалом для них должен стать ритмичный человек. То, что, я бы сказал, находится ступенью выше человека обмена веществ, - это для этих людей становится идеалом.

И таким образом, мы видим, как из этого восточного народного типа выкристаллизовывается священничество, учительство или, собственно, человечество,

которое является одновременно и тем и другим, которое видит в этой практике Йоги идеал организации, особенно ритмического человека, чтобы достичь чего-то более высокого, чем то, чего человек достигает с помощью элементарно внедрённых сил.

Если мы теперь взглянем на всё то, перед чем мы можем оказаться в отношении этой восточной пра-культуры и обнаружим, как тут происходит взлёт к чистейшему, тончайшему духовному, как тут из этого духовного действительно вытекает чудесная, конкретная полнота - поскольку эта духовность наполнена содержанием, каким бы фантастическим оно не воспринималось на Западе, - мы должны сказать: То, чего эти люди, которые были так велики в указанной области и в поисках своего идеала путём тренировки ритмического человека, никак не могли приобрести, чего там не хватало, так это определенной жизни в праве, определенного включения в правовое общество. Помыслить такое в культуре, которая дала Веды, Веданту, создавшую другие восточные духовные образования, - невозможно! То, что можно из неё сегодня найти, используя западные понятия, легко понять неверно, но беспристрастное суждение должно сказать: там живёт духовная жизнь. Правовая, хозяйственная жизнь инстинктивна; она остаётся инстинктивной. Духовная жизнь поднимается к высшему сознанию из основания, из которого состоит хозяйственная правовая или государственная жизнь. И, по сути, европейцы большей частью живут наследием ориентализма в духовной жизни.

Мы, ведь, даже видели, как в известном направлении, которое называется теософским, с которым злая воля или непонимание часто смешивает наше движение, - как, посредством этого теософского направления, люди, я бы сказал, в результате полного декадентства, пытаются, в поисках новой духовности, переносить эту духовность с Востока на Запад, всегда несут в себе эту черту по переносу духовности с Востока на Запад. Сегодня это означает крайнее декадентство. Во времена, когда Восток мог дать христианству необходимое ему духовное углубление, это было само собой разумеющимся.

Иное предстаёт перед нами, когда мы смотрим на тот народный тип людей, который, я бы сказал, наиболее симпатичным образом является в древнегреческом народе, который, однако, затем нашёл своё продолжение в Центральной Европе вообще. Там, так сказать, с элементарной необходимостью, мы развили другой член человеческой природы. Ведь, люди обычно не знают, что в них присутствует как само собой разумеющееся существо. Народы Центральной Европы не знают, что главное, что в них присутствует, по сравнению с чем остальные члены человеческого существа отходят на второй план, - это ритмический человек. Все добродетели и все пороки средневропейских людей и тех, кто ими заражён, основаны на этом преобладании ритмической системы.

Ритмическая система душевно связана с тем, чем является человеческим чувством. В человеческом чувстве заключено всё то, что является добродетелью стойкости (Starkmut), что является страстью мужества, и так далее. Всё то, что, например, Тацит³⁶ говорит о древних германцах, по сути, и является таким душевным, которое основано на ритмическом человеке, так же, как восточная мудрость и восточная чувственность основаны на обмене веществ. И то, что делает грека таким целостным человеческим существом, что нас так восхищает в греке, если мы его действительно понимаем, это равновесие, которое в конечном счёте основано на полностью приспособленном к человеческой природе равновесии вдоха, выдоха и всех других ритмов. В конечном счёте, греческая соразмерность является следствием соразмерной ритмической системы человека.

То, что мы видим восходящим в греческом искусстве, что выступает перед нами как греческая скульптура, - это не что-то скопированное с модели. То, что формирует грек, сформировано так, будто он чувствует в себе этого второго, ритмично-соразмерного человека в действии и формирует его. Или, если он распадается, представляет его как Лаокоона в

---

³⁶Публий Корнелий Тацит, около 55–120, римский историк; Он написал, среди прочего, «De origine, situ, moribus ac populis Germanorum» (О происхождении, положении, и нравах германских народов).

Группа «Лаокоон»: Мраморная скульптура, изображающая смерть Лаокоона и его сыновей; создан около 50/25 году до н.э.

известной группе. Всё, что представлялось греку в виде пластической человеческой фигуры, основано на его чувствовании самого себя, исходя из равновесия ритмической системы.

И если мы посмотрим, например, на греческие трагедии - можно было бы посмотреть на всё, что является выражением греческой сущности, - то через эти трагедии должны развиваться страсти, страх и сочувствие. И, в свою очередь, через те же трагедии, вызывающие страх и сочувствие, эти страсти должны быть успокоены, высвобождены (abreagiert). Это катарсис. Это то, что грек, как бы, в виде копии своего собственного существа, искал в драматическом как саморегуляцию, как ритмическое. И Аристотель говорит, что действительная добродетель состоит в том, чтобы не впадать ни в одну крайность, ни в другую, ни в духовное, ни в материальное, не в высокое, ни в низкое, а придерживаться середины. Всё то, что грек переживает, как бы, сам по себе, - это уравновешенный (εβεντάβιγε) человек, который уравновешен через свой жизненный ритм.

И мы видим продолжение греческой культуры, в гётеанстве, в том, что произошло как новый взлёт духовной жизни в Центральной Европе; эту игру ритмической системы мы видим особенно в фигуре Гёте.

Как человек Востока, благодаря тому, что позволил природе заговорить в нём системе веществ, поставил перед собой высшую духовность, так и ритмическая система, которая обеспечивает в человеке собственно пропорциональность, поставила человека перед самим собой. И, собственно, нельзя себе представить более прекрасного выражения этой потребности становления человека в его пропорциональности, исходящей из жизненной ритмики, перед самим собой, чем книга Гёте о Винкельмане, где Гёте зашифровал всевозможные вещи о пропорциональном человеке. В этой книге можно обнаружить прекрасные выражения, вроде следующего: Когда природа достигает в человеке своей вершины, и человек собирает воедино всё, что есть в его среде, порядок, гармонию, меру и смысл, он вновь ощущает себя целостной природой и поднимается до создания произведения искусства. Или: Когда природа достигает в людях своего пика, тогда, если бы они сами могли себя понять, они возрадовались бы и восхитились бы этой вершиной своего становления и существа.

И можно сказать, что когда произносятся такие зрелые слова, слова, столь сладкие перед культурной зрелостью, то они являются выражением всей сущности, лежащей в основе народа.

И когда Шиллер писал письмо Гёте в начале девяностых годов: «Я долго наблюдал за ходом вашего существа. Вы берёте вместе всю природу, чтобы из её отдельных составляющих построить человека. Вы конструируете людей, исходя из интуиции. Это, собственно, вы могли бы делать в совершенстве, только если бы вы родились греком или хотя бы итальянцем. - Это описание человека, исходя из глубины человеческой природы, эта постановка человека перед человеком, подобно тому, как восточный человек ставит перед миром божественное, то есть, в каком-то смысле сама природа ставит перед миром своё существенное, - эта постановка человека перед человеком является сутью средиземноморского типа человека. Для него идеалом становится следующее вышестоящее.

Для него идеалом становится нервно-чувственный человек. Поэтому из этого средиземноморья мы видим с определённой бессознательностью, - точно так же, как восточный человек бессознательно проявлял свою духовность посредством своего обмена веществ, - мы видим проявление самостоятельной культуры, исходя из ритма. Зато как идеал мы видим работу в направлении идеи, в направлении к идеализму. И уже в гречестве зарождалось то, что является идеализмом в мышлении Платона и Аристотеля.

В свою очередь, это возникает в немецком идеализме мировоззрений: во всём средневропейском идеализме мировоззрений, исходя из нервно-чувственного человека, возникает идеал духовности, точно так же, как на Востоке возникает идеал Йоги. И тут мы видим, насколько ещё инстинктивным, действительно инстинктивным остаётся то, что является хозяйственной организацией, но зато мы видим появление второго, что на Востоке

было ещё инстинктивно, и что теперь вступает в сознание: это размышление о правовой природе человеческого социального сосуществования.

Таким образом, развитие правовой природы социального сосуществования мы наблюдаем, как раз, в средних регионах, исходя из типа центральных народов. Восточные народы развили некую духовность в древние времена. Затем о ней забыли. И даже когда мы сегодня слышим Рабиндраната Тагора, его речь подобно звуку из далекого прошлого: прекрасно, замечательно, но мы не можем поверить, что это ещё существует. И этого также действительно нет. Это, я бы сказал, уютная абстракция. Она обращается к нашим глубинам, но, собственно, не говорит о современной реальности. В то время как на Востоке пришла в упадок и эта духовность, человечество сохраняет наследие самобытной восточной культуры, так сказать, в своей склонности к духовной жизни.

К этому добавилось то, что человек может сказать о человеке, и то, что человек также может видеть в человеке. И это пришло, благодаря центральным народам. Там человек стоит перед самим собой. На Востоке человек стоит перед сверхчеловеком, и из мира сверхчеловеческого исходят нравственные идеи.

Рабиндранат Тагор и сегодня вновь и вновь подчеркивает, что культура Востока построена прежде всего на нравственности, на нравственных качествах, в то время как западную и американскую культуру он обвиняет в том, что она построена на механизме, на техническом механизме, на политическом государственном механизме, что она лишена нравственных идей. Дело обстоит так, что на Востоке, исходя из взглядов на духовный мир, возникших так, как мы это описали, ключом бьёт полнота нравственных идей. И, по сути, мы, собственно, и сегодня живём ещё этими нравственными идеями. Поскольку материализм Запада, как ясно видно из вчерашней лекции, не породил никаких моральных идей как таковых. Нравственные идеи - это древнее наследие, поскольку они возникают в душе человека только тогда, когда эта человеческая душа имеет связь с духовным миром.

В средиземноморской культуре человек стоит перед самим собой; в качестве наследия он получает нравственные идеи. Появляются правовые идеи, регулирование человеческих отношений так, что один отдельный человек противостоит другому отдельному человеку в социальной совместной жизни. Хотелось бы сказать: благодаря тому, что человек приходит к своей собственной сущности, он приходит к вопросу: Как мне следовать тому, что является нравственной идеей? В человеке возникает потребность, которой не было у восточного человека, не было, как раз, тогда, когда его духовная, его спиритуальная культура вливалась в его существо в наиболее чистом виде. В пределах всей этой культуры Востока, особенно по мере того, как мы возвращаемся в древние времена, слово и существо свободы не имеют никакого значения. Человек является членом мирового порядка; он вчленён в этот мировой порядок. Свобода, по сути, является чем-то таким, что не имеет никакого смысла. О ней нет и речи. Поскольку заповеди нравственной жизни, которые связаны со взглядами на божественно-духовное, действуют на человека, смотрящего из своей духовности, так, что они осуществляются им как само собой разумеющееся. Он не чувствует к ним никакого человеческого отношения. Он чувствует, что должен следовать этим заповедям, если только он их знает, так же, как он должен есть.

То, что, так, как само собой разумеющимся образом связанное с духовным миром, вытекает из восточной пра-мудрости, - правда, уже больше не вытекает из упаднической культуры Востока, - становится вопросом в тот момент всемирно-исторического развития, когда человек противостоит человеку, когда выступает средиземноморская культура. И это в особенности становится вопросом, когда появляется культура, непосредственно культурное направление западных народов. Это третий тип.

Как человек Востока изначально предрасположен к человеку обмена веществ, средиземноморец - к ритмическому человеку, так западный человек предрасположен к нервно-чувственному человеку. И кто сможет проследить также то высшее, что сложилось как духовная и материальная, внутренняя и внешняя цивилизация в Западной Европе и Америке, - кроме романских народов, которые пошли совершенно иным путем, переняв

наследие старых латинских народов, которые не представляют в такой чистоте то, чем является западно-европейское, вообще западное, - то есть, если мы взглянем на это другое, западное население, то оно является тем, в котором преобладает нервно-чувственный человек: Этот нервно-чувственный человек, создавший тот тип, который всё понимает понятиями, представлениями, идеями, который в особенности имеет склонность входить в абстрактное, входить в то, что теперь ставит не человека перед человеком, как у центрально-европейского человека, не сверхчеловека перед человеком, как у восточных людей, а ставит природу перед человеком.

В этом состоит особенность: Если с природной организацией подняться к нервно-чувственному человеку, то перед человеком стоит внешняя природа. Подумайте только, какой абсурдностью было бы для человека Востока спрашивать, связан он каким-то образом только материалистически с животным миром или нет. Как раз, потому, что он человек обмена веществ, он смотрит непосредственно на духовный мир, на сверхчувственный мир. Человек Запада не имеет такого взгляда на духовный мир. У него есть размышления о духовном мире, у него есть абстракции. Для него то, что перед ним предстаёт, в том числе и сам человек, - это внечеловеческая природа. Для Гёте человек стоит перед человеком, и он хочет понять этого человека. Шиллер говорит: Вы тот, кто из всех отдельных хочет построить целого человека. - Но это человек, то, что хочет построить Гёте; и, по сути, он хочет понять природу только для того, чтобы, в конце концов, повсюду в природе увидеть человека. В среде человека Запада, в среде нервно-чувственного человека возник дарвинизм в той форме, в которой его пережило 19-ое столетие. Там человек - это не то, что стоит на первом месте; там идея человека, как бы, угасает, там уже ничего неизвестно о человеке как таковом, там человек становится высшим животным. Там изучается животный ряд, изучается всё то, что разыгрывается в этом животном ряду в виде сил. Приходят к пониманию не человека, а высшего животного. И человек рассматривается только как высшее животное. Человеческое отстывает. Но зато: исключительное чувство для познания природы, и то чудесное углубление в детали всего того, чем является взгляд на эволюцию, например, в дарвинизме.

Разумеется, ничего подобного дарвиновскому происхождению видов никогда не могло бы возникнуть, исходя из точки зрения ориентализма. Никогда ничего подобного не смог бы создать и Гёте. То, что он сделал, я постоянно пытаюсь представить: оно имеет совершенно иную природу. Это не дарвинизм в более позднем его смысле, это нечто отличное от него.

Но, благодаря тому, что этот западный человеческий тип является нервно-чувственным человеком, возникает, я бы сказал, в ретроградном развитии, лишь идеал познания природы, идеал материального познания, вживание в материю.

И, по сути, это тот образ мысли западного мира, который прижился в Центральной и Восточной Европе уже давно. Поскольку то, что выросло на почве самой Центральной Европы, - это продолжение гречества. То, что в России выросло из самого русского существа, - это даже продолжение ориентализма; но то, чем всё больше и больше становится современная культура 19-го столетия, - это то, что вышло из нервно-чувственного человека Запада.

Таким образом, необходимо рассмотреть эти три типа человека, из которых, в свою очередь, выдифференцировались народы. Тут надо учесть, что самая что ни на есть духовная духовность была у восточного пра-человечества; что душевное (*gemütvolle*) понимание человека имелось в гречестве, отзвук которого в центрально-европейской культуре ещё оставался в виде гётеизма в конце 18-го, начале 19-го столетий, и что мы находимся под влиянием нервно-чувственной культуры, что мы должны думать, исходя из неё. Как таковая она совершенно определённо не произведёт никаких нравственных идеалов. Можно ли сказать, что она поэтому не имеет никакой нравственной ценности? Вчера я привёл примеры рассуждений о нравственном мировоззрении натуралистически мыслящих людей, из которых можно было бы заключить, что этот новый натурализм не имеет никакой нравственной ценности. Это не так. Конечно, у него нет никакого нравственного содержания. Его нравственное содержание, - это старое наследие, и оно должно быть старым наследием. Но у

него есть нравственная ценность. Какую же нравственную ценность он имеет? Он имеет ту нравственную ценность, что в качестве картины мира человек создаёт себе картину природы, что, как раз, ей он не даёт никакой нравственной идеи. Когда восточный человек углублялся в своё окружение, он получал нравственные идеи вместе со своей картиной природы. И так же, как он следовал природе как природный человек, он следовал нравственному и духовному миру как нравственный человек.

Средиземноморский человек ставит перед самим собой человека. Он получал образ человека, когда смотрел на мир. Но при этом нравственная идея, я бы сказал, абстрагировалась. Она должна была проявиться как наследие. Но человек всё же ещё чувствовал теплоту этой нравственной идеи. И по существу большая часть религиозной жизни того времени, в которой средиземноморские народы задавали тон, была этим тёплым чувством нравственного порядка мира. Покинутым, одиноким в отношении своих нравственных чувств человек чувствует себя только тогда, когда он имеет вокруг себя свободную от нравственности картину природы. Тогда человек смотрит в мир, в котором он стоит как природное существо, которому он принадлежит как природное существо. Он не даёт ему ничего нравственного. Если он хочет чего-то нравственного, он должен произвести это из источника своего внутреннего существа. Тут же он стоит перед миром, который не даёт ему никаких указаний. Он должен искать эти указания. Свобода не имеет никакого смысла в восточной спиритуальной пра-культуре. Свобода получает свое значение из натурализма. Этот материализм, который исходит из нервно-чувственного человека западных народов, имеет нравственное значение. Эта культура требует от человека осознать свою свободу, родить своё нравственное из самого себя. Если останавливаться просто на натурализме, - что уже было здесь результатом вчерашнего рассмотрения, - то можно было бы, как у тех личностей, высказывания которых я приводил вчера, втоптать нравственность в землю. Но если не проходить через это опасное состояние человеческого развития, где нравственность ставится под вопрос, где нравственность отдаётся на откуп свободы человеческого решения, - человечество не могло бы развиваться в направлении свободы! В этом состоит смысл человеческого развития, от спиритуальной пра-культуры до материальной культуры Запада, которая особенно предрасположена к хозяйственной жизни, которая, по сути, вывела на поверхность утилитарную этику, но которая должна дать людям сознание свободы в отношении собственно нравственного импульса.

Мы обретём основание для рассмотрения дифференциации народов, если будем исходить из этих трёх человеческих типов. Но мы никогда не получим характеристики целого человечества, в которой мы так нуждаемся, если брать то, что исходит из этих односторонностей.

Как раз, из такого рассмотрения можно научиться тому, что в том случае, если человек развивает то, что присуще ему, благодаря какой-то местной культуре, - как бы велика ни была эта местная культура, - то это односторонность. Прекрасная пра-культура - односторонность, западная культура с её материализмом - односторонность.

Всё это даёт представление о том, как односторонне то, что живёт в отдельных народах. Поэтому тот современный человек, который теперь видит, что по всей Земле должна расти гармоничная (*gleichmäßige*), не только материально-хозяйственная, но и духовная культура, должен развивать духовно-нравственные идеи из других источников, чем народные. Человечество к этому предрасположено, поскольку в своих отдельных народах оно приносит односторонние способности. Но отдельный человек должен вырастать над народным. Но он вырастает над народным не тогда, когда он создаёт, исходя из какой-либо народности, что-то иное, чем то, что свойственно его народности, а только тогда, когда он, исходя из этой народности становится способным формировать общечеловеческое.

Этические основы мировоззрения я попытался заложить в своей книге «Философия свободы», впервые вышедшей в начале девяностых годов. Там была сделана попытка показать людям путь к свободе и в то же время к нравственности так, чтобы в этой книге, однако, нельзя было также найти ничего, что было бы рождено только из одностороннего,

народного направления. Там всё имелось в виду так, что человек Востока может думать так же, как человек Запада и Средиземноморья. Там вообще нет абсолютно никакой народной дифференциации.

Там, как само собой разумеющееся, через всю книгу проходит мысль о том, что человек ещё не является полностью человеком, если он чувствует себя принадлежащим к одной из человеческих дифференциаций, к одному из народов, к одной из наций, что он становится полным человеком только тогда, когда вырастает из этой дифференциации. Конечно, человек является русским, англичанином, французом; но француз, русский, англичанин – это не человек как таковой, а человек должен вырасти из своей народности. Это, как раз, показывает действительно понимающее рассмотрение этого народа.

Но тогда вы начинаете строить нравственность на основе человеческой индивидуальности. И если вы строите её на основе человеческой индивидуальности, вы приходите к тому, на чём должна основываться нравственность в социальной жизни: нравственность в социальной жизни должна основываться на доверии, которое один отдельный человек может иметь к другому отдельному человеку. Это доверие должно иметь возможность быть. К этому должно стремиться образование, то образование, которое только и может принести нам улучшение наших социальных условий.

В определенных кругах снова и снова упоминается, что только принуждение, только власть, только организация может быть тем, что создаёт порядок внутри человеческого социального организма. Нет, организация никогда не наведет порядок; социальный организм может процветать только в той степени, в которой один человек может доверять другому, когда в человеческой индивидуальности укоренена нравственность.

То, что в моей «Философии свободы» было названо «Этическим индивидуализмом», было названо так по той причине, что, фактически, то, что выступает как этика, как нравственная идея, должно выступать из индивидуальности отдельного человека.

Но теперь следует важное. Вчера я прочитал вам отрывок из уст человека, который переписывался с материалистом Молешоттом. Там говорится: моральные импульсы есть у каждого человека и поэтому они у каждого человека разные. - Это материализм. Действительное видение прямо противоположно. То, что этическая основа заложена в каждом человеческом индивидууме, - это верно. Но нас в высшем смысле поражает то, что она в каждом человеческом индивидууме является одним и тем же; не каким-то образом предопределённым одним и тем же, не организованным одним и тем же, а данным одним и тем же, выступающим среди людей. И мы каждый раз по-новому выступаем перед каждым человеком, чтобы вместе с каждым человеком доверительно основать нравственные импульсы.

Это то, чем является этический индивидуализм, если он правильно понят, если он понят, как истинный акт человеческой свободы, что делает его в то же время универсальной этикой и что позволяет нам надеяться, что мы, как нравственные люди, придём к тому, что так же, как мы, встречаясь на улице, не находим правильным то, если один из нас сталкивается с другим, - мы, естественно, уклоняемся, - таким же естественным будет и то, что когда человеческое сознание, о котором я говорил вам вчера, и позавчера, захватит людей, исходя из духовно-научного основания, то это вызовет у людей такое чувство, такой образ мысли, что то, что живет среди них нравственно, станет таким же само собой разумеющимся, как и то, что люди не сталкиваются друг с другом, встречаясь на улице. Если мы живём рядом друг с другом так, как люди, мы можем понять человека в любой жизненной ситуации; мы можем извлечь нравственность из самой человеческой природы. Это показывает, каков путь, начиная с духовно-восточных пра-времен, к человеческому чувству в середине Земли, к человеческому абстрагированию, к человеческому пониманию мира, к пониманию как мира, так и природы, - каков путь, для того чтобы, наконец, действительно привести человека к свободе.

Но только тогда, когда он снова обретёт нравственность, исходя из духовно-научных основ. На Востоке она была дана посредством содержания нравственных идей, которые,

однако, как бы, с естественной необходимостью, ещё действуют в человеке. Эта естественная необходимость обуславливала содержание нравственного. Человек стоял, как бы, нравственно обнаженным перед природой, нравственным только перед природой. Он должен снова родить нравственность внутри себя, в своей индивидуальности. И он родит её снова только в том случае, если сможет родить её из вновь найденной духовности своего внутреннего существа.

Это то, что хочет духовная наука, духовное познание: родить нравственную волю, которая действительно в состоянии обеспечить наш социальный подъём. Духовная наука хочет этого, поскольку она верит в необходимость видения того, что для человечества современности и человечества ближайшего будущего особенно необходимо то, чтобы социальное оздоровление могло исходить только из духовного оздоровления.

Во вчерашних и позавчерашних выступлениях вы много слышали о том, насколько часто постыдны нападки, которые делаются сегодня на эту духовную науку. Я мог бы рассказать об этом гораздо больше, но сейчас я этого делать не буду. Но сегодня мне хотелось бы в заключение сказать следующее: как бы ни проявлялись эти нападки, если бы они были в состоянии разрушить для этого всемирно-исторического момента те усилия, которые предпринимаются сегодня в области духовной науки: духовная наука всё же должна была бы возникнуть заново! Потому что её надежда не основана на субъективной воле отдельного человека или нескольких людей, или даже секты, нет, её надежда основана на том, что человечество, в отношении своих самых душевных, самых важных вопросов современности и ближайшего будущего, нуждается в этой духовной науке и во всём, что жизненно с ней связано. В надеждах духовной науки рассчитывается на то, что эта духовная наука будет процветать, поскольку человечество в ней нуждается, поскольку человечество требует её так же, как оно требует обновления духовной жизни. Возможно, на какой-то момент, благодаря злобе и невежеству, благодаря непониманию, это можно подавить. Но преодолеть это надолго невозможно. Поскольку то, в чём человечество нуждается, произойдёт, какими бы ужасными, злонамеренными или непонимающими были противники этого, - то, что должно произойти на благо человечества, произойдет, поскольку это должно произойти, исходя из внутренних, из духовно-божественных оснований.